

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№25

ТАМБОВ • 2023

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4

T17

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 25

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционная коллегия

- Алёшин О.В. (Тамбов), *член Союза писателей России,
главный редактор «Рассказ-газеты».*
- Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный
работник культуры РФ, почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России,
главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ
имени Г.Р. Державина, почётный гражданин города Тамбова.*
- Желтова Н.Ю. (Тамбов), *литературовед, доктор филологических наук,
профессор.*
- Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед,
кандидат филологических наук.*
- Иванов Г.В. (Москва), *первый секретарь правления Союза писателей России,
председатель исполкома Международной литературной премии
имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России,
почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России,
кандидат исторических наук.*
- Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель
Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор
Тамбовской областной универсальной научной библиотеки
имени А.С. Пушкина.*

ISBN 978-5-6050418-0-1

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

У памятника Зое

Последнее застыло слово,
Запечатлён суровый миг.
И тянет к памятнику снова,
Поскольку Зои нет в живых.

Цветы к подножию пристрою,
Протянется меж нами нить.
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

Живу – и радуюсь, и маюсь.
Бывает всё: и зной, и лёд.
С пристрастием в себе копаюсь,
Да так, что ближний не поймёт.

Я не скажу: характер слабый.
Но как спрошу себя опять:
«А ты смогла бы? Ты смогла бы?» –
И не могу ответа дать.

Зачем живу? Чего я стою?
Смогла бы? Да!
Смогла бы? Нет!
Лгать бесполезно пред собою:

Ни то, ни это – не ответ.
Всё существо моё в смятенье,
Сама не знаю почему.
И только памятник – спасенье,
И снова я иду к нему.

Я снизу вверх взгляну на Зою,
Протянется меж нами нить.
Поговорю с ней, как с сестрою,
И вроде дальше можно жить.

Сергей ДОРОВСКИХ

Свет непокорённых

Повесть

*Посвящается 80-летию
снятия блокады Ленинграда*

1. Белые носочки

Тёплым августовским утром девочка, по обыкновению своему, грустила, сидя у речной запруды. Поджав босые ноги, к которым налипла сухая трава, она смотрела, как плывут, отражаясь в воде, облака. Птицы летели высоко, и ветер провожал их.

Вот бы и ей сейчас – думала девочка – сорваться, да и улететь со стаей! Увидеть чудесные земли, где не бывает холодов и зимы. Дальше райцентра, что находился в часе пешего пути от их села, бывать не приходилось. Какие они – эти далёкие жаркие страны, представляла только по рассказам сельского учителя, хотя и тот говорил о них по книгам, а сам тоже не бывал...

Она сидела на валуне, положив лицо на ладони. Колхозное стадо приближалось к запруде, слышался звон волочащейся цепи. Тень невысокого человека с хлыстом нависла над нею сзади, но девочка не могла видеть. Раздался звучный свист, и следом в воду плюхнулся камень. Грустная картина плывущих облаков заколебалась в бегущих кругах.

– Ну, здравствуй! Ты что нос опять повесила, а, Задумчивая? – девочка не вздрогнула ни от свиста, ни от шлепка камня. Она уже привыкла к проказам Васи-пастушка.

Нет, он не был злым, задиристым мальчишкой. Но чтобы Васька увидел её, да прошёл мимо, не отвесив грубоватую шутку, – не бывало такого! То в ухо дунет, а то и вовсе подкрадётся, да лягушку на плечо положит! Любовь у него, видимо, такая, иначе проявить пока не умеет. Да и прозвище – Задумчивая – тоже дал он, так и закрепилось.

– Слышь что, Задумчивая, ты почему не здороваешься? Доброго утра, или как там по-немецки? Гутен морген!

В школе они сидели за одной партой, учёба девочке давалась легко, Вася же баловался и отставал почти по всем предметам. Но к немецкому языку проявлял необычное для него усердие, слушал, запоминал. Внимательной и умной девочке казалось, будто какая-то сила направляет его, и знание языка ещё пригодится мальчику.

– Гутен морген, Вася! – не сразу ответила она.

Коровы, ломая засохшие кусты и помахивая утыканными колючками хвостами, спустились к запруде. Копыта с чавканьем проваливались, оставляя на заиленном берегу цепочку следов.

Пастушок спустился:

– Всё сидишь? И чего ты это... Ну расскажи, что высматриваешь, может, и я тоже что увижу. Вон-вон, побежала! Как её, водохрюшка, водоножка, что ли...

Девочка вздохнула, удостоив его беглого взгляда. Васька хотел было сказать, что глаза у неё такие же красивые, как и у коровы Нарядки, да не стал – обидится ведь! Не поймёт, хотя мальчик искренне считал, что самые чистые и красивые в мире глаза – у коров.

– Не хочешь говорить – ну и не надо! Вот и молчи! – и добавил: – Идлена!

Её передёрнуло, словно мальчик высыпал за ворот полную ладонь кусачих рыжих муравьёв:

– Вася! Я – Лена! Просто – Лена! Сколько можно просить, называй меня так! – затвердила она.

Отец её был в колхозе человеком не первым и не последним, как говорится, не так и не сяк. Вроде бы не бедняком, но и до середнячка никогда не достигивал. Водились за ним, само собой, и недочёты разного веса, хотя он больше переживал не за свои дела, а за то, как бы сродники его следом за собой на дно не потянули. Кто-то из дальней родни в гражданскую запяtnался, а тёща, несмотря на провозглашённое общее безбожие, слыла не только богомолкой, но и таким... молельным организатором среди старух, что было хуже всего.

Хотелось ему как-то своё согласие с линией власти выразить, с выгодой поддакнуть, а как – не знал, ума не хватало. Вот и решил он одиннадцать лет назад – в тот год он как раз в колхоз вступал – дать третьей по счёту родившейся дочери необычное имя. То ли в газете имя вычитал, то ли сам выдумал.

– Идеи Ленина, стало быть, значит, коль два слова меж собой присобачить! – говорил он с гордостью соседу.

– И то правда, имя уж какое-то дюже того, собачье. Собачачье даже скажу, во! Только сучку так и кликать – Идлена, Идлена! – отвечал тот, держась за плетень и похохатывая.

Да что сосед, все в округе дивились, особенно бабы-колхозницы – в их краях сроду имени чудаковатого такого не слыхивали. Но всё ж отец своего добился – на уровне района его поступок оценили! Да что там – наградили даже. Их колхоз получил имя Карла Маркса, и то ли юбилей был сего вождя, то ли иная дата – а наградили его за сознательность как раз томом «Капитала»! Хорош пода-

рок, да что с ним делать? Поначалу обрадовался – эх махина толстая, на сколько ж самокруток хватит, если потихоньку дома покуривать?.. Да расстроился – уж больно бумага плотная, чуть поблёскивает даже, сроду такой не видывал! Ни покурить, ни по иному назначению с такой никуда...

От жадности читать даже было пробовал, но дальше строчки «потребительная стоимость образует вещественное содержание богатства» уйти не смог – вроде слова стоят в ряд, по-русски сказано; по отдельности все они ясные, а вместе – ерунда какая-то невысказанная выходит... Поди да разбери! Лежал теперь этот том на самом видном месте, чтоб приходящим гостям сразу в глаза бросался. Перед каждым хвалился: «Мол, районом нашим отмечен, да-да! Умная книга! Читаю уж теперь по пятому кругу!»

Так и жила девочка со странным именем Идлена, и каждый раз её скручивало, если называли так.

– Лена я, прошу тебя! Меня, кроме батьки, все только Леной и зовут! Один он только на свой лад гнёт! – и она впервые улыбнулась, глядя, как коровы, войдя в воду, наклоняли, а затем поднимали морды, и с них струилась вода. – Ему-то удобно, идь туды, идь сюды! Идь туды, Идлена, Идлена!

– Ха! – Вася сплюнул сквозь щёлочку в передних зубах, подражая ребятам постарше – они вечерами стояли возле клуба, смолили сигарки и плевались именно так. – Да, что я тебе сказать-то хотел! Сегодня ж будет! Знаешь, что будет! Слышала, нет?

– Про что?

– В клубе что-то такое будет! Приедет кто-то!

– Кто?

– Да я откуда знаю? Зовут всех на праздник! Гость приедет большой!

– Праздник, гость, – перебирала она слова, словно камни в ладони.

– Гость – от слова гостинец! Может, сладостей каких городских привезёт!

Как их там – конфет, вот бы попробовать хоть раз! А?

Девочка опять задумалась и прошептала что-то.

– Так ты пойдёшь или нет? Хотя таких задумчивых небось туда и не пускают...

Идлена вновь посмотрела на коров. Они, ворочая боками, шли к берегу, и вода в запруде стала мутновато-ржавой, словно в торфяном болоте.

Нехорошее предчувствие охватило девочку. Откуда такие мысли, понять не могла, но слово «гость» пугало. Вспомнилось – а ведь сегодня на самом деле праздник большой, Успение! Бабушка в лес ушла с другими богомолками.

В глухой чащобе, если идти в лес от края села, находился святой источник. Поговаривают, что открылся он чудом после удара молнии – из разлома в камнях засочилась вода. Было это накануне дня Ильи-пророка, увидел народ в том знамение, и в честь святого источник и освятили. Истории этой больше ста лет, и долго не зарастала тропинка – двигались туда на большие праздники крестным ходом с хоругвями и песнопениями. Но, как вышло, чтобы зарости тропе, много лет не нужно. Как стали запрещать и с верой бороться, старую тропу всего за пару-тройку лет захватила поросль, а новую сделали непростой, петляющей. После

закрытия да поругания церкви в селе богомольцы опасались, чтобы и с источником святого Ильи-пророка не сотворили подобного...

Верующие в праздники стекались туда по одному, и предлог выбирали, шумно всем объявляя, мол, по грибы, по ягоды собрались. Но не все. Бабушка Идлены веры от зятя не скрывала, дома молилась открыто и, когда уходила в лес, не юлила, так и говорила, мол, к источнику, молиться!

– Перепадёт мне, старая, за твой треклятый источник! – орал он ей вслед. И шёл к соседу жаловаться. – Опять поплелась об свой колодец лбом биться! Загребут ведь, и её, и нас заодно, не приведи!

Успенев день выдался погожим, но с еле уловимой замершей грустью в предосеннем остывающем воздухе. Он был так чист, что удары кнута Васи-пастушка казались близкими, хотя он увёл стадо уже далеко. Плыли облака. Девочка смотрела на их отражение, вода после ухода коров медленно прояснялась.

* * *

Жизнь их села не была богата на события, и на праздник, что объявили в клубе, должны были собраться почти все. В рваной кофточке да босиком не побежишь туда, думала Идлена. Одно-единственное школьное платьице только и было приличное, вот оно и подойдёт, а с обувью – беда. Ботиночки-то есть, но больно стоптанные. Зато вот у сестры...

Придя домой, девочка обратилась к ней:

– Танька, дай туфельки!

– А на кой они тебе?

– В клуб!

– Чего?

– В клуб хочу пойти, на праздник, – робко повторила она, стоя в дверях, будто провинилась, глядя в тёмный угол.

– Ты, значит, в клуб пошлёпаешь, а мне её вон нянчить! – старшая сидела на табуретке и покачивала зыбку, подвешенную за крюк в центре комнаты. Идлена знала, как сильно Таня хочет пойти с другими девчатами в клуб, но не может – мать приказала ей сидеть до прихода всех дома и глаз с малышки не спускать – недавно в их семье родилась очередная, уже четвертая по счёту девочка.

Таня долго вредничала, задавала глупые вопросы, ворчала, так что Идлена не выдержала:

– Ну и ладно! Не дашь, так не дашь! Вредина! Танюха – злюха! Бе! Только потом ещё обратишься ко мне, ну-ну!

– Да стой ты! Задумчивая! Тебя ж так все называют? А гляди, как ведёшь себя! На старшую сестру – вон, язык достала! – постаралась отшутиться Таня, не переставая качать зыбку. – Так и быть уж, бери, чего там! Ну, стой! Ишь, как лошадь, заскакала! Чего растопталась, кобылица, а ну тишь, тшш, тшш, разбудишь!

И, причмокивая над люлькой, добавила:

– Только как же ты туда пошкандыбаешь, милая моя, без этих-то...

– Без чего?

– А без носочков беленьких? Любку городскую помнишь? Летом приезжала из Ленинграда? Подружка моя.

– Ну да, важная вся такая, ходит-крутит, виляет, ну! – и девочка, оперев ладони в талию и выставив локти, изобразила надменную походку.

– Во-во! – посмеялась Таня. – Так она кину в городе такую видала, и пересказывала, что в кинe той все девчата ходят только в беленьких носочках! И в Ленинграде, и в Москве-столице сейчас у всех они в фасоне! – она бросила издевательский взгляд. – А у тебя никаких нетути, ни сереньких, ни тем паче беленьких! Как же ты теперь? Да и на лапки твои!

Она посмотрела на грязные по колено ноги сестры:

– Как у Хаврюши! На тебя беленькие-то натяни, они ж враз чёрненькими и сделаются!

Таня поняла, что вот-вот доведёт – что часто бывало раньше – сестру до слёз. Да она того и добивалась! Но та, наоборот, повеселела:

– Танюш, ты мне, главное, туфельки свои дай, а там я уж знаю!

– Что ты знаешь?

– А то знаю!

– Ну, бери, в сенцах стоят, в коробочке, сама знаешь, только ножищци-то свои хорошенько сполосни!

Девочка убежала.

– Слышь, говорю, сполосни! – и на окрик в зыбке проснулась малышка, Таня вновь стала мурлыкать и чмокать.

– И-и-ить!

Идлена с разбегу прыгнула в деревянное корытце с водой, брызги разлетелись по некрашеному полу. Девочка потопталась, обтёрла ножки о тряпку и схватила туфли сестры. Долго держала у груди с победным огоньком в глазах. Потом примерила... Они болтались – пятки свободно поднимались, но если идти осторожно, то можно. А главное – красота!

Маленькая вновь уснула в зыбке, когда Идлена, ступая осторожно, но гордо, как она сама считала – по-городскому, вновь показалась перед Таней.

– Я тебе, ишь цокает по полу-то! – она не успела выругаться, как онемела: на Идлене были – и откуда только могли взяться – самые настоящие белые носочки! – А ну сказывай, откуда?

– А вот и не скажу! – победно ответила та и начала осторожно пританцовывать, чтобы не потерять туфельки. На столе зазвенела посуда.

– Я тебе! А ну, кончай скакать, вон блюдца полетят, ишь!

И только когда сестра подошла ближе, Таня наклонилась и поняла уловку. Старалась удержать смех, но тот прорывался надрывными всплесками, так что платок упал с плеч.

– Сама, что ли, али кто надоумил?

– Сама, конечно, сама!

Обув туфли на голые ноги, Идлена натёрла лодыжки большим отцовским куском мела, и теперь издалека казалось, что на ней – самые настоящие новенькие белоснежные носочки!

– Ну прям, как в кинe! – добавила гордо девочка.

Таня ещё немного продержалась, даже покраснела от натуги, но сокру-

шительный хохот всё же рванул, словно вода через плотину, да такой громкий и зычный, что малышка очнулась и разревелась, вытянув ручки.

– Ох, да иди уж с глаз моих! Давай, в своих белых нос, ох, нос, нос-ох-ох-сохохочках! – и взяла малышку на руки. – Ити-иши-ишь, ити-ити, спи...

А Идлена уже бежала, стараясь не потерять болтающиеся туфельки.

* * *

Клуб был в центре – в доме раскулаченного Ефима Дмитриевича Силанова. Выслали его со всей семьёй, а жило их в добротной избе человек пятнадцать. Большинство – детишки малые. Всех отправили в какой-то Нарым. Где такой находится, девочка не знала. Где-то на севере, очень далеко...

Домину под клуб и определили. Только вот как-то без хозяйского глаза всё пошло ломаться – то ставня отвалится, то порог провалится. А может, дом стал обижаться, что выслали тех, кто построил его, и потому мстил, жертвуя собой. Выглядел он теперь осунувшейся хмурой машиной. Даже резной петушок, и тот будто наклонил грозно голову, готовый сорваться и зашибить кого напоследок.

По соседству с клубом тянулась к небу поруганная звонница церкви. Колокол, как и купола с храма, сбросили.

Идлена всегда замирала, глядя на звонницу. В ней поселились голуби, и она каждый раз смотрела, как те перелетают, воркуют. Но теперь почему-то не доносилось шелеста крыльев, будто птицы чего-то или кого-то испугались и улетели.

– Здравствуй! Какие у тебя туфельки, а носочки-то! – сказал колхозный счетовод, поправив круглые очки на резинке. Он тоже спешил в клуб. – Эх, какая ты у нас нарядная!

Девочка смотрела на поруганный храм, будто видела впервые. Ей стало жалко сельскую церковь! Высокая, синенькая с белым, красивая, что она могла сделать такого плохого, что с ней так зло обошлись? Да не просто какие-то чужие люди – свои же рушили! Были среди тех, кто сейчас тянулся в клуб, кто в этом участвовал. Например, местный кузнец Игнат Лукич – вон грузно вышагивает! Любит хвалиться, что забрался и крест скинул оземь, и что ничего с ним после этого назло старухам-богомолкам не сделалось, только крепче, здоровее сделался.

«Жирный, как боров, стал! Теперь бы уж и не влез!» – говорили о нём местные женщины. Его не любили, но и побаивались. Говорили, что кузнец «знается» с нечистым, и что крест ломать он полез, как раз имея с тем грязный уговор.

Идлена знала, что её бабушка, как и многие другие, молится, кладёт поклоны, проходя мимо. А ещё в их доме хранилась одна из храмовых икон – когда церковь закрыли, утварь и святыни «активисты» демонстративно выбросили в овраг, но почти всё потихонечку разнесли по домам богомолки. И теперь бережно хранили, надеясь, что настанет пора, и это, собранное по крупицам, вернётся на законное место...

Переступая порог клуба, Идлена на миг остановилась. Опустила глаза на свои набелённые лодыжки. Обернулась к храму, а тот будто произнёс: «Не ходи!»

Не послушалась – пошла...

В доме «кулака» Ефима Силанова сделали грубый ремонт, убрав одну из

стен: стало просторно, но так коряво, что даже торчали доски, словно кривые зубы во рту старика. Особенно опасным местом стал подъём по лестнице у стены с плакатами – если на них засмотреться на ходу, то можно споткнуться и прочертить носом. Будто нарочно придумали – прочти да убейся! Тоже звучит, как лозунг...

– Ну, надо же! В белых носочках! Ты гляди-ка, в белых! – услышала она за спиной голоса ребят. Они, дослюнявив самокрутки, пошли за ней. Дома ей казалось, что, услышав такие возгласы, она только обрадуется, а на деле – налилась стыдом. Даже не боязнь, что подойдут, рассмотрят и засыпят насмешками, её тревожила. Что-то другое...

В просторной комнате из-за плотно стоящих спин было трудно понять, что все рассматривают. Идлена протискивалась локтями, и едва не потеряла в давке туфельку.

– Твоё? – кто-то ткнул в спину и засмеялся. Девочка оттиснулась к стене и постаралась как можно глубже засунуть пальчики в такой непривычно острый и потому неудобный носик туфельки, которую ей вернули. Затем протиснулась к центру комнаты и поняла, что на большом столе разложили газеты и журналы. Колхозники, почёсывая лбы и мыча, смотрели, но в руки почему-то не брали.

Она обрадовалась, ведь в их селе не было избы-читальни – всё собирались её организовать тут, при клубе, поговаривали даже, что деньги на это выделяли, только пошли они на какие-то другие нужды... А тут наконец-то привезли что-то почитать, и обложки – как показалось, все сплошь цветные, яркие, привлекательные! Да что же там такое? Может быть, и про дальние страны, куда так мечтала, сидя у запыленной, попасть девочка!

Но, подойдя ближе, невольно отпрянула. В глазах зарябило – на каждой обложке – или красные бьющие кулаки, или карикатурные изображения бородатого старичка, от страха поджавшего ноги к облаку. «Безбожник у станка», «Долой Пасху!» и «Атеистические чтения», «Антирелигиозник» – это только часть названий, которые она пробежала. На одной обложке Ленин почему-то был дворником с метлой, только одет был не как полагается уборщику улиц, а в кепке, костюме-тройке и с галстуком. Он выметал с планеты царей, банкиров и иерархов разных вер. На другой трактор переезжал лопнувшие купола, на третьей непомерно толстый священник убегал с плотно набитым мешком от мальчишки в огромной будёновке со звездой.

«Чем это такой маленький такого большого мог напугать? – не понимала девочка. – Поп же его щелбанчиком из будёновки выбьет, коль захочет!»

Ладонь легла на плечо. Вздвогнув, она обернулась и увидела высокого молодого незнакомца в кожанке:

– Нравится? Всё это вам привёз, в помощь подрастающей колхозной молодёжи! Читайте, вникайте! – он помолчал, погладив подбородок. Большие умные глаза изучали её. – Моя фамилия Афанасьев. А тебя как зовут?

– Л-л-л... Лена! – не сразу ответила она.

– Да врёт, её на самом деле Идленой звать! То есть, значит так, в развороте если, – идеи Ленина!

Это сказал Вася-пастушок. Девочка обернулась, смерив его презрительным взглядом.

– Вот как! Да это же, ого-го! – обрадовался человек в кожанке. Он грубовато похлопал девочку по плечу. – Да с таким именем самое то – возглавить тут, на селе, детско-подростковое безбожное движение! Да-да, я как раз и приехал к вам, чтобы рассказать про общественный союз – организацию юных воинствующих безбожников!

– А что же, и детей надо туда прям так – в омут с головой? – спросил стоявший неподалёку дед – Тихон Иванович. Он, несмотря на преклонные годы, продолжал работать сторожем на складе. В селе его уважали.

– В какой омут, какой головой? Да это и есть самое главное дело сейчас, наипервейшее, товарищ! – ответил, повернувшись к старику, агитатор. – Число ячеек безбожного союза достигло уже в нашей стране к этому году девяносто шести тысяч, в которых объединились уже три миллиона...

– Три мильёна, надо же! – перебил, присвистнув, Тихон Иванович. – А в стране нашей сколько, стало быть, живёт, народу-то?

– Почти сто девяносто шесть миллионов! – с гордостью отчеканил тот.

– Это что ж тогда получается, три мильёна – безбожники, а остальные, – старик прикинул на пальцах. – Оставшиеся сто девяносто три – боговерующие?

– Ничего такого не получается, глупости! Садитесь! Все садитесь! – командовал агитатор громко, ударив в ладони. – Где товарищ председатель колхоза? Распорядились, нет? Да, лавки, лавки несите! Табуретки? Да, их сюда, нет, сюда, что есть, всё, всё давайте! Рассаживаемся, так-так, товарищи, сейчас начинаем!

Суматоха от его слов только возросла – сидячих мест не хватало, хотя вдоль стен расставили лавки, принесли какие-то ящики и прочее, лишь бы можно усесться.

Идлена искала обиженными глазами Васю-пастушка, но тот затерялся в гомонящей толпе. Стараясь больше не терять туфельку – за это сестра так надаёт, что сидеть не получится долго, – она кое-как нашла себе местечко в уголке, протиснувшись между двух доярок.

«Вроде бы праздник, да! – подумала она. – Но что-то все какие-то хмурые!»

– Окошки распахните, что ли! – зычно крикнула одна из доярок, так что девочка вздрогнула. – Эдак сопреть недолго от такой духотищи! И с сигарками, с сигарками кто – идите отсель до воздуху, тут не натъ!

– А ты не командуй тут, ишь раскукарекалась, Фетётя! – ответил тракторист, самокрутка заискрилась от затяжки. – Вон, командир приехал, его все слушаемся!

Агитатор возвысился над столом с журналами. Он постучал карандашом по графину. Затем стал говорить – сначала тихо, а потом всё громче и громче. Девочка же в тесноте никак не могла понять смысла, и лишь улавливала обрывки:

– Надо нам, товарищи, побороть религиозные пережитки в нашем быту! Да, из быта, как выясняется, выдернуть мракобесье труднее всего!

– Это он супротив чего там, а? – спросил Тихон Иванович соседа – такого же старика, но ещё более глухого. Тот, опираясь на палку и чуть подняв мохнатые брови, ответил:

– Да супротив праздничков наших прёт, обычаев.

– Всё верно! – уловил пересуды агитатор. – Мы против всякой рухляди и мракобесия, которые только тянут нас назад, мешая коммунистическому строительству! Я и приехал сегодня к вам, чтобы втолковать, что религия – это не только пережиток, но и зло! Как гидра, как вражина, забирается глубоко, и выковырнуть её не так-то просто. Разрушить храм – это не так трудно, порубать купола, как головы этой самой гидры... а лучше всего – взорвал ко всем... и дело с концом! Это мы всё сделаем повсеместно! Но труднее храм в душах взорвать, вот что нам надо, вот что надо, товарищи! – и он яростно ударил кулаком в грудь. Отдышался и, налив воды в гранёный стакан, заглянул в бумажку и дальше стал читать уже по ней. – Религия, как верно утверждают основоположники марксизма-ленинизма, родилась на почве придавленности человека стихийными силами природы, и затем на протяжении истории эксплуататоры всех мастей использовали эти страхи для одурманивания и порабощения...

– Без Бога только рушить и умеем! – выдохнул старик, что сидел подле Тихона Ивановича.

– А говорили, мол, праздник будет! – ответил ему колхозный сторож и почесал бороду. – Какой же это праздник?

– Конечно, праздник, самый настоящий! – агитатор улавливал все разговоры и оставлял на время заготовленную бумажку. Молодой и горячий, до главного понимания он вовсе не дотягивал – что говорил слишком уж заумно, вычурно, его не понимали. Да и не особо хотели. – Праздник прощания с иллюзиями! Вы теперь свободны от них!

– Свободны от чего, он говорит? – спросил вновь один старик другого, и тот подёрнул плечами.

– От каких-то люзий...

– А, от люзий, да-а-а. От люзий свободны. Это хорошо, значит, наверно.

– Сам смысл религиозных праздников несовместим с нашим советским мировоззрением! – продолжал вбивать слова, как гвозди, агитатор. Он облокотился на стол с литературой, и казалось, вот-вот слабоватые ножки с треском расплзутся от напора. – А вообще даже странно, что в наше передовое время всё ещё приходится говорить об этом! Какие могут быть праздники-то?

– Да что значит, какие! Вон, Успеньев день сегодня, – раздался женский голос.

– Вооот! – протянул агитатор. – А зачем нам какие-то там успенья-преображенья, когда есть прямые, подходящие, подлинные пролетарские преобр...

– Пр, пр, пр, – Тихон Иванович то ли по-настоящему, то ли нарочно зачихался, и послышались смешки. Приезжий смерил старика недоброжелательным взглядом.

– Вот вам примеры хороших праздников: день индустриализации! – чеканил он. – Или день пролетарской диктатуры! Весь год пестрит яркими красными датами, знай – отмечай их ударным трудом! Я пришлю вам новые календари на будущий год, там все красные даты как раз и помечены!

Заезжий оратор ещё долго говорил о священниках, у которых достижения советской власти вызывают яростное озлобление и отторжение:

– Попы-недобитки призывают рушить фабрики и заводы, железные дороги, поломать орудия труда! Они зовут вернуться к деревянной сохе и лучине! Они хотят, чтобы вы все ходили в лохмотьях.

– Да мы, мил человек, пока от сохи и лучины не очень-то и ушли, – вставил Тихон Иванович. – И насчёт лохмотьев зря, пока – сам видишь, не в шелках. А попа я уж лет десять как не видывал, живьём-то, хоть бы взглянуть на одного, ежели их всех ещё не того...

– Остались, остались, и мутят! – не унимался агитатор. – Но, я так понял, мы уж перешли к вопросам, прениям. Полная свобода мнений. Может, кто чего хочет сказать?

Раздался гогот – все думали, что Тихон Иванович поднимется, попробует как-то хитро поддеть, но тот на тычки в спину ответил:

– Да что мне воевать-то с ним – старику! Видно – учёный человек, куда мне, сторожу. Ни-ни, не пойду!

– Ну что, тогда будем заканчивать, – агитатор утёр пот и вновь поднёс чуть дрожащие губы к стакану.

И тут какая-то уверенная крепкая сила подбросила Идлену – она, до этого робко сидевшая и переминавшая пальчиками складки на платице, сама не поняла, как так получилось. Её словно вытолкнуло с лавочки и двинуло вперёд. Она подошла к столу, над которым возвышался грозный агитатор.

– Молодец! Не робей! Вот сейчас послушайте, вам юное поколение что скажет! – человек в кожанке вытянул огромную пятерню, напоминая грозных людей с обложек безбожных журналов, которые кричат и громят. Но девочка, которая до этого боялась его, поняла, что страх пропал.

И это она... Задумчивая, которая и перед родителями не посмела бы выйти и слово сказать... Встала! Вышла! Она не знала, кто-то направлял её. Кто был рядом с ней – совсем неясно, но этот кто-то свой, невидимый, большой и добрый. За Ним – Правда! Он движет!

– Это вот раньше таким, как эта девочка, старшие затычки в рот вставляли, за любую провинность молиться на горох да на всю ночь ставили! Было же такое? Что молчите? А теперь! – не умолкал гость. – Скажи, скажи народу! Давай, Идлена, смелее, оправдай своё звонкое пролетарское имя!

И она вышла...

– Итить в корень, какие у неё носочки! И откуль такие? – слышались голоса. – Ты гляди-ка – беленькие!

– Да, беленькие!

– Вот, а вы говорите, в лохмотьях! Скоро у всех будут и белые носки, и платья белые! Всё будет! – говорил агитатор.

Девочку затрясло:

– Видали, какие у меня чудесные носочки! И-еех! – и она бросилась в пляс. Положив руки на талию, пропела:

Нам молебны непотребны –

Это мы соображаем!

Мы в колхозе без молебнов

Поднимаем урожаи!

– Вот, это точно! Видно, что с культурой у вас – хорошо! – агитатор захлопал в ладоши, надеясь, что его поддержат. Но все замерли, раскрыв рты, смотрели на девочку. Она – и такое? Как? Что вообще происходит?!

– Да кто там? Неужто тихоня выскочила, Ленка, она ж – Задумчивая! – послышались голоса. – Чего это такое? Она – не она!

А Идлена отплясывала всё яростней, не понимая сама: неужели всё это происходит сейчас, и с ней?! Одна туфелька слетела и упала к ногам стариков. Девочка продолжала:

*Дедка с бабкою говели –
Только редьку с квасом ели!
А пришёл Великий пост –
Их стащили на погост!*

– Вот-вот! В точку, со всей пролетарской ясностью! Давай-давай! – агитатор заводился, но, похоже, эта свистопляска нравилась только ему. – Гармони только не хватает! Что ж вы не подготовились-то?! Надо такое – под гармонию, у вас тут клуб или что, в конце концов? Заведующий, ну? А ты режь, режь, прям по живому, Идлена! Молодец!

У девочки от яростного пляса слетела и вторая туфелька – она едва не угодила в лоб соседу Тихона Ивановича. Тот отбил её клюкой, недовольно покачав головой.

*Батяка гонит самогон,
Чтоб прогнать кручину!
Васька бросил все иконы –
В щепки и лучины!*

По лицу агитатора прошла тень – в этой частушке он уловил за хвост народную иронию и не мог вмиг сообразить, стоит ли поддерживать? Вроде бы всё верно сказано, но и... Тем не менее бить в ладоши он не перестал.

*Мы в колхозе работнули –
Где же наши трудодни!
У коров хвосты крутили –
Пятилетке помогли!*

Приезжий замер, понимая, что ситуация выходит из-под контроля, и надо бы девочку остановить, но сказал другое, пытаясь вывести на нужную ему линию:

– Да, это про нерадивых, которые коровам хвосты крутят! Находятся ещё и такие! – не очень удачно вставил он, заметив, как по лицам колхозников пробежала насмешка, но была она сильно разбавлена и тревогой. Все прекрасно понимали, что частушки эти они, взрослые, по домам поют тихонько, а у детей ушки на макушке, всё слышат и тут же запоминают. Никто не знал, что такое, что называется, самое что на есть народное творчество так и вдруг просочится наружу! При чужом человеке! Который потом поедет в район да и расскажет... А там и дальше пойдёт дело, чтобы сюда вернуться и больно ударить... А спрос-то за всё будет не с девчонки, которая дитята ещё, а с них!

*Ах, носочки, ах, носочки, белые мои!
Поглядите, как зажили, как зажили мы!*

Это девочка уж придумала сама, на ходу, и, к удивлению всех, вдруг замерла, согнулась и размазала с лодыжек свои «носочки».

– Это чегой-то она! Что за невидаль?

– Да мелом она, что ли? Вот, дурёха, учудила, курам на смех!

– А что, так вот и живём! У нас всё так! – слышался чей-то смелый голос. – Вся наша жизнь – как носки рисованные!

Идлена размазала мел до колен и, разогнувшись, натёрла ладошками лицо. Оно сделалось бледным, словно у покойницы, а глаза горели. Всем стало не по себе. Последнюю частушку уже не пропела, а выдавила, тяжело дыша:

Председателя колхоза –

Уважай, не уважай!

Жито вынес он в корыте,

А сказал – неурожай!

– А вот это уж довольно! – вмешался «герой» последней частушки, который до этого старался остаться незаметным. Он вскочил и, встав плечом к плечу с агитатором, заорал: – А ну сядь, нахалка! С глаз долой, позорница! И откуда, спрашивается, понабралась! – он разъярённо искал в толпе отца девочки. – Это всё из дому сор такой, мы разберёмся! У кого нахв.. нахв, – он выхватил у агитатора стакан и опрокинул залпом. – Понахватались – узнаем, да на общем собрании колхоза вопрос поднимем!

– Идлена, твою ж, а ну сгинь! – запоздало вскочил её отец. Он хотел прервать и увести девочку и раньше, но ведь этот приезжий большой гость вначале её поддерживал, и ему казалось, что всё идёт хорошо, и даже благодарность за воспитание дочки получит – может, устное, а то и вещественное. А оно всё как обернулось! – Я ж тебя, подонка ты такая, хворостиной!

Сколько сил он приложил, чтоб казаться «правильным»! И не ждал, что родная дочь, притом та, что слывёт тихоней, так враз и глупо всё и подмочит!

– Ну уж нет, эти пережитки про хворостину – долой! – на этих словах агитатора отец осёкся и плюхнулся на место. Похоже, приезжий вновь перехватывал инициативу. – Девочка, тебе спасибо, молодец! Похлопаем! Садись! Не всё политически верно, но всё же! А критику нам надо понимать и принимать! – и он грозно посмотрел на председателя, который не знал, как ему быть. Он устремил полный гнева и чёрной ненависти взгляд на девочку.

Идлена, размазывая мел и слёзы, бросилась из душного помещения. Только теперь она поняла, что происходит, а до этого была, словно в мореке. Её время захватила и теперь так же внезапно отпустила сила. Уже в дверях из толпы она услышала:

– Всю правду-матку! Всю! Ну как прям эта, как кличут-то. Точно, как юродивая!

Зал шумел, и даже агитатор со своим зычным голосом уже не мог совладать с возбуждённой, бурлящей, изрыгающей многоголосые вопли толпой.

* * *

В зале был тот, кто с первой минуты, как Идлена поднялась и вышла на сцену, ни на миг не сводил с неё глаз. Он сначала смеялся, бил кулаками по колен-

кам, одобрял, а потом кусал ногти, наливался краской, стонал, едва сдерживая крик. Он чувствовал всё, что и она, и грубая отчаянная боль пронизывала его. Он тоже поменялся. Вмиг. Как и девочка. И потому только он один выбежал за ней вслед.

– Что, что это было такое? Задумч.. Задумчивая? А? Ты чего это такое... учудила? – сбивчиво говорил Вася-пастух.

Девочка шла босиком, из-за растрёпанных волос не увидеть глаз. Замерла, чуть повернув к нему испачканную в мелу щеку:

– Тебе ещё что нужно, предатель?

– Я... я не... зря ты так! Ты ничего не понимаешь... Про меня! Я тебе докажу, что всё не так!

Она лишь махнула рукой.

– Ты куда? – мальчик нагнал её, и они стояли напротив запустелой церкви, глядя на неё.

– Лена! – он сказал с напором на букву «л». – Прости меня! Я тебя больше никогда-никогда не назову по-другому, клянусь! И ещё знаешь что?

Она молчала, закусив губу.

– Я с тобой пойду, куда бы ты ни пошла! Сейчас, и вообще! Ферштейн? Я...

– Я, ферштейн, – ответила она и впервые улыбнулась, утерев нос. Он протянул руку, и они, сомкнув кончики пальцев, посмотрели на колокольню.

...Когда отец девочки вышел из клуба и обвёл сельскую площадь тяжёлым взглядом, их уже не было...

* * *

– Куда так бежим? – Вася отставал. – Вот это чаша!

Несколько раз бабушка брала Лену с собой к святому месту, когда девочка была ещё совсем маленькой. У источника её тайно от отца крестил зашедший в их края монах. Потом говорили, что он пропал – его арестовали за то, что ходил по миру и проповедовал, а также за то, что якобы агитировал против вступления в колхозы. Последним он вовсе не занимался, но откуда-то нашлось сразу пятеро «свидетелей»... Среди них – отец Идлены, который вызвался подтвердить, что слышал о его призывах.

Она не бывала здесь давно, но опять кто-то ей помогал, словно подсказывал, какой поворот выбрать на развилке. Слёзы обдуло со щёк, но даже в такой отчаянной гонке девочка заметила странность – повсюду встречались грибы! Коричневые блестящие маслята попадались даже по краю тропы! Стоит повернуть голову чуть в сторону – среди частого сосновых стволов то и дело мелькали малиновые, зелёные, тёмно-вишнёвые сыроежки! Низменности были полны россыпей мелких шляпок, и даже белые грибы – цари своего мира, которых в другую пору встретить один-два – великая удача, теперь попадались уже бессчётное количество раз! Но вот берёзки сменились чахленьким осинником, дорожка сделала крутой поворот, огибая камни, и пошла всё больше с горки вниз. Ребятам нужно было сбавить бег и крепче взяться за руки, чтобы не покатиться. И тут

снизу, словно из глубины огромной впадины, слышались отголоски.

Пожилые сельчанки тянули псалом, и слабый ветерок, натываясь на стеющую, словно туман, тонкую волну их голосов, тут же обретал силу. Он подхватывал слова, словно в ладони, и нёс их выше, выше, будто хотел и мог донести их до неба.

Мальчик с девочкой спустились к источнику. Воздух здесь был необычно свеж, влажен и прохладен. Камушки омывала вода, и со всех сторон их окружала душистая крапива. Хотя обычно эта крепкая трава – спутник запустения, но здесь мощные колючие стены скорее напоминали стражников. Они так хорошо укрывали любимую в народе святыню, что любой чужак, скорее всего, прошёл бы мимо, так и не заметив родника. Найти путь к нему мог только осторожный и внимательный человек – останавливаясь и поминутно прислушиваясь. Умиротворённое шуршание воды по камушкам было самым тихим и нежным лесным звуком.

– Леночка, ты? – удивилась бабушка, разгибая спину после поклона. Она произнесла это как можно тише, чтобы никто не отвлекся и не потерял тонкую нить молитвы, за которую все держались, оставаясь едиными. – Что-то там стряслось, моя голубка? В чём ты такая вся измазанная? Милая...

От добрых слов бабушки девочка не сдержалась и разрыдалась вновь. К ним стали поворачиваться – и лица старушек были чистыми и белыми, словно они отражали лучи большого светильника.

– Я на празднике была, бабушка! Только, – она захлёбывалась. – Только это никакой не праздник вовсе!

Вася отступил к крапиве, но тут же взвизгнул от ожога и вернулся на прежнее место. Он смотрел, как бабушка, взяв за ладонь внучку, повела её к источнику. Вода шептала, будто тоже молилась, вокруг стояли иконки, на ликах плясали огоньки свеч. Старушки чуть расступились, пропуская, словно во время церковной службы к алтарю.

– Лена, да тебя трясёт всю! – сказала Вера Ивановна – так звали бабушку. Она трижды прочитала молитву, а затем погладила внучку по растрёпанным волосам, перекрестила и умыла лицо. Меловые пятна размазывались, и расплывающиеся по щекам струйки напоминали молоко. – Водичка святая всё очистит! Вот так, вот так! Молись, деточка!

От рук бабушки пахло воском и даже, казалось, свежим хлебом и всем тем, что так крепко связано с домом, покоем, что дарует мир и свет на душе.

– Моргай-моргай, вот-вот! Умница моя! Проморгайся! – и она расцеловала чистое лицо девочки. – Господи, спаси и сохрани!

* * *

Возвращались, когда совсем стемнело. Расходились, как и было заведено, по одному, чтобы сохранить тайну народной тропы.

– Ты ведь никому не скажешь, что был здесь и видел, а, Вася? – спросила девочка, когда они втроём уходили последними.

– Нет.

– Смотри! Ты сказал, что никогда меня не предашь!

– Я никогда никого не предаю! – подтвердил он. Мальчик остановился, не зная, как же подтвердить, что сказал твёрдо. Давать клятву он не хотел и поэтому... перекрестился.

Они продолжили путь в сумерках, и девочка раздавила голой ногой большой, вобравший в рыхлую шляпку влагу моховик. В потёмках ей показалось, что наступила на жабу, и она вскрикнула.

– Ты что, не шуми! Сову разбудишь! – сказала Вера Ивановна ей, будто маленькой.

– Ты, наверное, уж и не помнишь, я тебя когда сюда тайно крестить водила к монаху, ты на обратной дороге плакала.

– Я всё помню, бабушка! И ты мне также тогда говорила про сову. Но вот только скажи... почему так много грибов?

Та в ответ нахмурилась, не хотела отвечать. Но девочка снова повторила вопрос.

– Ох... Всё, как осенью четырнадцатого года было, опять повторяется в точности! Помню, тогда телегами грибы возили! Набили все бочки отборными груздями и рыжиками так, что капусту рубить некуда уж стало! И вот теперь...

– А это к чему? Я не поняла...

– Ничего, внученька, идём! И ты, Вася, не отставай! Ничего...

Уже потом, спустя время, девочка ещё не раз вспомнит этот странный головокружительный день. Но в памяти надёжно задержатся только два ярких пятна – тихое и тёплое облегчение после того, как бабушка умыла из источника... и её слова, когда они шли в сумерках по росистой траве. Вера Ивановна винила себя, что произнесла их, и надеялась, что внучка не расслышала...

Но та запомнила их навсегда:

– Много грибов – много гробов!

Это произошло в последние дни августа тысяча девятьсот сорокового года.

2. Здравствуй, Ленинград!

«Как всё-таки жаль, что Любочка меня не встретит!» – Лена одёрнула вагонную занавеску, за окном промелькнул одинокий полустанок. Состав подъезжал к Ленинграду. Чем стремительнее менялись пейзажи, тем сильнее билось сердце девочки. Ей до сих пор не верилось, что это происходит с ней!

Родные долго спорили – стоит ли отпускать её одну в столь далёкую поездку? Она уже не ребёнок, но и не подросток даже – ей не было и двенадцати. Но всё же решились, и вот уже вторые сутки ехала одна навстречу большому неизведанному миру. И ждала от него только радости и новых впечатлений. Скоро колёса замедлят ход, остановятся, и нужно будет выходить, делать первый важный шаг в жизни... одной.

Ленинград! Было что-то звонкое и даже пугающее в одном названии! Город такой большой, а она... Как же ей, так похожей на жучку, упорхнувшего с деревенской поскотины, не затеряться в городе, который представлялся необъятным, кипящим, а люди – стремительными, будто плывущими в потоке.

Душой она готовилась к встрече с Ленинградом. На её родине в селе жил человек – один-единственный на всю округу, кому довелось побывать там. Правда, по рассказам его, случилось это так давно, что казалось невероятным. В те времена город носил иное имя и даже был столицей! Петроградом. И человек этот описывал город величественным, каменным и даже грозным.

«Жаль, что Любочка не может меня встретить! – вновь вздохнула, откинувшись. – Ленинград! Ленин – град! Нет, это всё же и мой город! Я обязательно полюблю и навсегда запомню его!»

Напротив Лены сидела женщина лет сорока, держа на коленях маленькую сумочку из кожи. Всё для девочки было в новинку – не только сумочка эта, но и роскошный берет с янтарной бусинкой, закрывающий левое ухо, а также клетчатое платье. Пассажирка казалась такой аккуратной и опрятной, что юная путешественница не сводила глаз. Лена знала, что неприлично вот так в упор рассматривать незнакомого человека, но... Женщина вошла на полустанке, она ехала из пригорода и села напротив девочки четверть часа назад. Всё это время они молчали. Так хотелось спросить о чём-нибудь, но при этом не показаться назойливой и тем более – невоспитанной деревенщиной, и потому Леночка робела.

Попутчица, задумчиво глядя в окно, тоже бросала на неё взгляды, слегка улыбаясь, видя, как девочка напротив елзлит.

– В Ленинград? – наконец спросила она.

Та кивнула.

– В первый раз, наверное? – девочка замотала головой, но по взгляду сразу поняла – её неловкий обман раскусили, и кивнула. – Ты, наверное, издалека?

Лена назвала родное село, потом подумала и добавила район, и поняла, что женщине это ни о чём не говорит.

– У нас и колхоз хороший, папа-мама там. Живём – не жалимся! – и не поняла, почему женщина засмеялась. Что-то сказала не так, или та не верит её словам?

Попутчица поправила берет, усмехнулась, бросив чуть надменный взгляд на ситцевое платье в горошек, а затем – на стоптанные башмачки – тёплые, не по сезону, и обутые к тому же на голые ноги. Спросила:

– А зовут тебя как?

Казалось бы, простой вопрос поставил девочку в тупик, и та налилась краской, закусив губу. Имени она стеснялась. Отец, который, собственно, и принял решение отпустить её в Ленинград, строго-настрого приказал, чтобы в городе представлялась только полным именем. Будто это может чем-то помочь. «Так и запомнят быстрее, если что! Сколько ж там народу! И Лен сколько в Ленинграде! – усмехнулся он тогда. – А ты одна Идлена на свете! Одна – вот и гордись, дурёха!»

Но девочка твёрдо решила – сколько бы новых знакомых ни появилось у неё, никто не будет знать её полного дурацкого имени. И ни к чему!

– Лена! – ответила, наконец, с трудом преодолев нахлынувшее смущение. – Леночка.

Впрочем, женщина поняла её замешательство как-то по-своему.

– И не боишься ехать одна?

Девочка вновь сначала замахала головой, а затем робко кивнула.

– Меня зовут Августа Ивановна. В нашей большой советской стране тебе нечего бояться! Никто не причинит тебе зла! – и произнесла ещё что-то, но слова больше напоминали лекцию, а Лена не любила громких речей: она в прошлом году попала в малоприятную историю, когда к ним в село приезжал агитатор по фамилии Афанасьев. Молодой, но грозный и решительный такой парень, как ей показалось. Он выступал у них в клубе с лекцией против религии и церкви... И теперь, когда женщина говорила про большую счастливую страну, девочка невольно поёжилась.

– Я – учитель русского языка! – сказала в конце Августа Ивановна, и девочка тут же вскочила.

– Сиди! Что ты, как на уроке будто! – добродушно засмеялась женщина и, расстегнув золочёные губки сумочки, протянула спутнице большую конфету. – Угощайся! Это подарок, скажем, по случаю нашего с тобой знакомства, Леночка!

Девочка поблагодарила и осторожно взяла. Залюбовалась обёрткой – белый медведь плыл на льдине, и небо над ним было какого-то необычайного светло-зелёного цвета с тёмными разводами. Должно быть, так художник изобразил северное сияние...

– «Мишка на севере»! – прочла она.

– Очень вкусная! Выпускает наша ленинградская фабрика имени Крупской! Никогда не пробовала? – женщина, как и ожидала, вновь увидела неуверенные покачивания в разные стороны.

Лена стыдилась признаться, что вообще не пробовала фабричных конфет! С дружкой Васей, который пас колхозное стадо, они часто мечтали о них. Провожая её на вокзал, он завидовал только в том, что она попробует конфеты, и даже, может быть, пирожные, и ещё что-то необычайное такое, фабричного производства. Дома-то, конечно, вкусно готовят, но на фабрике-то большой – совсем, наверное, другое дело! Так они думали.

«А в остальном не завидую! – сказал тогда он. – И что там смотреть тебе приспичило? То ли дело у нас – красотища!»

Стало неловко перед Васей – вот сейчас развернёт конфетку, откусит, а он... будто стоит рядом, и осуждает, что хрумкает без него. Подумала – может, сохранить и привезти ему в подарок? Но ведь лето, даже утром так жарко, а тут – шоколад, растает сразу. И она откусила половину, а вторую убрала в кармашек. Вроде бы честно. И совсем уже не стыдно перед другом – он как всплыл в памяти, так и спокойно себе растворился.

– Подъезжаем, смотри! – Августа Ивановна повыше приподняла занавеску, и девочка с кругленькой от конфеты щекой прильнула к окну. – Почти уже!

– Ух ты, какая... река! И вся... в камне!

– Не река, Обводной канал! Раньше этот мост назывался Царскосельским. И был первым железнодорожным мостом в нашей стране!

Поезд гудел, снижая скорость. Ленинград! Вот же он! Холодным он всё же не казался, да и как мог, ведь на дворе – лето! Но как же всё строго схвачено! Даже реки здесь несут воды в каменных берегах и зовутся так странно – каналами... И основной цвет всё же – серый.

По мосту они промчались быстро, вскоре въехали в просторный зал при-

бытий, и в нём... всего на миг... промелькнула одинокая фигура исхудалой женщины.

Да, это был миг, но как же внезапно и ярко он врезался в память! На женщине был белый платок, красная длинная юбка и зелёная кофта. В их селе многие старушки носили шушуны, словно крестьянки царской России, но никто не одевался вот так! Одежда её как будто с плеча солдата-рекрута или даже офицера, девочка, конечно, в этом не разбиралась, но повеяло чем-то таким, очень уж далёким. Женщина будто находилась вне времени, она чуть парила и при этом – Лена была уверена – смотрела только на неё! И проводила грустными и глубокими тёмными глазами именно их вагон...

Девочка невольно поперхнулась конфетой и выплюнула её. Августа Ивановна это заметила, но ничего не сказала, покачав головой.

Состав замедлялся, а Лене становилось не по себе. Подумалось, что эта странная женщина знает её. Но как? Вот-вот девочка спустится на перрон, и они встретятся. Впрочем, эта встреча скорее не пугала, а была предвестником новостей. Но каких? И почему она так решила?

Времени на раздумье не было.

– Пора выходить! – сказала учительница и невольно бросила взгляд на обсосанный шоколадный кругляшок.

Прощаясь с Августой Ивановной, девочка подумала: вот странно, сказали друг другу всего несколько слов, и разошлись пути... Неужели навсегда? Стоя в зале прибытий, проводила взглядом случайную попутчицу, завидуя её походке, покачиванию бёдер, клетчатому платью, берету – всему!

«Я тоже стану городской!» – решительно подумала, хотя и понимала, что глупость. Лето скоротечно, и в середине августа, а то и пораньше, нужно вернуться, готовиться к учёбе. Запомнились последние слова Августы Ивановны:

– Уверена, в твоей памяти Ленинград останется навсегда! – она произнесла с улыбкой, но прозвучало, словно холодное какое-то пророчество.

Оглянулась, ожидая увидеть ту необычную женщину, в одеждах старинных. Но её нигде не было!.. Люди шли, шли, и друг с другом никто не здоровался, как было у них в селе.

Витебский вокзал поразил и завладел девочкой! Нет, это был даже не вокзал, а музей, дворец! Она несколько раз обошла просторное здание, осторожно скользила ладошкой по холодным мраморным перилам огромной лестницы, поднимала глаза к высоким окнам с мозаикой, долго смотрела на лепные скульптуры. Девочка не знала наверняка, но, кажется, это были древние римские или греческие боги. Она в них плохо разбиралась, хотя и читала книжку с мифами. Проблуждав довольно долго, вышла в город и, обернувшись, посмотрела на башню с часами. Надо же, половина десятого утра! Весь день впереди!

«Жаль, что Любочка меня не встретила! – опять подумала Лена. – А может, и не жаль! Я и сама могу! Уже взрослая!»

Любочка, о которой она всё время вспоминала, была подругой её старшей сестры Тани. Та приезжала погостить к ним в село, потому что её мама была оттуда родом. Любочка так много говорила о Ленинграде, могла часами пересказывать фильмы, которые смотрела в кинотеатре, с замиранием говорила, как одеваются девочки в городах. И всё это так захватывало воображение Лены!

И вот весной в письме Люба пригласила Таню в Ленинград! Погостить на всё лето! Но сестра и помыслить не могла, чтобы вырваться: в их семье росли одни девочки, мать работала с утра до ночи в колхозе, и всё хозяйство было на старшей. Потому и решили, что поедет Идлена. Хотя Таня долго вредничала и говорила, что это её приглашают, поэтому ехать должна или она, или никто, но Леночка, как всегда и случалось, подобрала ключи к её сердцу, и Таня поехала в райцентр, направив подруге телеграмму с просьбой. Ответ пришёл быстро: «Жду Лену в Ленинграде тчк».

Только вот встретить не получилось – а всё потому, что она приезжала в субботний день, на который наметили выпускной вечер в школе. Люба готовилась, ей было не до встреч на вокзалах.

«А я бы так не смогла. Всё бы отложила, и... – думала девочка, но, видимо, в городах люди относились ко времени иначе. – Хотя – что там! И правильно! Зачем, разве я маленькая?»

Идти одной! Как же её распирало от гордости! Что же, адрес знает, и обязательно найдёт! Но прежде – нужно купить ленинградскую газету! Об этом тоже мечтала всю дорогу, ведь газета поможет узнать, чем живёт город, что будет, и куда можно сходить. Больше всего хотелось проехаться на трамвае и увидеть слона в зоопарке. Есть ли тут слон вообще или нет? Может, в газете что сказано?

Лена купила и тут же развернула большую, похожую на испещрённую знаками простыню, «Ленинградскую правду». Глаза разбегались от анонсов завтрашнего воскресного дня. Гонки гребцов и велосипедистов, так... футбольные матчи – и подумать не могла, что когда-нибудь сможет увидеть такие зрелища! Вот ей позавидует Васька, когда она расскажет, что видела не просто настоящий футбол, а!.. Заглянула: матч «Зенит» – «Спартак»! Хотя бы названия команд запомнить, чтоб потом умничать перед ним! Что же ещё? «Военизированный мотоциклетный кросс», «Парад сильных, смелых, ловких», а ещё – вечер-смотр художественной самодеятельности «Музыкальный крокодил»... Как же ленинградцы везде успевают? Может, они выбирают что-то одно?

Ни облачка, светлое мирное небо... Лена вышла на проспект, с важным видом читая газету на ходу. Думала, что все городские так и делают, ведь они постоянно куда-то спешат!

«Пусть Любушка идёт на свой выпускной, а вот завтра мы с ней!.. Вот сюда, нет, или – вот сюда! Сколько же всего интересного, и всё – на 22 июня!»

Но путь её был недолог – она упёрлась во что-то. Или... в кого-то.

– Так и под колёса недолго угодить, мальчиш! – услышала строгий, но приветливый голос. Опустив газету, увидела милиционера в белой форме с жезлом в руке.

– Да ты, гляжу, совсем и не мальчиш!

– Нет, я... девчиш! – добавила, и засмеялась.

Рядом с милиционером стоял парень лет двадцати в шофёрской куртке и кепке, из-под которой выбивалась русая копна волос.

– Прибыл самый вдумчивый читатель Ленинграда! – засмеялся добродушно он.

– С вокзала? – сразу понял и милиционер.

– Да, мне нужно попасть, – и Лена, сложив газету, порылась в карманчике. Рядом с завёрнутой конфетой лежал листочек с адресом. Она достала – он весь был в шоколаде!

– Сладкое путешествие? – вновь усмехнулся шофёр. – Так куда нужно, подскажем!

Лена назвала.

– Да и мне туда нужно, рядом совсем!

– Вот и доставь гражданочку... девчиша! – милиционер приложил ладонь в белой перчатке к козырьку, жезл качнулся. – Нестор – самый аккуратный водитель Ленинграда!

Девочка запрыгнула в полуторку.

– А вас правда зовут так... Нестором? Вы случайно не летописец будете? – спросила она, глядя в окно на оживлённую улицу. Мимо проносились автомобили – степенные, похожие на глазастых бегемотов.

– Друзья так называют. На самом деле меня зовут Семён. Нестеров моя фамилия. А ты откуда? Как звать?

И Лена рассказала о родном селе.

– Далеко. Нет, не приходилось там бывать. Я – коренной ленинградец! Ну вот, считай, приехали! Смотри – на домах есть таблички с номерами, так ты без труда найдёшь нужный тебе адрес. Ну прощай, девчиш!

Выйдя, проводила глазами грузовик и вновь подумала:

«Неужели они так и живут? Августа Ивановна, этот весёлый Нестор... Вот только с ними общалась, а больше уже наверняка и не увидимся. Ленинград! Какой же ты всё-таки большой!»

Прежде чем пойти искать адрес, присела на лавочку в тени каштана. Развернула газету.

– Мотокросс, футбол, выставка, – твердила она, пробегая глазами по анонсам и не зная о том, что ни одно из намеченных на 22 июня 1941 года развлекательных событий в Ленинграде так и не состоится...

3.

Утро накануне Пасхи

Ей снился душистый кулич – стоит он на подоконнике, сияет в лучах весеннего яркого солнца – белый, с чуть розоватыми сахарными подтёками. Буро-красные яички вокруг напоминают дорогое ожерелье. На столе – вышитая алыми петушками и цветами скатерть. Всё прибрано, благоухает. Это милая бабушка готовится к празднику... Лена тянет руку и, пока никто не видит, отрывает малюсенький кусочек посыпки. Да, так нельзя делать, нельзя. Заругают! Но всё, всё же! Как же сладко, как же... Но что за противный металлический звон? Кто это бьёт? Неужели опять?

– Лена, просыпайся! Лена, надо вставать! – кто-то тормозит, и девочка не понимает сразу, что её родной дом, праздничный стол и всё, что было так дорого, остались в прошлом. Кутаясь в тряпки, она с трудом приподнимает веки и видит, что лежит на голой панцирной кровати. На ней – гора лохмотьев, и всё

же дрожит. Родное село, из которого уехала в июне в Ленинград и куда не смогла вернуться, растаяло, как дым...

Первое, что видит, – печь-«буржуйку», стоящую на листе железа. В ней дотлевают куски подоконника и перил с лестничного марша – немецкая бомба недавно угодила в дом напротив, и они вместе с Любой, соседкой Анастасией Геннадьевной и другими немногочисленными жителями их дома, который чудом уцелел, в минуты затишья шли к обугленному зданию и выламывали всё, что могло служить обогреву. В своей квартире они уже сожгли всё, что только могли, в дело пошла даже богатая библиотека Анастасии Геннадьевны. Они долго не решались на это... пока был жив её муж. Но его не стало в декабре. Страшно было вспоминать о нём. Супруг соседки умер в последних числах месяца, и он пролежал в холодной постели восемь дней до нового года. Это нужно было, чтобы соседка смогла пойти и получить его продовольственную рабочую карточку, как за живого... Только после этого его отвезли и оставили у ограды Пискаревского кладбища. Похоронить сил не было.

Последнюю драгоценность – золотые часы «Павел Буре» – Анастасия Геннадьевна обменяла ещё в начале зимы, за них она получила мешочек чёрной обугленной земли. Девочки ещё с осени жили без взрослых, отец Любы был на фронте, и от него давно не приходило вестей, а мама её погибла во время бомбёжки 9 сентября. Тогда же сгорели и Бадаевские склады с продовольствием.

«Эта земля – оттуда! – пояснила тогда Анастасия Геннадьевна, насыпав в ладонь горку чего-то такого, напоминающего влажный порох. – Положите её в кипяточек, в ней есть сахар!»

Библиотеку они вынуждены были отправить в топку, чтобы согреться. Лена сначала пыталась прочитать что-то, прежде чем книги отправятся в печь, но не успевала – морозы в Ленинграде зимой сорок первого доходили порой до минус сорока градусов, и холод почти не отступал... Он будто стал пособником тех, кто взял город в блокаду.

Дымоход от печи выходил через форточку, которую обклеили бумажными лентами – если взрывная волна разобьёт стекло, оно, как надеялись, не разлетится в стороны осколками. Они с Любой ютились на кухне, которая осталась единственной жилой в трёхкомнатной квартире. По многим причинам. Кухня была самым небольшим помещением, и его можно было хоть как-то обогреть «буржуйкой». К тому же в других окна не уцелели, и их забили фанерой.

Кухоньку едва освещала «коптелка» – обычная бутылка с погружённым в керосин фитильком. Потолок потемнел, и Лена долго смотрела на большое чёрное пятно, думая, хватит ли у неё сил, чтобы подняться... Анастасия Геннадьевна, которая приходила к ним каждый день, хотя сама вся высохла и, пошатываясь, еле держалась на ногах, говорила девочкам:

– Милые мои девочки, нужно находить силы, вставать! Умирают те, кто не хватается за жизнь, кто остаётся в холодных постелях!

Лена и Люба это знали...

– Вставай, вставай, ну же! – тормошила её старшая.

– Что, опять, опять бомбят?! Я слышала! Слышала! – встрепенулась Лена.

– Нет-нет, тебе приснилось!

Звонкие удары по подвешенному рельсу во дворе означали воздушную тревогу. Услышав их, нужно было скорее бежать к бомбоубежищу. Лена никогда не забудет тот сентябрьский день, когда впервые услышала предупреждающие звуки. Она бежала по лестнице, когда всё зашевелилось, задрожало под ней, словно во время землетрясения. Схватившись за голову, девочка тогда добежала до спасительного бомбоубежища, боясь поднять глаза к небу. Казалось, что над ней кружила, словно стая хищных птиц, целая эскадрилья вражеских самолётов.

Но не гул, сокрушение земли, звон разбитого стекла вызывали прилив ужаса. Нет, иной звук, что предшествовал ему, – надрывные, частые звенящие удары по подвешенному железнодорожному рельсу во дворе... Недавно они, обессиленные, не смогли подняться и добежать, и это спасло их – бомбоубежище находилось в том доме напротив, откуда они теперь выламывали перила для буржуйки. Его завалило вместе с людьми, никого не спасли...

Люба подала ей руку.

– Иди, умойся! Я ходила к Неве за водой, – и девушка обессиленно рухнула на табурет. Деревянное сидение давно сожгли, и вместо него лежал большой промятый кусок фанеры, чудом уцелевший от давно сожжённого серванта. К реке девушки ходили посменно, но в последние дни Люба делала это чаще – хрупкая, теряющая последние силы Лена с трудом могла докатить саночки до реки, спуститься, набрать черпаком с длинной ручкой ледяную воду из проруби и, кутаясь от холода, вернуться назад. Поднять же полное ведро на третий этаж она уже не могла, и в этом ей помогала старшая.

Вода, тепло и хлеб стали тремя главными слагаемыми выживания в измученном блокадой городе.

– Ведро и бидончик на саночках кое-как дотащила, нам... и Анастасии Геннадьевне, – сказала Люба. Она чуть закинула голову назад и тут же, на полслове, забылась в тяжёлом, не приносящем сил сне.

Когда Лена умылась ледяной водой, постучала соседка. Два коротких удара, третий – сильный. Это был сигнал. Анастасия Геннадьевна требовала от оставшихся одними девчонок, чтобы обязательно закрывались на замок и незнакомым даже не отвечали. Почему – не объясняла, но на это были веские причины.

Старшие не догадывались, что Лена знает страшную тайну. Это случилось с ней в декабре. Чтобы получить хлебный паёк, они с Любой вставали в очередь ещё затемно, зная – если прийти хоть немного позже, на всех может не хватить. Но выстоять длинную очередь на пронизывающем ветру было выше любых сил, и девочки каждый час сменялись. Для этого одна подходила к занимаемому месту в очереди и медленно, по сантиметру, выдавливая другую плечом, занимая узенькое пространство. Любой неверный шаг в этой смене мог обернуться потерей места, а значит – голодной смертью. В то утро Лена уже во второй раз отправилась в квартиру, чтобы хоть немного перевести дух и погреться.

Она шла, кутаясь в лохмотья. В очередной раз подумала, как же теперь её родные там, в селе. Когда началась война, девочка порывалась собраться и ехать домой, но её остановили. От неё долго скрывали причину, а была она в том,

что практически в первые дни войны враг пришёл в её края, и пути туда уже не было... Если бы Лена могла сорваться и полететь, как птица, то поступила бы так, даже несмотря на всю опасность полететь с опалёнными крыльями от раскалённой смерти, что несли другие, железные птицы... с крестами.

Так она шла, вернее, перебирала рваными башмаками и покачивалась, как вдруг услышала женский окрик: «Беги!» То ли от голода ей померещилось, то ли... Но, подняв глаза, увидела пустынную мостовую, стену здания с надписью белой краской: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» – и обернулась.

Сзади, шагах в двадцати, будто голодный волк, стоял мужчина в рваной шубе. Трудно было понять, сколько ему лет. Он был исхудалым... но всё же не таким, как все! У всех ленинградцев лица осунувшиеся и бледные, а его кожа отдавала ярким розовым румянцем, а в глазах был – девочку передёрнуло от понимания этого – нездоровый звериный блеск!

«Беги!» – вновь раздался голос, и, чуть повернув голову, она увидела, что над вмёрзшим в снег обледенелым трамваем чуть парит силуэт женщины. Они ведь уже встречались, всего мгновение, глазами, когда Лена смотрела в окно, подъезжая к Витебскому вокзалу. На ней была всё та же старинная одежда.

Да, эта она, та незнакомка! И девочка подчинилась её голосу. Но бежать... бежать было выше её сил. И поэтому сделала неуверенный шаркающий выпад, потом ещё и ещё. Ладонь машинально потянулась к груди, ведь там, под рваными лохмотьями, покачивался рядом с бьющимся сердечком малюсенький оловянный крестик.

«Беги!» – такие же шаркающие звуки сзади и неровное дыхание со стонами. Обернуться – значит пропасть! Вот-вот холодная рука надавит на плечо, и её щуплое тельце опадёт под ней, как слабая ветка. И некому, некому будет помочь.

В отчаянии Лена тогда всё же обернулась и увидела, как преследователь, почти настигнув, рухнул, поскользнувшись на льду. Он издал не стон даже, а отчаянный рык...

Прибежав тогда в квартиру, едва отдышалась, долго держась за дверной замок. И теперь, когда Анастасия Геннадьевна предупреждала их, что нужно закрываться, девочка и сама понимала, насколько это важно. За зиму по всей окрестности съели кошек, собак, варили суп из воробушков и других пташек. Но были и те, кто перешёл совсем иную черту... И они были очень, очень опасны...

Когда Лена открыла дверь, Анастасия Геннадьевна перешагнула порог, словно и он стал теперь немислимым барьером, и, как тень, прошла к ним, волоча на обвислых плечах пальто. До войны она была крупной женщиной, и это было её пальто, но поверить в это, видя осунувшуюся, готовую рухнуть от слабого сквозняка фигуру, было сложно.

– Спасибо за водичку, девочки! – и она положила рядом с прокопчённым чайником две соевые конфетки. – Давайте вместе кипятком погреемся!

В углу кухоньки висел круглый репродуктор. Весь тёмный от копоти. Из него в дни блокады доносились звуки ленинградского метронома – это был

пульс города; подобно усиленному биению сердца, ускорение звуков означало опасность, близость артобстрела или налёта авиации. Ленинград жил, прислушиваясь к этому тревожному такту. В окружённом фашистами городе проводное вещание велось круглосуточно. Передавали сводки Совинформбюро, выступления известных ленинградцев с призывами держаться, иногда даже транслировали концерты, давая понять, что враг не сломил людей, жизнь, несмотря ни на что, продолжается.

И вот теперь живое биение сердца Ленинграда прервалось, передали сообщение, которого никак нельзя было ждать, – сводка утренних новостей началась с оповещения об отмене предстоящей ночью комендантского часа...

Лена не помнила точно, когда ввели запрет на перемещение по городу в ночное время. Кажется, ещё в августе, когда в одиночку, тайно ото всех, попыталась безуспешно покинуть город и уехать. На вокзалах были тысячи людей, страшная давка. В это же время, как говорили, прибыли составы с людьми из Прибалтики. Протиснуться сквозь отчаянную давку так и не смогла. Трудно предположить, куда бы направилась, если бы ей всё же удалось тогда покинуть Ленинград. Она бы ни за что не вернулась, даже если бы и захотела. Это был последний железнодорожный состав перед блокадой...

Ленинградцы учились жить по-новому. За нарушение комендантского часа виновные наказывались штрафом – до ста рублей, при этом средние зарплаты были на уровне четырёхсот. Если человек несколько раз нарушал комендантский час, привлекали уже к уголовной ответственности. Не наказывали только тех, кто имел спецпропуска. И тут вдруг – такое сообщение! Об отмене всех строгих правил... на одну-единственную ночь!

Анастасия Геннадьевна, услышав, не смогла устоять и облокотилась на плечо спящей Любы. Та встрепенулась. К удивлению Лены, соседка трижды перекрестилась:

– Господь услышал наши молитвы! – и заплакала.

Только потом, когда хлебали кипяток, раскромсав на троих соевую конфетку, женщина рассказала, что предстоящая ночь – пасхальная.

– В прошлом году у нас на Пасху крестные ходы конная милиция разогнала, а теперь, видимо, поняли, прозрели наконец! – женщина, присев на край панцирной кровати, грела дрожащие ладони об алюминиевую кружку.

– Что поняли? – удивилась Лена.

– Совсем ведь ясно. Без Божьей помощи мы не победим!

И будто подтверждением её слов стало новое сообщение из репродуктора, что в эти дни исполняется ровно семьсот лет со дня разгрома немецких рыцарей в ледовом побоище князем Александром Невским.

– Святым благоверным князем Александром Невским – небесным покровителем города нашего! – добавила Анастасия Геннадьевна слова, которые, конечно же, не могли прозвучать из репродуктора.

«Значит, непроста мне сегодня праздник снился!» – хотела было сказать Лена, но промолчала, будто даже одно упоминание о духмяном пшеничном куличе, который, как солдатики, окружают крашеные яички, могло привести к об-

мороку. Такое уже случалось, когда они с Любой предавались воспоминаниям и говорили о еде.

– Я и очередь утром отстояла, одна, не стала тебя... – подала, наконец, голос Люба, и протянула руку за пазуху.

Там, у груди, хранилось самое бесценное достояние: полученные на карточки три пайка хлеба, по сто двадцать пять граммов каждый. Размером чуть более спичечного коробка... Его пекли с ничтожно малым добавлением муки, в остальном он состоял из жмыха, шрота, целлюлозы, хвои и всего того, что хоть как-то могло оказаться пригодным в пищу... Дополнением к хлебу служил студень, его варили из столярного клея, в основе которого были кости животных. К сухим жёлтым плиткам раньше добавляли лавровый лист, гвоздику, перец, пока они ещё оставались в запасах Анастасии Геннадьевны. Сам клей быстро стал дефицитом, так что и студень из него теперь варили в редкие дни.

– Сегодня сварим! – в подтверждение мыслей девочки сказала соседка. – К светлому празднику Пасхи!..

Она долго молчала, собираясь с силами:

– Я не могу просить вас девочки, не могу... Но. Если Бог даст сил вам, сходите в храм, освятите куличи! Идти недалеко. Поверьте, это так важно!

– Куличи? – спросили девочки в один голос.

– Да, – и Анастасия Геннадьевна посмотрела голодным взглядом на три кусочка хлеба. – Это и будут наши куличики!

4.

Свет креста Твоего

Ещё издали, подъезжая к рыбацкой деревне Кобона, что приютилась на берегу скованного льдом Ладожского озера, водитель грузовика-полупортки Семён Нестеров обратил внимание на странное свечение. Был серый пасмурный вечер, и воздух напоминал сгущающееся молоко. И тем волшебнее казалась эта маленькая уютная точка впереди. Будто блестит, переливаясь перламутровыми огоньками, одна-единственная звезда! Но как такое может быть, когда другие небесные светила упрятаны от взора словно плотной неподвижной наволочкой?..

Это был его первый рейс в Кобону по Дороге жизни. Он выехал в обед – небеса отяжелели, и даже при свете дня видимость оставалась плохой. Нелёгкий путь предстоял водителям, но главным было другое – перед снегопадом немного снижалась вероятность налёта немецкой авиации. Из блокадного города нужно было эвакуировать ребят – воспитанников ремесленного училища.

Укатанную ледовую колею переметала позёмка, и Семён, не переставая, думал, каким выдастся путь назад, ведь предстоял и обратный, ещё более важный рейс из Кобоны – с мукой. Небо было пустынным, молчала и вражеская артиллерия со стороны Шлиссельбургской губы. Семёну показалось, что юные пассажиры тоже оживились, и, хватаясь vareжками за фанерные бортики, шумно обсуждают блестящую точку на горизонте. И, чем ближе подъезжали, чем яснее

в дымке проявлялись размытые очертания рыбацкой деревни, тем яснее становилось это чудо.

– Да что же это такое сияет? – схватив крепче руль и чуть приблизившись к покрытому блестящей крошкой окну, спросил сам себя Нестеров. – Никак не разберу! Чудо! Как есть!

Он понимал, что несомненным чудом было и то, как ему, новичку, повезло! Когда вокруг – пространство бескрайних льдов, всё представляло опасность. Машины – как пунктирные точки на огромной белой скатерти! Ударить по колонне могут сверху, сбоку, и даже снизу мог ждать самый коварный, природный подвох – трещина, а то и заметённая, невидимая потому промоина. Но – вот ещё немного, и Кобона – старт и финиш Дороги жизни – будет достигнута.

Грузовики тянулись друг за другом, девушки-регулирующие в масках красными и белыми флажками, указывая направление. Машины держали дистанцию сто метров. Это было правилом, которое давало время на манёвр идущей позади машине, если с передней что-то случится. А происшествия, по рассказам опытных шофёров, были почти в каждом рейсе. Но теперь – нет, словно кто-то хранил их свыше.

«Кто, как не Бог?» – подумал Нестеров.

Он рос оторванным от веры и церкви, но вопросы, как устроен мир, почему происходят те или иные события, настигали его и ставили в тупик. На войне простые, как их называли, материалистические представления разбивались, их было просто недостаточно. Уже не в первый раз Семён сталкивался с тем, что никак иначе, кроме как чудом, и не назвать... вернее, он видел проявление сил внешних, незримых, но от этого не менее реальных, чем мир видимый.

Если бы он знал молитвы, то читал бы их, оставшись один на один в холодной, без обогревателя кабине. И он твердил самые простые слова, какие только могли прийти в минуту, когда под тобой – готовая проглотить водная пучина, а сверху – простор для стальных вражеских ястребов:

– Господи, помоги мне! Помоги нам всем! – эти слова вырывались с клубами пара, они не только помогали, но проясняли ум и даже – согревали. Особенно когда он добавлял – «Иисусе Христе!» Он не мог понять, как такое может быть, но само по себе имя Господа грело; каждый раз, произнося его, он чувствовал, будто в груди загорается и расходится согревающими лучами во все концы медовое тепло.

Семёну недавно исполнилось девятнадцать лет, до войны он работал шофёром на заводе «Красная Вагранка», с первых дней просился на фронт, но его решили оставить в городе, где требовались люди. И вот несколько дней назад он был зачислен в 388-й отдельный автомобильный батальон, занимающийся доставкой грузов по льду Ладожского озера. Самая опасная и самая нужна работа.

В их колонне был самый опытный водитель с интересным, легко запоминающимся отчеством – Владимир Полуэктович. Шофёры – такие же ленинградцы – возили муку и продукты, но сами получали пайки, которых не хватало для того, чтобы одолеть чувство голода. Владимир Полуэктович был высохшим, вытянутым и бледным, со строгим и всегда сосредоточенным взглядом. Он будто нащупывал

в себе нить, помогающую сконцентрироваться. Бывало, что в рейсах он проводил несколько суток, и трудно было понять, откуда в этом сутулом жилистом человеке берутся силы. Перед этим первым для Семёна рейсом он наставлял, что ехать нужно со скоростью не выше тридцати пяти – сорока километров в час.

– Мы до этого горьким умом дошли, а прежде столько машин и ребят потеряли! – объяснял он, постукивая носком истёртого кирзача по заиндевелому колесу. – Только чуть шустрее дашь, и лёд трескаться начинает! По-умному называется – резонанс. Там же, под нами, волна ходит, и тоже со своей скоростью! Нельзя, чтобы они совпали! Какого бы наросту лёд ни был, запомни, треснет под тобой! Сам не заметишь, как провалишься! Так что не лихачь, парень, держись, как все!

Так что же блестит-то? Только теперь он разгадал чудо – издали светился и был виден крест на куполе храма в Кобоне! Вот что!

– Господи, спасибо Тебе! – произнёс он, когда колёса с пробуксовкой пошли уже не по льду, а по подъёму.

На вершине подъёма их встречала фанерная табличка, но прочитать, что на ней написано, можно было только со стороны деревни. Съехав чуть, он остановился и свесился на подножке, держась за дверь. Бросил весёлый взгляд на пассажиров. Они напоминали измученных галчат, которые трутся плечиками от холода и голода:

– Ну что, мальцы, все целы, никого не потеряли?

– Да нет! – ответил за всех щуплый мальчишка в не по размеру большом подвязанном верёвкой ватнике. – Мы приехали?

– Да, ребята, теперь для вас всё лихое – позади! – ободрил их Семён. – Сейчас вас накормят, обогреют, и всё такое! Так что носы вверх, и полный вперёд!

– А где... враг? – спросил мальчишка в ватнике.

Семён, прикинув, указал ему в сторону, и парень, держась за борт, плюнул в том направлении.

– Ишь ты! Не плюйся! Это тоже ведь наша земля, а не их, отобьём скоро! – засмеялся Нестеров и, прежде чем перекинуть ногу с подножки и сесть в кабину, прочитал надпись на табличке: «Каждая полуторная машина везёт продовольствие на 10 тыс. пайков, на 10 тыс. человек! Водитель, спасай эти жизни!»

Всю дорогу Семён посасывал галету, справляясь с голодным желанием умять целиком. Теперь он сглотнул, и на языке больше не осталось и крошки.

У сельсовета ему объяснили, что места есть в церкви, которая служила эвакупунктом.

– Ну вот, ребяташки, в церковке вас сейчас приютят! – сказал он, вернувшись. – Не галдите, силы поберегите! Ещё мне там сказали, чтоб я передал вам! Это... много сразу не ешьте, а то, говорят, может так живот скрутить, что и того, помрёте разом.

– А нам дадут еды так, что аж помереть можно? – спросил один.

– Правда, что ли?

– Жуй-жуй, народ, но так, чтоб не до свороту животу! – и Семён вновь захлопнул дверь.

Он на миг замер, прежде чем надавить на газ и проехать короткий путь от сельсовета до церкви. Сердце сжалось, как комок в груди стоял. Нестеров иногда думал, что война с её суровыми лишениями выхолостила, вымыла из души всё, даже чистое и хорошее. И так было не только с ним. В Ленинграде осенью и особенно этой зимой смерть стала постоянным молчаливым гостем, и многие даже к ней научились относиться как к чему-то неизбежному. Не было слёз, их тоже как вымыло. Он не знал, почему такое могло произойти с ним... но, когда от голода умерла мама, Семён не плакал.

С первых дней войны редко появлялся дома, помогал, чем мог, да вот только... чем он мог... События захватили и повлекли за собой таким потоком, что не дали и мига, чтобы остановиться и задуматься даже над тем, что он потерял самого дорогого, единственного человека. Семёна рос без отца, и никого на всём белом свете у него не было. И вот, не стало мамы...

Он крепче сжал руль. В боковое окошко робко постучали, показалось закутанное в женскую шерстяную шаль мальчишеское личико:

– Дядя водитель, ну мы чего, едем?

Семён кивнул.

Да, когда не стало мамы, он почему-то не плакал! И стыдился этого. Значит, не жаль, что ли? И вот теперь, когда быстро домчал полторку и помог спуститься этим шумным ученикам ремесленного училища, смотрел, как они, собрав свои пожитки, сутулясь, идут гуськом, с трудом поднимают слабые ножки по ступенькам храма... И он не сдержался! Слёзы заволокли глаза парня, и он стоял на подножке, оперев руку о фанерный борт.

Дверь храма открылась, и даже издали показалось, что из глубины дохнуло теплом. Семён почувствовал, будто до его лица дотянулись согревающие огоньки, похожие на язычки свеч. Там, внутри, скорее всего, не осталось ничего, что напоминало о вере. Убрали иконы, замазали роспись стен, так думалось ему. Но храм оставался храмом! Он был со своим народом. Местом, служащим любви, вере и главное – спасению!

Нестеров поднял влажные глаза к кресту и вспомнил, ведь слышал, кажется, что Христа называют Спасителем! Вот, значит, почему! Бог и теперь принимает, незримо присутствует в судьбе этих изголодавшихся, измученных детишек! И что же, что же это, не может быть!

В проёме двери показался родной, легко узнаваемый силуэт! Это стояла она – мама! Это она, кутаясь в шаль, принимала мальчишек, держа одну ладонь у груди, а другой поглаживая по головам входящих. А затем подняла ясные глаза и всмотрелась с тоской и любовью в сына!

– Мама! – выдохнул он, и силуэт исчез. – Мама, постой! Мама! Прости меня!

– Ты чего это, касатик, али привиделось что? И не такое в наши дни бывает!

Семён понял, что кто-то подошёл, и, спрыгнув, набрал полную пригоршню снега, умылся. Так незнакомцу не понять, что допустил слабину.

К полторке подошёл старик с длинной белой от инея бородой. Лица было не увидеть из-за поднятого косматого ворота тулупа.

– Крест-то у вас какой! – не удержался Семён. Ему очень хотелось понять, что же это за чудо.

– Крест – да! – протянул старик и принялся сворачивать самокрутку, просыпая крошки на рукав. – Знаешь, из чего сделан?

– Золото! Серебро?

– Да нет, хрусталь! Самый наилучший, как его зовут-то правильно, по-учёному? Горный, во! – старик пытался выбить искру кресалом, чиркал, тянул губами, но не получалось. – Ещё в прошлом веке поставили. Там такой вот шарик имеется, весь гранёными стёклышками заполнен. И солнце, и даже луна в нём ночью играют, завсегда издали видать! Деревня-то наша рыбацья, и служил крест маяком, в непогодь любую помогал к родному берегу найти путь – пристать. Много жизней он так спас, а то ведь унесёт во самую тьму кромешную Ладоги, а там уж – знай-пропадай. То-то же! Раньше народ богомольный был, не то что теперь. Бывало пройдут, посмотрят, осенят себя трижды, да скажут – Свет креста Твоего!

– Как-как? – Семён, задумавшись, не разобрал последних слов. Старик всё так же неудачно пытался раскурить самокрутку.

– А давно закрыли-то? – задал новый вопрос Семён.

– Кого, церковь нашу? Да не так чтобы и давно, лет пять как будет. Служил у нас тут отец Яков. Шестеро детишек у него было, сейчас вспомню, – и он, спрятав кресало за пазуху, снял рукавицу и стал загибать пальцы: – Нина, значит, Павел, Сашка, Зоя, Аня, ну и Юля ещё...

– И что же?

– Сгинул наш батюшка. Забрали его, и всё, с концами. В тридцать седьмом году.

– За что?

– А не пытай меня, я почём знаю? Было, стало быть, за что, а может, и не было вовсе. А вот шестеро детишек без кормильца остались, это да. Ладно, касатик, разболтались мы с тобой! Вон ваш старшой идёт, суровый, как всегда! А хороший мужик всё ж! Сейчас, поди ж, ругать будет меня за болтовню! Это он всегда! Я тебя-то впервой раз вижу, а его, Полуэкта, хорошо знаю! Ох и суров!

Но старший ругаться не стал. Одобрительно посмотрел на Семёна:

– Ну как, справился? Всё у тебя, сдал касатиков? Вот это хорошо – снегом умывайся, помогает!.. Ты заправился, нет? Как... нет?! Давай, и грузись! Только не полный бак, чтобы аккурат в один конец!

Семён знал, что нужно долить только два-три ведра – когда везёшь мешки с мукой, нельзя перегружаться. Он подъехал к почерневшему, но крепкому сруб, где шла погрузка. Над распахнутыми воротами тянулась красная лента с белыми буквами: «Борись за два рейса!»

– Нестор, давай подсоблю с погрузкой! Эх, Нестерище ты наш! – сказал на складе друг-шофёр, который уже закончил и отогнал свою полуторку на умятую колею. Они были знакомы ещё до войны, и тот обращался по этому прозвищу.

Нестор... как только услышал, так и дохнуло прошлым, словно в обездушенную зиму ворвались краски июня. И вдруг вспомнилась та чудная девчонка, которую он тогда подвозил. Странно, не стёрлось почему-то в памяти! Да, она приехала из какого-то села и совсем не знала Ленинграда. «Мальчиш», – так, кажется, тогда обратился к ней его друг-милиционер... А та ответила: «Я девчиш!» Где дружок теперь? И с кем и где она?

Нахлынули отголоски того последнего мирного дня. Вспоминал, как он, держась только одной рукой за руль, другой показывал то в одну, то в другую сторону, называя достопримечательности родного города, а девочка крутила головкой с косичками, словно птичка, и смотрела восхищённо. Как же её звали-то? Кажется, Лена. Точно! Леночка... Приезжала погостить, так, наверное, уехала. Вряд ли осталась и увидела обезображенное вытянутое лицо старухи-блокады, думал он...

Темнело. Колонна спускалась на лёд со взгорка. Последним двигался Владимир Полуэктович – как старший в колонне и самый опытный он должен идти замыкающим, чтобы в случае беды помочь. Он на миг остановился и поправил подвешенный на верёвке закопчённый котелок – придумка блокадных шофёров, чтобы тот болтался и несильно бил по голове, не давая заснуть в пути.

«Может быть, я зря не приказал Нестерову идти предпоследним, чтобы был под контролем впереди меня?» – пришла ему тревожащая мысль. В колонне были два новичка Дороги жизни, для которых любая ошибка могла стать роковой. Он долго думал, но всё же поставил впереди другого водителя, совсем уж без опыта. Всё же Семён до войны шоферил, да и в целом был парень не промах.

Но что-то подсказывало ему – нет, ошибся...

Семён ещё раз прочитал табличку. Посмотрел в кругляш зеркала заднего вида: вдруг в нём мелькнёт на прощание отражение креста? Но увидел только синеву и мельтешение снеговой дымки.

– Да, крест какой! – вновь сказал он себе.

Он не был знаком с церковным учением, Евангелие даже в руках не держал, и потому задумался впервые. Кто же Он – Иисус Христос? Сын Божий, кажется, так ведь говорят. Его распяли на кресте. За что, изверги? Наверное, за то, что Правду говорил. А ничего у них не вышло, раз крест Его теперь так сияет, что видно издали всем.

– Как Спасение! – машину чуть подбросило. – Да, не хотели, гады, чтобы Он сиял миру! Но ничего не вышло! Не потухла Его Правда! Как же сказал этот старик? Он ведь сказал, да! Точно! Свет креста Твоего!

Нестеров закрыл глаза и увидел странное мутноватое слияние картин: будто вновь перед ним табличка, а в центре её горит свет! «Спасай десять тысяч жизней!» В кузове лежат, стремятся к Ленинграду мешки с мукой, чтобы стать хлебом. Каждую буханку разделят на пайки, и те помогут многим продержаться ещё один день. Каждый рейс – это ответ бесчеловечному врагу, что сдавил тиски над городом. Не выйдет! Ничего не выйдет, как не вышло у тех, кто распял когда-то Христа. Потому что Правда – не на их стороне!

Враг словно распознал его мысли и принял вызов. Он как посмеивался: «И ты, мелкий, смеешь ещё грозиться мне? Сейчас узнаешь, с кем дерзнул спорить!»

В плотном вечернем небе на горизонте показались три чёрные точки. Они приближались. Сбоку вспыхнула трасса зенитных снарядов, рассыпалась пунктиром и тут же обесцветилась, так и не настигнув их.

– Мессеры! – выдавил Семён, крепче сжав руль.

Точки приближались к колонне. Сначала они напоминали птиц, но, снижаясь на предельно низкую высоту, на бреющем полёте становились похожими на стремительных жужжащих ос. Нестеров видел яркую желтизну раскраски носовой части. Он знал, что именно этот цвет используют на немецких истребителях, чтобы распознавать в небе своих...

Вот-вот они пронесутся над крышами полуторок, невыносимо захотелось пригнуть голову, вжаться, как будто это могло помочь. Но Семён прикусил губу и заставил себя успокоиться. Он представлял сияние креста храма в Кобоне и молился без слов.

Вдоль ледяной трассы стояли сбитые треноги из брёвен. Возле одной из них упала девушка-регулировщица, сжав в рукавицах флажки. Одна из машин резко пошла направо и на полном ходу ударилась правой осью в нагромождение обломков льда. Промчавшись недолго на двух колёсах, полуторка опрокинулась, роняя в снег мешки.

«Что делать? Ехать дальше, остановиться, ехать, остановиться?» – заплясали мысли, и он вильнул. Тут же ударили крупнокалиберные пулемёты. Стремительный огненный коридор поднял цепочку фонтанов в нескольких метрах от правого борта и прошёл мимо.

Семён вывернул руль вправо и, остановив машину у раскиданных цепочкой по льду мешков, кинулся к опрокинутому грузовику. Обезжав его, увидел, как из-под капота идёт дым, остро и прогоркло тянет соляркой. Пулемёт пропорол кабину вдоль, убитый шофёр выставил окровавленные руки из дыры в стекле.

Когда Семён бросился назад, опрокинутая полуторка взорвалась за его спиной. Он машинально обернулся, посмотрел в небо – вот-вот мессеры могли вернуться, бросив огненные пики трасс на его грузовик – попасть в стоящую цель было намного проще. Но гул удалялся.

– Грузи, грузи же, чего встал! – орал его друг, с которым они работали на «Красной вагранке». И они вдвоём схватились за один из мешков и тут же оказались все белые от мучной пыли. – Прошили, гады, но ничего! Всё возьмём! Половину тебе, половину мне! Не мешкай!

«Не мешкай с мешками, с мешками не мешкай!» – застучала новая мысль, когда он, открыв борт, стал забрасывать с другом самый ценный на свете груз.

Колонна прошла вся. Замыкающий Владимир Полуэктович остановился, решая, как быть. Дождаться, когда водители закончат погрузку и ехать с ними? Но так они втроем отстанут от остальных. Сжав тёмной промасленной пятернёй

висячий котелок, старший открыл дверь, ледяной ветер обжѣг щетину на впалых щеках. Крикнул:

– Не отставайте только, быстрее! – и всё же поехал вперѣд.

Вновь они были на Дороге жизни, Семѣн Нестеров теперь оказался последним. Стремительно темнело. Увидев, что впереди идущие машины зажгли фары, последовал их примеру, и морозный туман слабо пропороли огоньки. Вскоре они едва высветили километровый столб с надписью «15» на кругляше, это значило, что половина пути пройдена. В потѣмках регулировщица выставила руку с фонарѣм «Летучая мышь», обозначая объезд ледяного торося.

«Вот гады! – воображение вновь выдавало перед ним бредущие мессеры, но угрозы сверху больше не было. Да... только с неба. Тяжѣлые тучи засеяли снеговой мукой, она мельтешила в густом синем дыме, что обтекал кузов.

Вновь справа промелькнул огонѣк регулировщицы, он показался тусклым и одиноким. Каково же им, девушкам, стоять так всю ночь, думал он, откуда только находят силы? Им ещё тяжелее, чем водителям, ведь они открыты всем ветрам Ладоги.

Трасса, которая недавно была укатанной, стала неразличимой – позѣмка тут же переметала следы впереди идущих машин. Зимняя ночь предательски убаюкивала, насадала на плечи опустошающей усталостью. Семѣн лишь на миг закрыл глаза, опять увидел свет креста и тут же очнулся, замотал головой. Машина налетела на ледяной нарост, и его подкинуло, лоб стукнулся о стекло.

«Что, что такое? – он вдруг понял, что не знает, куда ехать, и остановился. Ступил на подножку, огляделся. Ветер яростно нѣс снеговые потоки в сторону. Но... в какую? Должно быть, к Шлиссельбургу, но точно ли? К середине Ладоги? Как же понять?

Передок упѣрся в снег. Значит, сбился. Как вернуться? Семѣн забрался в кузов, осмотрелся. Ничего, ничего не видать! Если попробовать куда-то двинуться, то можно окончательно сбиться и пропасть в необъятных просторах. Владимир Полуѣткович напутствовал, говорил, что так уже случалось не раз даже с опытными водителями, которых ночью настигала пурга.

Он всматривался в снежную пустоту, во все четыре одинаковые стороны, и паника подбиралась всё ближе и ближе, холодя изнутри. Семѣн забрался в кузов, думая, что там выше и потому лучше видно, но всё то же... Он посмотрел на заметѣнные снегом мешки. Сам не зная почему, стал сгребать снег, полагая – ведь отсыреют, испортятся... будто ещё не понимая, как неумолимо тают шансы, что они вообще попадут на пекарню.

Он схватил красными дрожащими пальцами охапку, растѣр по заиндевшему лицу, но не помогло. Вместо ясности ударил озноб. Схватившись за борт, Нестеров наклонился к кабине, ощутив накалѣнный морозом запах металла. Прислушиваясь к ровным, чуть постукивающим ударам мотора, Семѣн понимал, что заглушить его – значит, не тронуться и замѣрзнуть... Но каждая новая минута сжигала драгоценное топливо.

– Господи, помоги! – выдохнул он, подняв мокрое обветренное лицо к густому снежному небу.

5.

Воск на хлебе

Апрель сорок второго совсем не дышал весной, было около десяти градусов мороза. Улицы и особенно дворы Ленинграда из-за грязи и людских нечистот стали зрелищем угрюмым, неприглядным. Снег лежал чёрно-жёлтыми грудками, от него шёл острый запах, какой бывает в больничных палатах, где лежат только обречённые.

В пятом часу вечера Лена и Люба закрыли обшарпанную дверь, и хлопок раздался пустым и пугающим эхом по этажам. Они долго спускались по лестнице, поддерживая друг друга. Лена поскользнулась и чудом не упала затылком.

– Ты знаешь... я... я не верю, то есть, не совсем чтобы верю... но что ещё остаётся? Если нет Бога, то нам тогда никто... никто уже не поможет! – Люба понимала, что она старше и не имеет права, но... блеснули слёзы отчаяния.

Они остановились в тёмной парадной; в кажущейся теперь далёкой и безвозвратной жизни здесь постоянно горела лампочка, но теперь было так темно, что они с трудом нащупали ручку. Тугая ржавая пружина с натягом скрипнула, а затем резко захлопнула дверь, когда они вышли в похожий на узкий колодец двор.

– Не говори так! Без веры – нельзя! Без веры – значит, и без... всего вообще! Не ходи тогда со мной! Возвращайся! Я освящу куличики одна! Со мной всё будет хорошо, ты не волнуйся! – сказала Лена, и в её неокрепшем ещё, сохраняющем тонкие детские нотки голосе послышалась такая твёрдость, что бледное лицо Любы чуть побагровело от стыда.

Леночка посмотрела на небо. Представила, что сейчас её видит бабушка. В их селе церковь закрыли до войны, перед этим ещё и поглумившись, выбросив иконы и всю утварь в ближайшую канаву. За что так поступили, почему сбросили колокола и кресты – понять девочка не могла. В чём церковка – такая уютная, притом и самая красивая на фоне их домишек, могла быть виновата? За что ей мстили, почему сердца стали такими злыми и чёрствыми? Ведь, по рассказам, делали это свои, местные, а приезжие из района только стояли в сторонке да подбадривали... Но было много и тех, кто не отступил от веры, кто стал тайком собираться у святого источника в лесной чаще.

В числе твёрдых богомолков была и бабушка Лены. И вот теперь она будто незримо была здесь и подбадривала девочку, которой предстояло проделать путь до собора в вечернем холодном Ленинграде, где из-за разрухи и опасности налётов не горели огни.

Леночка не могла знать страшной правды. Бабушки уже не было на свете. Её не стало в августе сорок первого, когда отмечался день Илии-пророка, в честь которого и был давным-давно освящён источник. Она не переставала ходить к нему и после того дня, как село заняли немцы. Впрочем, фашисты не находились там постоянно, наведывались время от времени, основной же контроль вели местные полицейские. Высокую должность в их иерархии занял отец Лены, который до войны так хотел угодить советской власти, а с приходом оккупантов был рад

идти служить в полицию. Он заметил, что старуха стала таскать продукты на своё богомолье. Зачем? Бабушка же думала, что зять не приметил, и это стало её роковой ошибкой. Ещё в июле к роднику вышли партизаны, и с того дня женщина принялась не только рассказывать им, что происходит в селе, но и снабжать, чем могла... В день Илии-пророка зять выследил её... и хладнокровно, без слов казнил там же. Чуть оттащив и прикрыв тело сосновым лапником, поспешил обратно, чтобы сказать другим и успеть подготовить засаду на партизан...

Всего этого девочка знать не могла. Она только крепче ощущала, что бабушка здесь, в тусклом, неуютном, мрачном Ленинграде, и её молитва греет, ведёт, дарит надежду...

– Нет, я тебя ни за что одну не оставлю! – Люба прервала её задумчивость. – Идём вместе! Только – вместе!

И они двинулись по проспекту Добролюбова в сторону Князь-Владимирского собора. По дороге вспомнили, что утром в сводке новостей говорили, что сегодня – ровно семьсот лет с того момента, как Александр Невский разбил тевтонских рыцарей во время Ледового побоища.

– В этом есть, есть что-то! – сказала Люба, выдыхая морозный воздух. – И мы идём в храм... в честь князя Владимира!

Подруга кивнула, и они сцепили локти. У Любочки за пазухой был один, а у Леночки – два кусочка блокадного хлеба. Там, в хранящем тишину практически обезлюдившем доме осталась дожидаться, теряя последние силы, их соседка. Анастасия Геннадьевна в эту минуту лежала на холодной кровати и молилась, мысленно представляя, что и она – с девочками, идёт к службе, к Великой Субботе.

Это был не просто хлеб – праздничные куличи. Блокадные куличи из жмыха, чешуи, шрота и всего, что только могло идти в пищу. Но в нём была и частица муки, что везли полуторки в осаждённый несдающийся город по Дороге жизни...

Ленинград не сдался, он с трудом, но поднимался, стряхивая грязь самой страшной и голодной зимы. Мимо на медленной скорости, звеня и отбрасывая искры, проехал грузовой трамвай. С проспектов начали вывозить снег, собранный обессиленными руками женщин и детей. Девочки остановились, проводили взглядом трамвай, помахали водителю. Он напоминал закутанный в тряпицы манекен, не видел их, глядя только на обледенелое полотно рельсов.

– Давай передохнём, хоть немного! – сказала Люба, когда трамвай удалился, став бледной красной точкой вдали. Она попыталась сесть, но в итоге повалилась на груды мешков с песком – они лежали вдоль стен и служили защитой от осколков при артобстреле.

– Нет, Любочка, нельзя, никак нельзя, вставай! – Лена попыталась поднять её, но только стянула рваную рукавицу.

Девушка уже не слышала её. Проносились, пенились свинцовые тягучие облака. И ей вспомнилось далёкое безвозвратное лето, когда ездила в село на родину мамы. В то красивое тихое местечко, откуда сорвало и бросило в Ленинград сестричку её подруги Тани.

– Небушко! – произнесла она, едва шевеля бледными искусанными губами. – Небушко моё!

Там оно было другим, сливочно-прозрачным, с малиновыми и лимонными отблесками на закате. Там пахло разнотравьем, покоем, а здесь – порохом, нечистотами, гарью войны. Понимала – если сомкнуть глаза, то можно забыться, найти тропинку, ведущую из опалённого Ленинграда в то дивное лето, и уйти к нему навсегда. Да, так лучше, так и стоит... И она уже идёт, даже приплясывает от радости, на ней – летнее платье, и оно кружится, напоминая цветок-колокольчик, а солнце греет, поёт вместе с девушкой. Но кто-то настойчиво так плачет, дёргает, зовёт, отчаянно возвращает её в вечерний промозглый Ленинград. Любочка шевелит локтем, думая, что под ним – мягкая летняя трава, но упирается в твёрдую мёрзлую мешковину.

– Где я? Где?

– Любочка, вставай, ну же!

Она разлепляет веки и видит заплаканную Лену, затем смотрит впереди себя – её валенки уже обметала позёмка...

– Не плачь! Мы идём! Всё будет хорошо!

К собору тянулись такие же, как они, люди-тени. Но вот одна женщина подошла к другой, чёрные головы склонились, и едва заметно мелькнул огонёк – зажглась свеча, вставленная в кусочек хлеба. Поклонившись благодарно и шепнув что-то, обе двинулись к церковной ограде, бережно храня теплящиеся огоньки от злых порывов.

Люба и Лена упёрлись в очередь, которая начиналась ещё здесь, на тротуаре, и тянулась длинной цепочкой, огибая траншею. И у всех, кто был тут, в дрожащих ладонях – те же заиндевелые блокадные «куличики».

Лена подняла глаза – в вечерних сумерках величественный молчаливый собор казался молочно-пепельным, и хотя не могло быть никакого источника света, который отражался бы в его стенах, он один во всём бледном мире сейчас тихо излучал свет. Девочка знала, что самый важный и нужный огонь горел там, внутри. И это чувствовали остальные, потому и тянулись к этому единственному источнику надежды и спасения.

– Свет неугасимый! – выдохнул кто-то. Но девочке из-за ветра послышалось немного иначе: «Свет непокорённых!» И она сказала это вслух и перекрестилась. Заметила, что и рука Любы рванулась, она даже закусила рукавицу, но что-то остановило, помешало ей перекреститься.

– Верь! – твёрдо сказала девочка. – Умоляю тебя, ты только – верь... со мной! Со всеми нами! Люба!

Ленинградцы привыкли к дисциплине очередей. Но очередью всегда руководила какая-то незримая, холодная, бесчеловечная сила. Лена никогда не забудет, как однажды один мальчик, не выдержав совсем чуть-чуть, не стерпев, кинулся вперёд и, схватив чужую пайку с весов, замерших на отметке 125 грамм, жадно вцепился зубами. Его тут же без слов повалили и били ногами, а тот, захлёбываясь от слёз и проступившей на губах крови, сжался, словно малыш в чреве матери, стонал и грыз, пока не затих... уже мёртвый.

Этот мальчик потом не раз являлся ей в полуобморочных снах, и всё повторялось, приходило в тех же безмолвных, как в немом кино, деталях вновь и вновь...

Но эта очередь была иной. Тоже голодной, ослабленной, но... иной. Огонёк, родившийся там, в сердце храма, переходил по цепочке от свечи к свече, и вместе с ним разгорался свет народной веры, тепла, милосердия. Именно милосердия, которое, казалось, было навеки забыто и утеряно в голодном отупляющем сумраке блокады.

Так передаваемый огонёк дошёл и к ним, и впереди стоящая женщина обернулась к девочкам. И Лена задрожала, ещё не веря, сомневаясь:

– Вы! Это вы! Вы! Неужели?! Вас же зовут...

Она ни за что бы не узнала в осунувшейся фигуре ту элегантно-строгую, но при этом ласковую, приветливую женщину, с которой они прибыли в Ленинград поездом ровно за день до начала войны.

– Вас зовут Августа Ивановна! Мы знакомы! Здравствуйте!

Тёмные глаза блеснули из-под синего берета с янтарной брошкой – ведь только по нему она и узнала попутчицу!

– Люба, знаешь, кто это? Ведь я тебе рассказывала! – и девочка сжала ладонь Августы Ивановны, держащей блокадный «куличик». На коричневый кусочек капали, словно слёзы, медовые кружочки таящего воска. – Вспомни же, Люба!

Это было не так давно. В один из самых страшных и голодных дней, когда остановили работу пекарни. На ледяной дороге произошёл перебой, и это стоило многих жизней. Лена тогда не могла подняться, Любочка лежала рядом, и они едва согревались теплом друг друга. Зарывшись в груды лохмотьев – всё накидали в одну кучу, она из последних сил нащупала какой-то квадратик. И подтянула к себе измятое ситцевое платье в горошек, в котором приехала сюда. В кармашке лежала половинка конфеты «Мишка на севере»! В тот день, когда она приехала в Ленинград, Любочка высмеяла её одежду и сказала, что никто такой «фасон» в городе не носит, и платье закинули в шкаф, подыскав ему замену. И вот... вот! Тогда Лена развернула обёртку, взгляделась в измятое изображение медведя на льдине, откусила и протянула вторую часть подруге. Чуть позже Люба ожила, встала и сказала, что попробует пойти и занять место в очереди. И хлеб тем утром наконец-то был!

Теперь её попутчица, подарок которой спас и дал им хоть малый, но глоток сил, смотрела на них впалыми глазами, и произнесла тихо:

– Вы – моя ученица?

– Нет, мы ехали в поезде!

– Да, так, наверное, и было, я, кажется, в тот день... ехала, – прошептала женщина. – Но, простите, я вас совсем не помню...

Мимолётная встреча с девочкой стёрлась, для учительницы была самой главной другая история, и она тоже связана с конфетами. Не такими вкусными, шоколадными, как «Мишка на севере», а теми, что были в блокадном Ленинграде – из сои и льняных отходов. Превозмогая голод, Августа Ивановна продавала на «толкучке» всё, что было ценного, обменивая на эти конфеты. Для себя не трону-

ла ни одной. Она была красивой, даже слишком красивой женщиной, и потому, может быть, мужчины обходили стороной её внешнюю неприступность. У неё не было никого, кроме мамы. Детей она любила больше всего, и потому выбрала профессию учителя. Когда не стало мамы, и Августа Ивановна, зашив её выдохшее тельце в занавеску, отвезла её на Пискарёвское кладбище, у неё не нашлось ничего, чтобы оплатить и договориться о похоронах. И она оставила её там... Да, не было ничего, ничего, кроме конфет, которые она стала собирать после смерти мамы, чтобы отнести в детский садик и подарить малышам на Новый год. И это горячее желание стало единственным, что помогло ей не потерять рассудок, не упасть, выстоять до праздника. Собрав целую сумку конфет, она, почти уже без сил, двинулась тогда к ближайшему садику. От голода её шатало, и потому даже не сразу поняла, как упала, а конфеты – их накопилось не меньше трёхсот, целое достояние, рассыпались по тротуару. С болью и обессиленным предчувствием беды видела, как прохожие начали стекаться. Вот-вот они упадут на колени и с мычанием станут хватать, засовывать прямо в обёртках в рот всё то, что с таким трудом и болью копилось для изголодавшихся ленинградских малышей!

Но вместо этого люди... встали в круг, сомкнув спины, чтобы рассыпанные конфеты не было видно другим. И никто из них не ушёл, пока Августа Ивановна не собрала их все до последней. В голодном мореке ей тогда показалось, что за их спинами были крылья... Когда донесла ценный груз, увидела, как горели светлые глазёнки, расплакалась. В детском саду ей дали тарелку каши, а вместе с ней пришла не только ясность ума, но и небывалый свет.

Свет! И Августа Ивановна тогда... поверила в Бога! В тот миг, час, крепко, искренне! Вера стала для неё самым дорогим и главным, и потому она, проповедовавшая когда-то на уроках безбожие, стояла теперь почти в самом конце длинной цепочки ленинградцев у Князь-Владимирского собора.

Лена поцеловала и обняла Августу Ивановну.

– Христос Воскресе! – выдохнула та, хотя Воскресение ещё не настало, и поднесла залитый каплями-слезами кусочек хлеба. Ветер поколебал пламя, но не справился. Девочки достали из-за пазухи «куличики», вставили свечи и ответили вдвоём:

– Воистину Воскресе!

В это время в сердце большого собора люди подходили к Святой Плащанице. Голос протоирея Николая Ломакина вдруг замер. Мальчик, который подпрыгивал у кандила, пытаясь поправить покосившуюся свечу, обернулся, не понимая, откуда наступает такой яростный басовитый гул? Замер, опустив объектив, снимавший у алтаря службу фотограф...

В этот миг в юго-западную часть Князь-Владимирского собора упали две авиабомбы, началось смятение. Вскоре несколько десятков людей беспомощно упали ранеными. Лопались стёкла, летели с треском куски штукатурки...

Верующие бросились к священнику:

– Батюшка! Батюшка? Вы живы? Как же это так! Как? Пасхальный вечер! Как они могли? Как!

«Ночь любви, ночь христианской радости, ночь Воскресения была пре-

вращена немцами в ночь крови, в ночь разрушения и страданий ни в чём не повинных людей». Эти слова он произнесёт позже, во время Нюрнбергского процесса, на котором протоиерей Николай Ломакин выступит свидетелем, рассказав обо всех злодеяниях. Он расскажет мировому трибуналу, как отпевал бесчисленное множество погибших от артобстрелов, налётов, умерших от лишений и голода. О том, как вокруг его храма образовывались громадные очереди из гробов и ящиков, наполненных кусками человеческих тел. С горечью поведает, в каком беспорядке лежали на кладбище вывернутые кресты и памятники. Как пали от немецких авиабомб и навеки потеряны, стали руинами многие архитектурные жемчужины Ленинграда.

Но в эту минуту ему хотелось расправить руки, чтобы стали они крыльями и защитили дорогую сердцу паству. Ленинград в Великую Субботу и день Святой Пасхи подвергли жестокой бомбардировке, зло несли на своих крыльях больше сотни самолётов. Они не только сбрасывали смертоносный груз, но и обстреливали мирных людей на бреющем полёте из крупнокалиберных пулемётов... Да, да! Они хорошо знали о Пасхе и готовились к ней! Всё это было не совпадением, а запланированным нацистским актом.

В огромном холодном небе летели и летели, пропарывая воздух, бомбардировщики с крестами на крыльях. Крепко обняв Августу Ивановну, Лена бросилась с ней в траншею. Когда открыла глаза, Любочка тоже лежала рядом.

– Ты ранена?

– Нет, нет! Что это?! Почему?

Вспыхнули огнедымные султаны бомбовых взрывов, собор сотрясло. Лена, оглохнув, только когда всё стихло, едва приподнялась. Всё у собора тонуло в огне и дыму, полыхали даже вывороченные камни у мостовой. Огоньки плясали и с шипением тухли на чадящем снеге. Лежали тела убитых, многие так и прижались к груди свои милые, дорогие, сокровенные блокадные «куличики».

Леночка не могла поверить глазам, но видела, видела! Женщина... та самая – в красной юбке и зелёной кофточке... Прозрачная и потому едва зримая, она была здесь... она одна не бросилась в траншею, и стояла у закопчённой церковной ограды. Прикрывая вытянутое лицо, тихо плакала...

6.

«Это ты, мама?»

Пурга всё набирала свой дымно-снеговой голос. Семён запрыгнул в кабину и смотрел, как быстро заметало только очищенное лобовое стекло, и внутри стало темно и холодно, как в погребке. Мотор он пока не заглушил, но знал, что придётся, иначе не доехать. Попробовать выдержать эту снеговую блокаду, дожидаться, когда, наконец, хоть немного прояснится скованная дрожащим молчанием округа... смертельно опасная затея. На нём был шофёрский полушубок, который согревал, только если двигаться. Потому он то нервно выбежал, то садился за руль вновь. Но всё равно пробирало насквозь. Нестеров прислушивался к завыванию – ладожский ветер словно выступал главным музыкантом в необъ-

ятном концертном зале, брал то низкие, басовые, то высокие, свистящие ноты. Незримый дирижёр при этом хватал в огромные ладони сыпучий, как песок, снег и бросал, бросал в окна заметённой полуторки.

Мотор тоже слушал ледяной концерт, и не сдавался, работал всё с тем же постукиванием. И он был союзником, братом. Что делать? Глушить, велеть ему пока замолчать, и остаться совсем одному, в тишине? Семён выскочил, опять стрёб рукавицами снег со всех стёкол и, вернувшись, выдохнул с паром:

– Ну, брат, так не пойдёт! Давай пробовать, с Богом! – и включил заднюю передачу. Колёса сразу забуксовали. – Эко меня обнесло-то! Врёшь, не возьмёшь!

Несколько раз он подал машину вперёд, потом назад, вновь и вновь, раскачиваясь, пока не пробил затор.

Он вновь выбежал, протёр кругляши фар. В их тёплом жёлтом огне высвечивался косой поток снега. Семён вгляделся по направлению фар, но ничего... полная тьма. Если ехать, то – наугад.

– Четыре стороны. Значит, шансы и есть – один к четырём! – сказал он, вновь запрыгнув в кабину, в которую тоже порядком намело. Выжав газ, он представил, как утром станут переливаться в лучах солнца хрусталики креста Кобонского храма. И мысленно обращался к нему, а вернее, к Тому, Кто распят:

– Мне нужно добраться, попасть в Коккореево! Осталось же не так далеко! А для этого – вернуться на ледяную дорогу! Помогите, Господи, укажи путь! – и он тронулся.

Трасса номер сто один, или, как называли её ленинградцы, Дорога жизни, должна быть совсем рядом – он же ведь не проехал много, когда сбился с пути. Если направление верное, то скоро...

Он твердил и твердил полные надежды мольбы увидеть хоть какой-нибудь проблеск, ориентир... но мело, мело, и ничего не разобрать дальше высвеченного перед кабиной небольшого бледно-жёлтого полукруга.

– Появись же хоть что-нибудь! – он понимал, что мог уходить в сторону от Шлиссельбургской губы к самому сердцу Ладоги. Там, ближе к середине, гуляли такие страшные волны, что даже в лютые морозы лёд не затягивался. Но к самому центру и не добраться – чем ближе к тьме и пучине огромного озера, тем больше промоин и ледяных торосов на пути...

Машина уткнулась в затор по самый радиатор. Семён опять выпрыгнул. Глаза уже обвыклись во тьме, и он начинал немного видеть. Кругом была бесконечная снежная целина, впереди не пускал большой снеговой бруствер. Это даже хорошо, значит, пути туда нет, и первое выбранное наугад направление отпадает. Теперь шансы – один к трём...

Нестеров сдал и, вновь вцепившись в руль, прильнул к окну, глядя, как ветер бросает всё новые и новые смешанные со льдом снеговые россыпи. Недолго ехал, и резко нажал на тормоз, чуть не столкнувшись с чем-то. Серое, не разобрать. И только после остановки различил задранный кузов! Воронка от авиабомбы или полынья, и кто-то из своих угодил передними колёсами! Выбрался ли, уцелел шофёр – идти и разбираться опасно, но он всё же распахнул дверь и осторожно подошёл к краю. Пригляделся: вода в промоине напоминала тём-

но-синие чернила, Семён слышал, как она бьётся о кабину угодившего в пучину грузовика. Присел у самого края, и ему показалось, что там, пробивая ледяную воду, по-прежнему ещё светятся фары... Нестеров привстал: на заднем борту – выведенный белой краской по трафарету номер машины... да, это их автобатальон... Жаль, из-за неопытности пока не знал всех ребят по номерам.

«Выжил, нет?» – терзала мысль, но понимал, что ничего один не сделает. Он звал, кричал долго, но никто не откликнулся... Видимо, ничем уже не помочь.

Одно понял точно: товарищ-шофёр провалился недавно – подмораживало, но не было даже тонкой плёнки у закраин. Значит, трасса совсем близко!

Близко, близко!

– Недавно, вот-вот только! – он повторял, едва давая газу, и обогнул похожую на торчащий айсберг полуторку.

Нестеров теперь выбрал курс по пути следования затонувшей машины, сдавая чуть влево.

«А что, если и он... тоже, как я, сошёл с трассы в пургу, и блуждал? – не сразу пришла мысль – но такая ясная и холодящая спину, что Семён сбавил скорость. – Кругом промоины. Одна – его, моя – следующая!

Передние колёса упёрлись в новый снеговой переём – какой по счёту, Нестеров сбился. Вновь вперёд-назад, раскачивая с пробуксовкой. «Нет, значит, правее, правее надо брать!» – он сжал зубы. И опять забуксовал. В отчаянии сбросил шапку и обхватил волосы руками...

У него был детский страх, который остался с ним навсегда, как ехидный спутник, которого никак не прогнать. Вместе с друзьями по пионерскому лагерю они собирали грибы в районе станции Петяярви, в большом и красивом лесу. Встречались боровики, подосиновики, и он так увлёкся, что не заметил, как потерял своих. Аукал, метался... Рвался отчаянно, без разбору, бестолково, как и теперь. Нет, чуть вправо, нет, влево. А ничего не менялось – почти одинаковые кругом низковатые притихшие сосны, которые ничего не подскажут, да мох, ложбины. Под вечер, отчаявшись, он выбрался тогда к Приозёрскому шоссе... и потом в страшных снах постоянно плутал по стынущему в догорающих осенних красках лесу, и уходил всё дальше и дальше. Детский страх, его спутник, вернулся теперь, завладел, и потому Сёма Нестеров – смелый парень и хороший водитель – всё же потерял самообладание.

Заглушив мотор, положил голову на руль. Про шапку не вспомнил, она лежала рядом на сидении, напоминая околёвшего от холода тёмного кота. В висках стучало, он хотел, но не мог успокоиться. Зажмурился. Чтобы погасить нарастающую панику, вновь представил крест в Кобоне...

Но вместо него увидел маму. Во мраке завывающей ладожской ночи всплыл один из самых счастливых дней. Что это было – сон, морок, но Семён видел себя со стороны – мальчиком в штанишках и рубашке с нашитым красным слоником, которого из ткани вырезала по закройке мама. Они шли в библиотеку. Она – сдать журналы «Работница» и другие по рукоделию, а он – детские, «Ёж» и «Мурзилка». Шли по каналу Грибоедова и, проходя мимо Спаса-на-Крови, глядя на купола, напоминающие разноцветные леденцы, Сёма спросил:

– Мама, скажи, а мы ведь всегда будем вместе?

– Конечно, всегда! – не сразу ответила та, удивляясь такому серьёзному вопросу от малыша. И при этом тоже смотрела на храм, крепче сжав маленькую тёплую ладонь. – Запомни: даже если меня нет рядом, или нет вообще, мысленно позови меня, и я приду!

– Как это – тебя «нет вообще»? Ты же сказала, что будешь всегда рядом!

– Да, я обещаю!

– Всегда! – это уже произнёс он, очнувшись. Оторвать голову от руля было тяжело, глаза слипались, но он выталкивал себя из сна, понемногу расквашивая шею. Будто машину из снега. Знал – если продолжить, то уже никогда не проснётся...

Тот яркий день, когда они шли за руку, растаял, и его место заняла тьма. То, что не спит, Семён понимал только потому, что ощущал, как моргает. Очень долго кроме темноты ничего не было, но вот вдали затеплился робкий огонёк, и постепенно стал приближаться. Неужели это она? Да, да!

Это мама, но уже не та, молодая и красивая, а седая, исхудалая, какой была в последние свои голодные блокадные дни, плывёт над снежным ладожским бураном. Не касаясь снегов, движется к нему сквозь морок, холод и метущуюся белую закрутку, держа перед собой фонарь «Летучая мышь». Что-то в другой её руке, у самой груди? Не увидеть. Вроде бы картина... Мама подплывает всё ближе и ближе к занесённому выставшему грузовику, и он видит – нет, она несёт свет и икону! На ней изображена святая, какая именно – он знать не мог. Но икону различал хорошо. Святая немного похожа на маму – сухая и вытянутая, как берёзка в конце осени, а внутри – тепло, боль и радость вместе. На иконе святая изображена в белом платке, красной длинной юбке и зелёной кофте, с посошком в руке. Стоит посреди погоста, только кресты по сравнению с ней такие маленькие... А за спиной – храм, так похожий на тот, что в Кобоне...

Идёт, идёт мама, а за ней стихает пурга, проясняется и розовеет горизонт. И вот она сметает снег и заглядывает в окно, стучится, видит его поникшую голову и говорит:

– Сыночек, проснись! Я принесла с собой ключи от восхода!

– Это ты, мама?

Нет, он вновь уснул. Даже не понял, где находится, – снег плотно облепил кабину. Но, странно, не было озноба, будто он забылся в ледяном чуме. Семён попытался открыть дверь – не сразу получилось, примёрзла. Снег шлёпнулся с подножки.

Выглянул и не поверил глазам:

– Чудо Господне! – и перекрестился.

Сколько прошло времени, не знал, но небо прояснилось, и на смену тёмно-синей пришла чуть зеленоватая дымка. Пурга стихла, будто её и правда заставили уйти, ночь тоже отступала, и на горизонте виднелась тонкая лимонная полоска. Он не мог знать, что в этот миг девочка Лена, которую подвозил в последний мирный день, лежала под горой тряпок и нащупала половинку конфеты «Мишка на севере». Семён смотрел на бескрайнее небо, а она – на обёртку цвета

северного сияния. И оба в этот миг обращались к Богу с благодарностью за спасение.

Перестал мельтешить снег, и потому развиднелось – Семён различил не один, а даже цепочку из нескольких огней регулировщиц Дороги жизни. Он крикнул, и как же был звонок в этот предутренний час воздух:

– Эге-гей! – и, присмотревшись, заметил, что один из огней вроде бы колебнулся.

Представил, как на его голос с фонарём «Летучая мышь» поворачивается измождённая за ночь дежурства девушка, и щёки её черны от обморожений. Вот сейчас заведёт он мотор, пробьётся через снег, остановится и расцелует эти щёки, скажет что-то доброе, простое, ободряющее, нужное, а затем рванёт уже без остановок.

Заводя мотор кривым стартером, он подумал – да, если поднажать, то и его хлеб попадёт на пекарни. С запозданием, но будет. Вспомнился исхудалый, как монах-аскет, Владимир Полуэктович. Будет ли крепко ругать за то, что Сёма сбился? Взыщет ли как?

– Рад будет! Я ж для всех, получится, с того света вернусь! – и он, распрямив спину, вновь посмотрел на небо. – Господи... мама! Спасли! Спасли!!!

И он ехал, видя, как приближается огонёк. Он напоминал водителю о кресте в Кобоне, но всё же больше похож был на зажжённую храмовую свечу.

– Врёшь, не возьмёшь! – когда машина буксовала, Семён по прозвищу Нестор даже не нервничал, зная, что теперь ему ничего не грозит. Потому что он ехал к свету. К Свету непокорённых...

7.

Возвращение домой

С тех пор, когда произошли все эти события, минуло почти шесть десятилетий...

Август двухтысячного года. Старый жёлтый автобус, высадив на остановке единственную пассажирку, уехал, чихнув едким чёрным дымом. Женщина, что спустилась, придерживая вытянутую, как собака-такса, дорожную сумку, долго стояла одна, глядя сквозь стёкла больших затемнённых очков на раскинувшееся в низине село.

Когда добиралась сюда, меняя поезда, такси и автобусы, всё время думала, что заплачет... Но здесь, на взгорке, ветер родных мест бросился в лицо и будто прошептал: «Я тебе заплачу! Все слёзы разом обсушу!»

Как же она ждала этой минуты... Уехав отсюда робкой застенчивой девочкой в сорок первом – погостить всего на пару летних месяцев к подруге сестры в Ленинград, она вернулась спустя целую жизнь! Все эти годы родные места только снились – такие далёкие, недоступные.

После войны она порывалась ехать, но сестра Таня в письме с чернильными разводами от слёз убедила, что делать этого нельзя. Их отец не просто испятнался службой в полиции, а принёс много боли и горя односельчанам. Танечка, хотя ни в чём не провинилась, стала изгоем и много претерпела...

«Тебе лучше к нам не приезжать! Вообще никогда-никогда не приезжать,

Леночка!» – всю жизнь она помнила эту горькую, рвущую душу последнюю строчку. Вспоминала её и теперь.

«Нет, я приехала, я всё же приехала!» – шептала она себе, спускаясь с кручи в долину, и камушки осыпались под ногами. Тех, кто помнил войну, осталось здесь, наверное, мало, и вряд ли кто теперь посмотрит на неё с укором. Да и за что укорять... её?

Женщина остановилась и посмотрела вдаль. Отсюда так хорошо была видна полоса дальнего леса и отделяющая от него село синяя змейка – их речка. Она пригляделась: вот там, дальше, должна быть запруда, где она любила сидеть на валуне, а пастух Вася – подходить сзади и пугать, проявляя так грубовато свои чувства... Да, вот она, как на ладони, река, и домики, домики, отсюда кажутся похожими на коробки от спичек. Кто же из живущих в этих домиках помнит хоть что-то о том невозвратном довоенном времени?.. Есть ли кто из родственников Васеньки? Впрочем, даже и разыскав их, что она им скажет...

Женщина сняла синий берет с брошкой и, расстегнув замок длинной сумки, сменила его на чёрный платок. Повязав, осторожно двинулась дальше, боясь упасть со спуска, который к концу становился только круче. Давно нужно было приехать, но всё дела, дела... Но пришло запоздалое известие от младшей сестры, что старшей, Татьяны, милой Танечки, не стало. На похороны она не успела, теперь оставалось только постоять на могилке...

А ещё младшая сестра в письме сообщила, что в их селе наконец-то восстановили храм. Вот он, отсюда так хорошо виднеется! Какой же красивый! Будто новый – стоит, тянется звонницей к голубому небу!

И вот, наконец, началась ровная дорожка. Навстречу промчались три девочки, громко и весело поздоровались. Ей почему-то показалось, что вот-вот они хором добавят к слову «Здравствуйте» её имя-отчество. Но этого, конечно же, не могло произойти.

Елена Дмитриевна – так к ней теперь обращались. После войны она стала учителем. В паспорте у неё было записано другое имя, и она старалась, чтобы оно так и осталось – лишь формальным, бумажным. Профессию она выбрала потому, что Августа Ивановна стала для неё светом, образцом, примером во всём. Даже синий берет она стала носить, подражая ей. Не раз вспоминала и тот памятный день блокадной Пасхи, апрель сорок второго, нечаянную, такую страшную и, к сожалению, последнюю их встречу с ленинградской учительницей у Князь-Владимирского собора. Вернувшись из эвакуации, Лена не раз пыталась разыскать Августу Ивановну, то тщетно... Зато, к великой радости, удалось найти соседку, Анастасию Геннадьевну. До последних дней она заботилась о ней, как о родной бабушке.

На миг сняв тёмные очки, женщина зажмурилась и вернула их на переносицу. Она уже шла по улице родного села. А мыслями была всё там, в далёком военном прошлом...

Она на всю жизнь запомнила апрельские дни сорок второго – после Пасхи сразу же потеплело. Отогревшись, набухли тополиные почки, и Лена принесла домой несколько веточек, поставив в банку с водой. Хотелось дожидаться и уви-

деть, как они распустятся, став символом жизни, победы над самой страшной голодной зимой, а главное, над злым бездушным врагом. Но веточки так и остались тогда в той банке. Как-то вечером пришла Люба и с радостью на бледном лице сообщила, что их наконец-то эвакуируют! Причём уехать они смогут с одним из последних рейсов по Дороге жизни. Лёд Ладожского озера был весь в воде, шофёр, который вёз их в Кобону, мчался всё время с открытой дверью, а мощные волны шли в две стороны. Сидя в кузове, Лена и Люба тогда молились, держась за руки. Испытания блокады сделали их сёстрами.

Когда преодолели опасный ледяной простор, и девочка, глядя на ступени храма в Кобоне, обернулась к полуторке, то посмотрела на изнеможённое, но такое спокойное лицо водителя. Он был молод, но испытания состарили его, из-под шапки торчала копна седых волос...

Теперь, идя по родному селу, она остановилась, опять вспоминая тот миг. Один из самых важных в её жизни. Да, ей тогда показалось, что это был Семён, и теперь, спустя столько лет, она была уверена в этом! Это был именно он, тот самый весёлый Нестор, который подвозил её двадцать первого июня сорок первого, за день до начала войны. В тот миг, глядя на неё у порога храма в Кобоне, он тоже провожал её глазами и, казалось, узнавал. Думалось, что вот-вот он крикнет: «Это не ты ли, девчиш?» Но тот тогда ничего не сказал, а, развернув машину, уехал к складам. Нужно было кинуться к нему, но почему же, почему она этого так и не сделала...

Елена Дмитриевна вздохнула и достала носовой платок. Посмотрела в окно одного из домов – ей показалось, что за ней наблюдают, внимательно, изучающе. Даже испуганно. Ей и самой было не по себе, ведь родные места стали такими неузнаваемыми и потому будто чужими.

«Куда же пойти?» – думала она. Правильнее всего – к родному порогу, к младшей сестре, и с ней затем на могилку Танечки... или нет, лучше одной, постоять, подумать там, у родного холмика.

Нет, сначала – в храм! Её милая бабушка верила, что настанет день, и всё, как любила она повторять, вернётся на круги своя.

– Да, это случилось, бабушка! – приезжая перекрестилась, глядя на свежую позолоту куполов и стены – такие белые, что приходилось даже жмуриться. А вот большого тёмного здания клуба, где она «выступала» перед войной с частушками, уже не было. На его месте – детская площадка, яркая, разноцветная, но сейчас – пустая, ветер чуть раскачивает со скрипом качели...

И вот она идёт по ступенькам, поднимается по ним, и вновь время режется, растворяется, и она снова в прошлом и будто видит вход в Кобонский храм, нерешительно переступает порог. Тогда в нём не было икон, а стояли койки и пахло кислыми щами. Но им с Любой и другими прибывшими, изголодавшимся, не было тогда милее этого запаха! И они тогда перекрестились. Любочка, которая до войны была комсомолкой, активисткой и читала антирелигиозные журналы, после блокадной Пасхи обрела веру. Когда закончилась война, она тоже вернулась в родной город на Неве и стала прихожанкой Князь-Владимирского собора. В сорок шестом году первый раз в жизни она исповедовалась и причащалась у протоирея Николая Ломакина.

Нет, всё это в прошлом. И это всё же не Кобонский храм, а её, родной,

тот, который стоял поруганным так много лет!.. Елена Дмитриевна винила себя, что так и не стала по-настоящему воцерковлённым человеком, редко посещала службы. Как часто бывает, дела, повседневность, работа в школе постоянно отвлекали. Но и понимала, что всё это – пустые отговорки. И вот она переступила порог, дав себе зарок, что теперь всё будет иначе.

Сейчас она должна принять нелёгкое, но важное для себя решение. Ей давно пора выходить на пенсию и оставить Ленинград, в который вернулась после эвакуации и прожила всю послевоенную жизнь. Теперь нужно найти тихую и последнюю свою пристань здесь, прожить остаток дней у себя, на родине. И, когда неминуемо придёт срок, лечь в могилку рядом с родными.

Она твёрдо решила, что, продав квартиру в Петербурге, переедет сюда окончательно. И станет прихожанкой храма, будет молиться за маму, сестру, бабушку... Посоветуется со священником, и если тот благословит, попробует молиться даже и за отца, совершившего такие страшные грехи...

Елена Дмитриевна сняла очки и перекрестилась, переступив порог. Церковь была пуста. Яркий свет ложился косыми лучами на блестящий свежей краской деревянный пол. Осмотревшись, женщина увидела много новых, но и старых икон. В том числе – и большую храмовую икону Илии-пророка. Её сохранили сельчане, и теперь она вернулась на своё законное место. На ней святой был изображён сидящим у камня в окружении нависших над ним скал, тянущим к небесам длань. Он тянет длань, чтобы взять хлеб, который ему приносит ворон.

Она решила подойти ближе, но замерла, бросив взгляд в сторону.

Не может быть! С другой, небольшой и новой иконы на неё смотрела женщина! Та самая, которую видела сначала на вокзале, а затем – в тревожные дни блокады! В тёмно-красной длинной юбке и зелёной кофте. Сколько раз вспоминала о ней, но не могла понять, кто же это? И теперь, теперь...

Так кто же оставался все дни рядом с непокорёнными ленинградцами, кто слышал и поднимал до небес их горячие молитвы? Кто помогал?

– Здравствуйте! Вы приезжая? – услышала голос за спиной.

Обращалась к ней женщина, что работала в церковной лавке.

– Кто? Кто это? – Елена Дмитриевна протянула дрожащую руку к образу.

– Или вы не знаете? Вы же из Санкт-Петербурга, верно? Мне Катюша рассказывала, что ждёт сестру. Ведь это вы?

– Кто? Скажите, кто?

А та перекрестилась с поклоном:

– Святая блаженная Ксения, теплая о нас пред Богом заступница! Моли Бога о нас!

Олег СЕЛЕДЦОВ

Звёздные пчёлы уснули в космических ульях...

Стихи

Цветочная песня июля

Я в полдень слышал стон
Цветов, жарою раненных.
Их к казни площадной приговорил июль.
Но странно, в плаче том
Мне чудился Рахманинов.
Его концерт второй – по памяти патруль.

Грозою день болит,
Плывут часы медузами,
А я стою смычком над пенем летних струн.
А мимо люди шли,
Глухие к этой музыке,
И вечер духотой их оплетал, как вьюн.

Так, позабыв себя,
Я пребывал вне времени,
Но флейты комаров вмешались в тот концерт.
И ночь пришла, трубя,
Что звёздами беременна,
И что пора давно пригубить снов абсент.

Забыто слово «спать»,
В бессилии снотворные,
В столетних кандалах отныне мой покой.
Всё жажду я опять
Услышать чудотворное –
Рахманиновский плач над русской судьбой.

Ночной полёт

Мы летели ночью самолётом.
Мы летели в завтра из вчера.
Где-то там, под нами, по расчётам
Снежная петляла Ангара.

Где-то там, в простуженных распадках,
Не в больничном боксе, не в тепле,
Ночь, зарю родившая, украдкой
Умирала в стылом феврале.

Сонный, я взглянул в иллюминатор.
И увидел с ужасом в дали:
В мире, где земля была когда-то,
Пустота, и вовсе нет земли.

Пустота на тысячу парсеков.
Нет ни звёзд, ни солнца, ни планет.
Только гул моторов саундтреком
К киноленте улетевших лет.

Спят в салоне мирно пассажиры.
Спит в кабине тихий экипаж.
Лишь тоска, пульсируя по жилам,
В бесконечность рейс уводит наш.

Мы летели... Нет, мы не летели.
Мы вернулись в вечное вчера.
Растворились в призрачной метели,
Не дожив мгновенье до утра.

Вдруг очнулся я от спячки древней,
И заря взошла во всей красе.
А внизу, под нами, в это время
Ангара вливалась в Енисей.

О любви

Ярким днём и с сомкнутыми веками,
На распутии вёсен и зим,
Я люблю тебя каждой молекулой,
Каждым сном, каждым вдохом своим.

Каждым словом, движеньем, улыбкою.
Я люблю. И да здравствует Жизнь!
Словно ангелы с белыми скрипками –
Облаками в сонатах слились.

Пусть звучит эта музыка вечная,
Пусть не кончится. Боже, молю.
Я люблю и в рассветах, и вечером.
Смерти нет. Только ты. Я люблю!

Осенние встречи

Тоски незаживающими ранами
Меня запорошила Осень ранняя.
Слезами, дождевыми многоточьями
Мне голову седую заморочила.

Но я её схвачу за косу рыжую.
Плутовку кареглазую, бесстыжую.
И петь её заставлю песни русские,
Не дам ни на минуту больше спуску ей.

И в хоровод её швырну космейно-флоксовый,
Где к нам июнь вернётся парадоксами
И бабочки июльскими актрисами.
Где в каждый день магнольно-кипарисовый

Ласкать колени будут волны нежные.
И Лето изумрудное по-прежнему
Меня заманит ночью в чудо звёздное.
И Осень присмирившая, негрозная,

Послушная до самоотвержения
Окажется вдруг летним отражением.
Но я её схвачу за косу рыжую,
И поцелуем в губы не обижу я,

А полюблю. Не сердцем, нет, а разумом
Колдунью и плутовку кареглазую.
Но кто тоску швыряет в окна гроздьями?
Ах, нищая старушка. Осень поздняя.

Осенне-алкогольное

У стойки регистрации
Настойкой из акации
Портье встречает осень.
Зашёл Сентябрь выпивший,
Нежданной плешью вызревший.
Неряшлив и несносен.

За ним Октябрь песенный,
Мох выкрасивший плесенью.
Хранит в кармане бренди.
Ноябрь в пузо жирное
Раки залил инжирное,
Как истинный эфенди.

За стойкой регистрации
Им вволюшку проспаться бы
Пред зимним новосельем.
И я напьюсь заранее,
И встречу стужу раннюю
Я грогом. От похмелья.

Октябрьский дождь

Всю ночь и весь день куролесит октябрьский дождь.
Он мёртвые ветви отчаянно кормит с руки.
Прохожие землю тревожат, как нервная дрожь,
А грустные лужи хватают их за каблуки.

Октябрь по городу ищет невидимый кров,
Но город – не город, отшельник он и сибарит.
И вечер, лениво спустившись с обрывками снов,
Глазами промокшей дворняги на осень глядит.

Недельным запоем грозят понедельники мне.
Портвейн из дождя и тоски в одиночестве пью.
Пускаю бумажный кораблик по стылой волне.
Туда, где укрылся под снегом бродяга Июнь.

Лебеди

Звёздные пчёлы уснули в космических ульях.
В городе голом глумится пассатный дикарь.
Лебеди спрятали в перьях рассветы июля,
И белоснежием крыльев пророчат декабрь.

Лебеди, милые, нет бы вам чуть задержаться.
И снежнокрыльем своим не манить холода.
Веком ушедшим троллейбус под номером «двадцать»
Яркой искрою оплакал ваш путь в никуда.

Лебеди, лебеди, стойте, прошу вас: не надо!
В городе голом я в голос кричу сам не свой.
Пухом лебяжьим мне с неба спустилась награда.
Время ушло. Я один. Окольцован зимой.

Послесловие

Важный вечер осыпает лес наградами,
Орденами светлячково-звёздопадными.
Каждой ветке и травинке по сословию.
Это лета наступило послесловие.

Это август ставит точку в повесть пыльную:
Вот мальчишка в целину влетел ковыльную.
Два крыла сияют перьями у мальчика.
Только я гляжу на это озадаченно.

Неужели это я в полях некошенных?
Неужели крылья эти мною брошены?
Жизнь сдаётся, без сражений, без условия.
Снова осень. Стих дописан. Послесловие...

**Елена
ЛУКАНКИНА**

Над Невой – редущая просинь

Стихи

Осень 41-го

Над Невой – редущая просинь,
как сурова эта красота.
41-й. Солнечная осень.
С жёлтыми прожилками вода.

Кораблей зловещая громада.
На домах в углы разведены
рупоры тяжёлые. В блокаду –
это пульс надежды и войны.

Новости и сводки боевые,
музыка по радио звучит.
Этот город жив. На мостовые
солнце льётся. Метроном стучит.

Чистота, и только хлопья в небе
долго кружат, и ветра метут
с улиц городских бумажный пепел.
Осень. Ленинград. Архивы жгут.

Сумрачный город

Мятежный сон – я в городе забытом,
где всё одно и то же сотню лет.
...Там человек.
Фонарь, плющом увитый,
и тоньше тень, в которой на просвет –
нет ничего. У Бога тела нет,

а худобы непоправимой много.
Скелет двора. Качелей нагота.
Дождя разрывы. Гулких труб тревога.
Подъезда сырость, окон нищета
и страшная больная красота

неправильного дерева кривого,
прекрасного изъяна. Это ты –
тот человек из сумрака...
И снова:
качели, двор, железные листы
и кривизна пространства и воды.

Играли мальчики

Тянули спички за углом:
Серёжка – белый, Вовка – красный.
Вдали раскатывался гром,
но день был солнечно-прекрасный.

Из палок – крепкий автомат,
но пистолет задумал Вовка –
стругал его, а младший брат
себе выпиливал ножовкой.

Стреляли, падали в траву –
хорошие или плохие.
Потом на двор одну халву
ломали на куски сухие.

Под вечер Вовку ждал урок:
стихи о рыжем жеребёнке.
Серёжка спал, не чуя ног,
на лбу – победная зелёнка.

Грел под кроватью старый кот
две деревянные игрушки...
Шёл 79-й год,
Играли мальчики в войнушку.

* * *

Зима добра не помнит,
зима не помнит зла.
Стоит над сжатым полем
белёная ветла.

Метут седые ветви
беспамятство своё.
Всё отдувает ветер.
Снег забывает всё.

Неплачущая ива,
невспомненная вся –
так горько и красиво,
что вынести нельзя.

* * *

Легко дышать у дремлющей воды
и грудью пить её речную влагу
до темноты, до выпавшей звезды
на белую небесную бумагу.

По берегу брести и вспоминать
рожденья миг и притяженье дома,
укачивать себя и пеленать
в густую и распахнутую дрему.

Надеть туман, закрыть глаза рукой,
не доверять младенческому зренью,
легко принять забвенье за покой,
опустошенье дней – за разоренье.

Венецианское

Если смотреть на небо от края лодки –
там, в синеве, там, по самой её серёдке,
птицы плывут, поднимая крылами зыби,
а на воде морщат гладь вековые рыбы.

Кто ты – сидящий в лодке и человеке?
Где ты – в каком пребываешь далёком веке?
Воду, как землю, копают большие вёсла,
и поднимают со дна утонувшие утром звёзды.

Время разбито – выложено из камня,
держат мосты город каменными руками,
корни – в воде. Это разные отпечатки –
город – из лодки, и город с лица брусчатки.

* * *

Не смотри на меня, хороший,
Так, что – до смерти люб и мил.
Мне от этого счастья – брошью
Сердце колет.
Сними, сними.
И за что мне – тебя так много,
Захожу, и не видно дна.
Пей из губ и возьми в дорогу,
Я – колодезная вода.
Не забыть, не развеять днями
Запах нежности –
И какой –
Не надышишься!
Как под нами
Уплывала земля рекой.
Как целуешь мои запястья,
И всё кажется – упаду.
Подломлюсь от такого счастья,
Цветом яблони опаду.
Из своих отпускаю руки,
Как в ознобе без них дрожу.
Ни минуты
С тобой в разлуке
Не теряю.
Держу.
Держу!

Александра НИКОЛАЕВА

Куда уходит осень золотая?..

Стихи

* * *

Черпни ладонью солнечного света,
Как будто из огромной банки мёд!
Рябинное, грибное «бабье лето»
Не спутаешь, когда оно придёт.

Ни облачка на небе. Зачарован
В начале октября небесный дом –
Так ровно синей кистью разрисован
Серьёзной первоклассницы альбом.

Расшатанные старые качели
Скрипят уныло в автогородке:
Они бы к южным странам улетели
За ласточкиной стаей налегке.

Осенних листьев – золотых медалей
Не сосчитать у липы и ольхи!
Давным-давно, гуляя с тётёй Галей,
Я складывать училась их в стихи,

Пыталась рифмовать свою ладошку
С обжорой-кошкой, спящей на скамье...
И выросли ямбы понемножку
В нескладных строках, как дитя в семье.

Метафоры (волшебные игрушки!)
Я собирала с рыжею листвою.
...А по ночам ещё мне снился Пушкин –
Мальчишка кучерявый и живой.

Вяземский в Баден-Бадене

Природе хочется покоя,
В дождях до самого утра.
И в Баден-Бадене глухою
Бывает осени пора.

Там, где курорт провинциальный,
Подводит бытию итог
Больной с водою минеральной
И за рулеткою игрок.

Лета – в преддверии могилы,
И жёсток, словно гроб, диван,
Но есть бумага, есть чернила
И в сердце – жизни ураган.

Князь не был так давно в России!
Безумие – пятнадцать лет,
Как страсть последняя к Марии
(Она – юна, он – дряхл и сед),

Как несчастливая карьера
В цензуре (Боже сохрани!),
Бессонниц проклятые дни,
Тоска и рядом только... Вера.

За саркастическою маской
Не спрятать неотступный страх,
Ведь из «плеяды арзамасской»
Почти нет звёзд на небесах.

Он пишет, пишет... сам с собою
Ведя упорный диалог,
Чтоб под засохшею листвою
Расцвёл когда-нибудь цветок.

Скрипка дьявола

Лишь скрипка здесь святыня,
Мятежных чувств сосуд,
Маэстро Паганини, –
На несколько минут.

То нежно, то свирепо
Ведёт она рассказ,
Чтоб звёзды выжгли небо,
А публику – экстаз.

И затопил в кошмарах
Великий океан
Флоренцию, Феррару,
Болонью и Милан.

Всем бедствия пророчат
На сцене при свечах
Глаза чернее ночи,
На пепельных губах

Колючая улыбка –
Подобье адских крыл...
Не зря твердят, что скрипку
Вам дьявол подарил!

Во время заточенья
В тюрьму явился он,
А ведьмами с рожденья
Маэстро был крещён.

...И потому, в гордыне
Заблудший на пути,
Не может Паганини
Последний Дом найти.

Август

Кажется, без передышки
Время свой пишет дневник.
Август – чумазый мальчишка,
Август – почтенный старик...

Сядет у речки на склоне,
Станет ловить светлячков
Месяц в имперской короне,
Тоге пурпурных цветов.

Но вековую гримасу
Лик августейший хранит,
Пеплом пожаров измазан,
Кровью сражений умыт.

В небе откуда незнамо
Тянется чёрная мгла:
Это авгуры у храма
Тушу сжигают вола.

Жрец по золе загадает,
Будет ли славной война...
Слёзно в поход собирает
Центуриона жена,

Каждому римскому богу
Жертву она принесёт...
Лентой стремится дорога
В Галлию и – в небосвод.

...Только на смерть урожайны
Войны. Здесь гибнут полки,
Как умирают случайно
В детской руке светлячки.

* * *

Еретичкою перед церковным судьёй,
На сожжение приговорённой,
Осень смотрит на нас, и так трудно её
От гибели видеть спасённой.

Как, рисуя пейзаж, перепутать могли
Этой осени краски и кисти?
Зелены и свежи на ладонях у лип
Треугольники зубчатых листьев.

Но врастают сентябрьские холода
Сквозь оконные щели в квартиру.
Пахнет смертью и тленом речная вода
Посредине усталого мира.

Камыши приникают к студёной реке,
И печально утиные стаи
Окликают друг друга. В осенней тоске
Есть поэзия – только иная.

* * *

Октябрь. В прямоугольное окно
Ты смотришь чёрно-белое кино:
«Пекарню», «Обувную» и «Аптеку»
Из хроники Серебряного века,

Наличников модерновый узор,
В цветах железных и листве забор...
Другим листам – в прекраснейшем пожаре
Гореть и умирать на тротуаре.

Осенним днём преодолагает дрожь,
На старого чиновника похож,
Замёрзшего в нетопленной квартире,
Фонарь чугунный в форменном мундире.

И видятся случайными в кино
Новейшие Toyota и Reno
На месте, где с большим ажиотажем
Толпа ждала возницу с экипажем.

И в двадцать первом, кажется, году
Многэтажки во втором ряду
Ты так захочешь вычеркнуть, не зная,
Что наступила жизнь совсем иная.

Не остановишь время... Всё равно
Когда-нибудь закончится кино.

* * *

Куда уходит осень золотая,
На Полынковском кладбище бывая,
До самого финала октября
Листовою рыжей на земле горя?

Лишь год спустя её увидят снова
На западной окраине Тамбова

Гробницы и чугунные скамьи –
Безмолвный дом покинутой семьи.

Холодного дождя большие капли...
На постаменте, как живые, цапли
Пытаются подняться в небеса
И улететь в далёкие леса.

И разноцветьем пёстрым листопада
Украшена железная ограда
У белой церкви, тихой и простой,
Как будто шамаханскую фатой.

На кладбище осеннее богатство –
Родное чудо, а не святотатство.
Душа земли так ярко расцвела
Ещё до наступления тепла!

...Руке легко от липовой ладошки,
И я иду по золотой дорожке
Учителя и друга навестить
И продолжать –
по возвращеньи – жить.

Зоя Космодемьянская. Подвиг непродаательства

Очерк

Она осталась в истории, осталась вечно юной, гордой, несгибаемой. И никакие юбилеи – 50-летие..., 100-летие... – уже не состарят ни саму Зою Космодемьянскую, ни память о ней и её великом подвиге.

Подвиг девушки-добровольца

Рвавшаяся на фронт с первых дней Великой Отечественной войны, Зоя Космодемьянская смогла осуществить своё устремление, лишь достигнув совершеннолетия. 13 сентября 1941 года ей исполнилось 18 лет. А уже в октябре девушка-доброволец стала бойцом разведывательно-диверсионной части. Да, проявить себя в деле Зое практически не удалось. Но в своей короткой жизни она успела совершить самый главный человеческий подвиг – подвиг духа, веры, стойкости. Будучи схвачена фашистами, под чудовищными пытками Зоя Космодемьянская не предала ни свою Родину, ни товарищей-разведчиков.

И как показали десятилетия, а особенно последние события 2022-2023 годов в нашей стране, не все могут во имя Родины расстаться с благополучием и комфортом, и тем более с жизнью. От того и возвышеннее подвиг тех людей, кто способен на самопожертвование.

Мерзкая информационная вакханалия вокруг имени Зои Космодемьянской и очернительство её подвига начались в 90-х, когда в газете «Аргументы и факты» писатель А. Жовтис опубликовал грязную статью «Уточнение к канонической версии». Вслед за ней появились и другие клеветнические материалы некоторых писателей и журналистов, якобы «доказывающих», что подвига не было. Так в девяностых годах различные маргиналы начали разрушать светлую память как о Зое, так и о других героях войны.

Но и в стране, и на Тамбовщине нашлось немало людей, вставших на защиту Зои Космодемьянской. Например, в газете «Тамбовская жизнь» несколько ярких очерков, разоблачающих клевету либералов о героине, опубликовал журналист Иван Овсянников. После его кончины эстафету приняла и я, Маргарита Матюшина, ибо клеветники не угомонились, и время от времени они подбрасывали в печать и на радио очередной вымысел. А ведь этих псевдоисториков читали и слушали представители уже нового поколения россиян.

Память о Зое не запятнать!

В 2013 году накануне празднования 90-летия со дня рождения Зои Космодемьянской в статье для газеты «Тамбовская жизнь» я написала: «К сожалению, злую шутку с новыми поколениями молодых, для которых Великая Отечественная война чуть ли не такая же далёкая история, как и Куликовская битва, могут сыграть и прошедшие десятилетия, и «в помощь им» действия пятой колонны. Ведь подвиг юной девушки в Московской битве 1941 года нынешняя молодёжь осмысливает в условиях сытого и, славу Богу, мирного времени».

Десять лет назад негативные суждения некоторых представителей молодых россиян о стране и её героях пугали. И думалось, а сможет ли новое поколение защитить свою Родину? А тут ещё то и дело подливали масло в огонь так и не уgomонившиеся с 90-х годов либералы, ставшие, по сути, предателями и коллаборантами. К примеру, несколько лет назад журналист Александр Невзоров на популярнейшем тогда радио «Эхо Москвы» вещал на всю страну о подвиге Героя Советского Союза Зои Космодемьянской такое: «Заслуги-то никакой не было... Фанатик, исполняющий преступный приказ».

А буквально через год для всех пришло время выбирать... И Александр Невзоров с начала специальной военной операции, объявленной 24 февраля 2022 года, практически сразу же, сбежав из России, оказался в стане врагов. Сегодня этот предатель уже вещает на радио- и телеканалах украинских бандеровцев, воспевая «их подвиги» убийства русских солдат и мирных жителей.

А ещё, помимо предавших Родину и покинувших её – артистов, рокеров, предпринимателей, которые испугались попасть под санкции и потерять свои заграничные капиталы, – были и обычные граждане, боящиеся за свою благополучную жизнь, спасающиеся от мобилизации.

Но большая часть молодого поколения россиян, служащих и призванных в ряды Российской армии или записавшихся добровольцами, плечом к плечу со старшим поколением военных уже второй год храбро сражается против фашистской Украины и десятков натовских стран, мечтающих о поражении и расчленении Российской Федерации. И наши воины говорят: «Победа будет за нами!» И снова, как восемьдесят лет назад, на подвиги их вдохновляют герои Великой Отечественной войны. Среди имён героев и имя нашей землячки – Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.

Осино-Гай – Москва

Зоя родилась в селе Осино-Гай Кирсановского уезда Тамбовской губернии 13 сентября 1923 года. А через два года в семье заведующего клубом Анатолия Петровича и учительницы Любви Тимофеевны Космодемьянских появился на свет ещё один будущий Герой Советского Союза – Александр Космодемьянский.

До шести лет Зоя росла на Тамбовщине, воспитывалась у бабушки и дедушки – Тимофея Семёновича и Мавры Михайловны. С 1929 года Зоя и её младший брат Шура с родителями проживали в селе Шиткино Иркутской области, а в 1930 году семья переехала в Москву.

В памяти девочки об осиногаевском детстве остались самые тёплые воспоминания: о росистых лугах, где так здорово было бегать босиком; о тихой тёплой Кашме, в которой купались всё лето; о милых заросших травой улицах с деревянными домами. Позже Зоя и Шура ещё не раз во время школьных каникул будут гостить в родном Осино-Гае.

В столице Космодемьянские поначалу жили неподалёку от Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, где работал Анатолий Петрович, а затем они получили комнату в доме № 7 по Александровскому проезду. Сейчас эта улица носит имя Зои и Александра Космодемьянских. После смерти Анатолия Петровича в марте 1933 года Любовь Тимофеевна перевела Зою и Шуру в школу № 10 (с 1937 года – № 201, сейчас гимназия № 201 имени Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских).

Как вспоминали впоследствии одноклассники, Зоя училась хорошо, была серьёзной, сдержанной, дисциплинированной, награждалась похвальными грамотами. Девочка очень много читала и всегда в тетрадку выписывала понравившиеся ей высказывания и стихи. Так однажды она ровным мелким почерком записала слова Гёте:

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стал бы Отчизну свою защищать.
Уж враг отступает пред нашим полком...
Какое блаженство быть храбрым бойцом!

Много раз Зоя осмысливала и примеряла на себя судьбу зверски замученной белогвардейцами коммунистки Татьяны Соломахи, о которой прочитала в сборнике очерков о героях Гражданской войны. В 1938 году Зоя Космодемьянская вступила в комсомол и занялась общественной работой, да так активно, что её вскоре избрали группоргом.

На защиту Родины

Успешно окончив девятый класс в 1941 году, Зоя стала десятиклассницей. Но сесть за парту в этот год ей уже не удалось. Началась Великая Отечественная война. Все мысли Космодемьянской были о фронте. Она хотела пойти добровольцем, стать медсестрой или бойцом. Но в военкомате ей отказали, не достигла совершеннолетия.

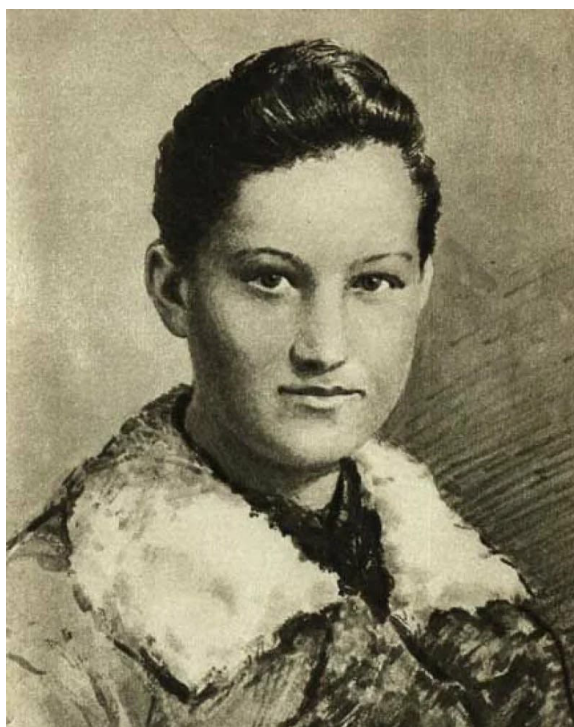
Поначалу Зою, как и других старшеклассников, направили в подмосковные совхозы на уборку картофеля. А вернувшись в середине октября домой, девушка пошла не в школу, а на завод «Борец», выпускавший военную продукцию. По её мнению, она должна была всячески помогать Родине, а не сидеть с книжками и тетрадками за партой. После заводской смены Зоя вместе с мамой шила мешки для фронта, рукавицы, шлемы. А ночью дежурила на крыше, гася зажигалки во время бомбёжек.

В заводском комитете комсомола Зоя узнала о наборе добровольцев на фронт. Поначалу в городском комитете ВЛКСМ ей отказали, но Космодемьян-

ская проявила настойчивость. И с согласия майора Артура Спрогиса, героя испанской войны, дважды кавалера ордена Ленина, командира разведывательно-диверсионной части № 9903 штаба Западного фронта, действовавшей в районе Можайска, девушка была зачислена в эту часть. А уже 31 октября 1941 года от кинотеатра «Колизей» Зоя Космодемьянская в составе большой группы комсомольцев отправилась в Кунцево, где дислоцировалась часть № 9903.

Времени на основательную подготовку разведчиков не было. Над Москвой нависла смертельная угроза, бои с фашистами уже шли на подступах к столице. Парни и девушки в ускоренном порядке изучили стрелковое оружие и освоили навыки взрывного дела.

Через пять дней Зоя, дав клятву-присягу на верность Отчизне, с группой таких же добровольцев была направлена в тыл врага. Ребята получили задание заминировать Волоколамское шоссе. Операция прошла успешно.

Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская

В конце ноября группа получила новое задание. Под Москвой готовилось мощное наступление. Отчаянные бои шли по всей линии фронта. Необходимо было и в тылу врага создать невыносимые для него условия, чтобы, как говорят, «земля горела под ногами фашистов». Поэтому 17 ноября 1941 года Сталин подписал приказ под № 0428. Рассекречен он был всего лишь чуть более десяти лет назад. В нём говорилось: «Лишить германскую армию возможности располагаться в сёлах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населённых пунктов

на холод в поле, выкурить их из всех помещений и тёплых убежищ и заставить мёрзнуть под открытым небом. Разрушать и сжигать дотла населённые пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 километров в глубину от переднего края... Для уничтожения населённых пунктов бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и миномётный огонь, команды разведчиков, лыжников и диверсионные группы, снабжённые бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами».

Правда войны всегда страшна. В 41-м решалась не только судьба Москвы, но и всей страны. Шла битва не на жизнь, а на смерть. Бойцы Красной армии на полях сражений, партизаны и диверсионные группы разведчиков в тылу врага делали всё, чтобы условия существования фашистов были невыносимыми.

Восхождение

В конце ноября Зоя Космодемьянская в составе группы Павла Проворова была направлена на диверсионное задание в деревню Петрищево Рузского района. Согласно документам, собранным и изученным нашей землячкой Норой Смирновой, которая в годы войны, как и Зоя, выполняла разведывательно-диверсионные задания: «В Петрищево располагался штаб 332-го полка 197-й пехотной дивизии». То есть это была не просто деревня с мирными жителями, а определённое сосредоточение фашистов.

В тыл врага группа, в которую входила Зоя, собиралась основательно. Подруга Космодемьянской Клавдия Милорадова впоследствии рассказывала: «Ребята были одеты в ватные брюки и телогрейки, в валенки зеленоватого цвета. Все – и парни, и девчата – были обвешаны гранатами, через плечо перекинута сумка, в них – бутылки с горючей смесью. Наши мешки, кроме продуктов, были набиты толлом, минами, термитными шариками и термитными спичками. У ребят винтовки, а у девушек на ремне наганы...»

В ночь на 27 ноября Зое с товарищами удалось поджечь конюшню и четыре дома на окраине Петрищево, где фашисты расположили часть армейской радиоразведки.

На следующий день в село Зоя Космодемьянская была отправлена вместе с её ровесником Василием Клубковым. В мирной жизни парень работал на почте и в 41-м сам записался добровольцем в диверсионную часть. Когда Зоя и Василий дошли до деревни и были должны бросать бутылки с зажигательной смесью, парень вдруг дрогнул. Бросив девушку, Василий скрылся. Но уйти ему не удалось. Схваченный немцами Клубков рассказал им о полученном задании и о Зое.

В поимке девушки принял активное участие и петрищевский пьяница, немецкий прихвостень Свиридов. Впоследствии на суде была доказана его вина. Свиридов первым заметил девушку, пробиравшуюся к домам. Он сообщил об этом немецкому караульному, который и задержал Зою. Когда на суде Свиридова спросили, что он получил в награду за этот поступок, ответил: «Кроме угощения вином, ничего».

Описать те чудовищные пытки, которым подвергалась Зоя Космодемьянская во время фашистских допросов, рука не поднимается. Никакие чувства и слова не могут передать ужаса осознания, через какие страшнейшие мучения ей пришлось пройти. Но и все слова сухи, чтобы выразить восхищение юной героиней, не выдавшей ни товарищей, ни секретные сведения. Фашисты казнили девушку, сказавшую на допросах, кроме слов «нет» и «не знаю», лишь своё имя – Таня, – 29 ноября 1941 года. Целый месяц для устрашения тело Тани оставалось на виселице. Только при отступлении немцы его сняли и приказали сельчанам зарыть за селом.

Пронзительный очерк о последних часах и подвиге Тани по горячим следам после освобождения деревни Петрищево написал журналист Пётр Лидов. Это был первый материал о Зое Космодемьянской, когда даже ещё не было известно её подлинное имя. Очерк опубликовали в газете «Правда» 27 января 1942 года. Позже, после проведённых изысканий, страна узнала имя юной героини. И 16 февраля 1942 года в газете «Правда» был напечатан Указ Президиума Верховного Совета о присвоении Зое Космодемьянской звания Героя Советского Союза (посмертно).

О жизни и последнем дне юной разведчицы Зои Космодемьянской впоследствии было рассказано и в книге Любви Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре», и в произведениях писателей.

Зоя Космодемьянская похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище. Именем героини названы школы и улицы во многих городах. Есть такая улица и в Тамбове. Памятники Зое установлены в Москве и Тамбове, на Минском шоссе близ деревни Петрищево и на платформе станции московского метро «Измайловский парк».

На малой родине в селе Осино-Гай есть бюст героини у местной школы и памятник юной Зое в центре села рядом с мемориалом павшим в Великую Отечественную войну воинам. Сегодня отлитый в бронзе гордый и несдающийся осиногаевский журавлик «летит» над тамбовской землёй. Мы помним и чтим нашу землячку Героя Советского Союза Зою Космодемьянскую. И никогда не дадим осквернить память о ней. Ибо для нас, для всех россиян, она – великий пример самопожертвования во имя любви к Родине.

Маргарита МАТЮШИНА,
член Союза журналистов России

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

«До рассвета всего минут двадцать...»

Стихи

* * *

Не все вернутся. Да, не все.
Собрался тоже мой сосед.
Ты не гаси в прихожей свет,
Он путь обратный твой осветит.

А на щите иль со щитом,
Когда-то завтра иль потом,
Людским иль Боговым судом? –
Тебе твоя судьба ответит.

Какие тучи! Словно мир
Весь состоит из чёрных дыр,
А яркий звёздный кашемир
Закрит, да надолго и прочно.

Сошла на стонущую твердь
В плаще красивом злая смерть
И закружила круговерть

Работой сверхурочно.
Ты не гаси в прихожей свет...
До встречи, добрый мой сосед!

* * *

Ты думаешь, что твоя тень – это тень Господа?
Прости за эту дурную мысль, мой Боже.
Не только слова, но и мысли, покрытые оспами,
И умных людей покрывают коростами тоже.

Не утро проснулось сегодня, а траурный вечер.
Нет времени суток, которое всех мудренее.
И давит незримая тяжесть на хрупкие плечи,
И думы о тех, кого нет и не будет роднее.

Привет, мой солдат, ты не голоден, ты не простужен?
Ещё не отлита та пуля, которая в тело?
Ты нужен, когда ты до чёртиков важен и нужен:
Бесстрашный, надёжный, отважный, умелый.

А осень затянется долго, за слякотью – слякоть.
Земля зачернеет, а грязь будет плавить дороги.
Поля обнажили не хлебную серую мякоть,
Которую топчут больные солдатские ноги.

Ну как ты, сосед? Твоя лампа всё светит в прихожей?
Так хочется верить в добро. Ты же веришь? Я тоже.

Когда мир разделился

Они планировали встречу,
Готовили стихи и речи,
Мечтали, как обнимут плечи,
Прижавшись телом и душой.
Но всё откладывался вечер,
И вхолостую тлели свечи,
А между ними Путь был Млечный,
Такой до ужаса большой.

Но небо всё не позволяло,
Оно искрилось и стреляло,
Каким-то очень страшным стало,
Таким, каким бывает грех.
А где-то плакали кварталы
И, все порушив идеалы,
За что-то без суда карало
Почти что каждого из всех.

Они до бОльного не вместе.
И с двух сторон – лишь перекрестья.
И зло под диким ликом мести
Рвало скрепляющую нить.
Как быть невестою невесте,
Когда кругом плохие вести?
Ещё лет сто, а может, двести
Им не судьба совместно быть.

Ну здравствуй, враг...

Ну здравствуй, враг мой дорогой.
Я русский, посему изгой
Для всего мира. Эка новость!
У русского – своя суровость,
И русич, он совсем другой.

Пусть говорят, что мы не правы
И нет на нас совсем управы,
Но нами ноги вытирать
Не будет никакая б(мразь).
У нас в крови такие нравы:

Терпя терпеть, но есть предел.
Ну что ж, мой враг, ты очень смел.
Но, осадив чрезмерный пыл,
Ты на всю землю заскулил.
А нас, скажи, кто пожалел?

Горел Луганск, горел Донбасс,
Они горят и по сей час.
И слышен вой, и слышен плач.
Ты ж улыбался, мой палач.
Ну, всё, уймись. Твой пробил час.

* * *

– За что погиб, товарищ лейтенант?
– За то, чтобы другие не погибли.
– Опять весна последним снегом сыплет.
А ты теперь небесный эмигрант.

– Там много вас?
– Ну, да, конечно, много.
– Скажи, ну как там вместе вы?

Ведь кроме своих братьев боевых,
Свела врагов единая дорога.

И к Господу на суд и на поклон
Бредут неуспокоенные души.
– Отстань. Дай этот мир послушать.
Он ведь не новый. Чуть забытый он.

* * *

До рассвета всего минут двадцать.
Просыпается мир за окном.
Вот и всё, нам пора расставаться.
Ухожу, чтоб вернуться потом.

Ухожу в несусветные дали
Через двор, и туда, в тишину.
Ухожу. Меня ждёт на вокзале
Поезд, следующий на войну.

А мой город ещё полусонный
Красотою июльской звенит.
Очень добрый и очень зелёный.
Он со мной, иногда говорит...

Нет, я с ним никогда не прощаюсь.
Никогда не прощаюсь с женой.
И, конечно, я им обещаю
Возвратиться скорее домой.

Стук колёс, метроном. Усыпляет.
Стакан водки. Не всю. Отхлебну.
Ещё сутки, пока не стреляют.
А мы едем сквозь жизнь на войну.

Интервью с Александром Ванюшкиным,

автором гимна специальной военной операции по освобождению Донбасса
«Триста тридцать три»

Тамбовчанин Александр Ванюшкин, подполковник спецназа в отставке, во время второй чеченской кампании участвовал в боевых действиях, а после начала СВО стал возить гуманитарную помощь на Донбасс. Написанная Александром песня «Триста тридцать три» стала настоящим хитом спецоперации. В Тамбове у него своя музыкальная группа «Наши». В репертуаре как патриотические песни, так и лирика.

Корр.: Александр, у тебя ведь четверо детей, семья. Не боишься однажды не вернуться к ним из поездок на передовую?

Поддержать наших

А.В.: Я вообще сначала хотел пойти на Донбасс добровольцем, но именно четверо детей пока и сдержали. Потом я так подумал: вдруг смогу принести больше пользы именно в гражданском качестве: гуманитарка, гармонь, песни. Но если призовут – пойду, не раздумывая! Уже всех предупредил.

А пока вожу на передовую нашим бойцам гуманитарку и заодно даю там концерты. Когда в первый раз расчехлил гармонь в зоне СВО – это ничем было не передать. На последнем куплете пацаны уже все подпевали, подсвистывали, хлопали. Такой успех ни за какие деньги не купишь. Я просто хотел доставить ребятам радость, поддержать, сказать, что ими гордится страна.

Корр.: А что означает команда «333»?

А.В.: «Триста тридцать три» означает «огонь». Это одновременный залповый огонь артиллерии: «Триста» – приготовиться, «тридцать» – натянуть шнур, «три» – огонь! Всё просто.

Корр.: Как родилась эта песня?

Проснуться знаменитым

А.В.: Послушал новости с передовой, вышел «на эмоциях» на улицу поку- рить, а вернувшись домой, всего за несколько минут набросал и текст и музыку, – вспоминает Ванюшкин.

Сегодня видео, на котором Александр в зоне спецоперации исполняет под гармонь свою песню «Триста тридцать три», набирает в интернете уже миллионы просмотров. У него берут интервью федеральные СМИ, приглашают выступать на телевидение, ему пишут и звонят со словами благодарности не только из раз-

ных уголков нашей необъятной России, но и из-за границы: Польши, Сербии, Италии, Израиля, Китая, США, других стран... Поклонники песни присылают автору и свои куплеты «на тему СВО», свои варианты исполнения.

А.В.: Я себя никакой «знаменитостью» не ощущаю, – скромно признаётся Ванюшкин. – Просто рад, что удалось выразить что-то важное своим текстом и музыкой. Рад, что это нашло такой тёплый отклик у сотен тысяч слушателей, у наших пацанов на передовой. Для меня это очень важно. И, конечно, даёт новый стимул к дальнейшему творчеству.

Сегодня поступают многочисленные приглашения выступить на самых различных площадках. Принял участие в большом патриотическом концерте на стадионе «Лужники» в Москве, много выступаю по городам и районам нашей Тамбовской области – в клубах, школах. И по стране уже успел поездить, напри-

Александр Ванюшкин

мер, половину Сибири объездил. Только за последние три недели больше двадцати тысяч километров намотал. Но чаще всего бываю, конечно, на передовой. Считаю, что это важнее. Там сегодня много тамбовчан воюет – более двух тысяч настоящих мужиков-героев! Например, бывший наш председатель городской Думы и глава Тамбова полковник Алексей Кондратьев уже третий орден Мужества получил.

Корр.: А как ты на концерт в «Лужники» попал? Кто пригласил?

А.В.: Меня сначала на ОРТ позвали – в программу «Антифейк». Съездил, выступил, с ребятами познакомился. Не успел в Тамбов вернуться, как снова от них звонок: «Александр, приезжайте ещё раз. Нужно на стадионе «Лужники» спеть». Я им отвечаю: «Извините, у меня все ближайшие дни с концертами уже расписаны. Не могу организаторов подвести». А они мне: «Вы нас не поняли. Там перед концертом Путин будет выступать». Ну раз такое дело... Репетиций, кстати, как таковых не было. Так – «на скорую руку» немножко сыгрались и сразу на сцену. У меня сейчас вообще вся жизнь в бешеном ритме завертелась. Дома почти не бываю.

Корр.: А с чего начиналась твоя творческая деятельность?

Наш тамбовский Тёркин

А.В.: В школе я учился в музыкальном кружке, играл на баяне. Инструмент весил тогда больше меня! Затем играл на гитаре в педагогическом училище, где получал специальность учителя физкультуры, в тамбовском рок-клубе, писал стихи. У меня совсем нет задачи заработать на своих песнях большие деньги, получить известность, популярность. Я просто хочу донести до слушателей то, что меня сегодня волнует, огорчает или радует. Мне очень важен близкий и человеческий такой контакт с аудиторией, возможность самовыражения.

Корр.: Песня «333» стала такой популярной, возможно, ещё и потому, что исполнена под гармошку? В соцсетях тебя сравнивают с Василием Тёркиным...

А.В.: Может быть. Тут всё как бы совпало по жанру – и самый народный инструмент, и несложная мелодия, и довольно простой текст. Главное, мне кажется, что слова и настроение я нашёл верные.

Корр.: Александр, я, когда нашёл твой телефон и первый раз позвонил с просьбой об интервью, ты как раз был под Луганском и капитально так меня «построил». Очень «выразительно»!

А.В.: Я же тебя совсем за другого человека принял! Меня ведь очень быстро «просчитали» бандеровцы, звонят, угрожают. Перепутал. Достали эти уроды...

Корр.: Много таких звонков? Как реагируешь?

Русский офицер

А.В.: Как можно на них реагировать – посылаю... Я боевой русский офицер, во второй Чеченской участвовал – три командировки... Кого они напугать хотят? Я, напротив, испытываю после их угроз «большое творческое удовлетворение». Значит, всё правильно делаю, раз такая от нацистов реакция.

Корр.: В серьёзные переделки в зоне СВО попадал?

А.В.: Ну, как серьёзные... Рядом «прилёты» бывали... А однажды нас там свои задержали – «ахматовцы». Вытащили из машины, «под стволы» поставили. Ошиблись ребята. Но разобрались потом. Так вот.

Корр.: А в Чечне где бывал?

А.В.: Сопровождали колонны под Ханкалой, в Чернокозово, охраняли Дом правительства в Грозном. Сотовых телефонов тогда у нас не было, и я, иногда, когда в кабинете президента никого не было, по «вертушке» звонил друзьям, чтобы напеть им свою новую песню. «Нарушал правила».

Корр.: Ты в Бога веришь?

А.В.: Верю. С моим другом Димой, например, такой случай был: возил он с собой на войне повсюду старинную икону. И вот однажды с сослуживцами попал под большую бомбёжку. «Замес» был страшный... Так вот – помещение, где они находились, разбило вдребезги, а на них ни одной царапины! На войне атеистов не бывает. А икона эта сегодня находится в храме в Знаменке, и местный батюшка читает там каждый день перед ней молитву за наших воинов.

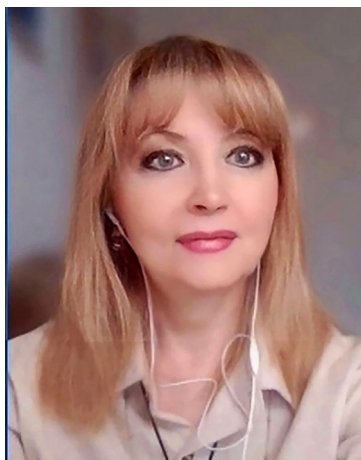
Корр.: О чём в жизни мечтаешь?

А.В.: Мечтаю оставить о себе на земле добрую память. Мечтаю, чтобы у моих детей, моих друзей и близких была светлая, хорошая жизнь. Сам хочу прожить достойным и честным человеком. И написать ещё несколько хороших, добрых и светлых песен. Буду стараться.

Корр.: Удачи тебе!

Беседовал журналист Альберт ЗВЕРЕВ

Виктория СЕМИБРАТСКАЯ

Осколки войны

Очерк

Пашка

17 апреля 2022 года перестало биться Пашкино сердце...

Сегодня утро приходило нехотя, зная, что его будут вспоминать недобрым словом. Хмурое, дождливое, оно сливалось с общим настроением.

Ребята говорили, хоронить обычно приходят немногие – некому. Два-три человека, вот и всё. И ещё гражданские родственники. Дончане знают, с февраля в городе почти не осталось мужчин. Все ушли на фронт. Старики да бабы на хозяйстве, как в Великую Отечественную.

Но на отпевание Пашки собралось много людей. Кажется, никто не мог поверить, что этого улыбчивого парнишки двадцати с небольшим лет больше нет. Ни жены, ни деток не осталось. Не успел. Защищал Родину с первого дня. Пал, прикрывая своих. С собой. Откуда в этом мальчишке родилась мощь самопожертвования?

Ветер шевелил его пшеничные волосы. Горько рыдала женщина в чёрном платке. Потом узнала, это мама Пашкиного лучшего друга, любила парня как родного. Пашка – детдомовец. Хоронил его старший родной брат, недавно оставшийся без ноги.

Троекратный прощальный салют ввысь, будто стук в небо: «Примите лучшего из сыновей, ушедшего раньше срока».

Подумалось, нам теперь молиться о живых и погибших защитниках. И каждым своим поступком доказывать, что не зря они сейчас там, на передке, стоят за нас. И не напрасно сложили головы, и принимают муки, стонут в госпиталях растерзанные.

Плачу. Не останавливаю себя. Каждый должен быть оплакан...

Защитить дитя

Донецк, Горловка, Макеевка в огне!

Новостные ленты каналов переключек меняются с частотой в полминуты.

С остервенением неприятель продолжает выпускать ракеты по мирным.

Позвонила сестре, которая живёт через квартал, узнать, как они пережили утренний арналёт.

– Мы спали, когда раздался оглушающий взрыв. Четыре утра. Окно на проветривании. Я не закрываю, чтобы, если что, ударной волной не вынесло. Катя пронзительно закричала: «Мама, мамочка! Нас сейчас убьют?»

Ребёнок вжался всем тельцем в маму, дрожал и плакал. Сестра обняла дочку, крепко прижала к себе:

– Тихо, моя хорошая, тихо, всё прошло. Спи.

– Мама, я боюсь спать, мы закроем глаза, а нас убьют.

– Я рядом, я смогу тебя защитить, я посторожу твой сон.

– Мамочка, я не могу спать, послушай, у меня вырывается сердце через горло.

– Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч, моя птичка, – мать тихонько гладит дитя по спине, убаюкивает.

Слушаю сестру и замираю. А она продолжает:

– Мы же вот буквально две недели, как возобновили занятия танцами. У нас такая хорошая руководитель, переживает, чтобы дети не забыли движения и не отвыкали работать. А два дня назад, после прилёта на Майский, собрались с родителями в рабочем чате и спрашиваем: «Кто поведёт своих детей на танцы?» Все говорят: «Боимся». И преподавательница сказала, что правильно будет сделать перерыв до августа. Там посмотрим по обстановке.

Занятия танцевальной студии, как и других многочисленных детских кружков, проходят в ДК «Запореваальный», а это прямо напротив рынка Майский, куда на днях был чудовищный прилёт, унёсший жизни и ранивший мирных людей, в том числе и детей. Кадры с убитой женщиной, прижимающей к себе тельце бездыханного сына, заставили содрогнуться весь город.

Форпост на могиле сына

Школьная пора – самое замечательное время. Из настоящего друзья из параллельных, из старших и даже младших классов кажутся чуть ли не роднёй. Поэтому случайные встречи через годы всегда сюрприз.

Как всегда, не шла, летела. И так-то никогда не умела спокойно передвигаться, а тут ещё постоянная канонада, совсем не хочется долго находиться на открытой местности.

– Вик, привет, – окликает меня незнакомец.

Оглядываюсь: здесь кто-то есть? Натыкаюсь на серое, будто завядшее лицо, ссутулившуюся фигуру. Кажется, человек специально втягивает голову в плечи, чтобы стать ещё незаметнее.

- Не узнаёшь, что ли? Серёга из 10 «Б», – облегчает он мне задачу.
  - Ой, не узнала, богатым будешь, – пытаюсь пошутить.
  - Твои все как? – и не дожидаясь ответа, выпалил, как со скалы бросился:
- Мой Максим погиб. На Промке. Вчера позвонили. Завтра похороны.

Чувствую, как забивается дыхание, кружится голова. Господи, что же это? Мальчишка только два года назад школу окончил. Серёга не мог нарадоваться, такой толковый парень, на биофак собирался поступать.

– И главное, – продолжает однокашник, – когда он пришёл ко мне за благословением, я не запретил ему идти добровольцем. Страшно было за сына, да как ему в глаза смотреть, если стану оговаривать?

Повисла пауза. Я взяла Серёгу за руку, стараясь поймать его взгляд. И он поднял на меня глаза. Я ужаснулась. Это не глаза, а воронка от снаряда, убившего его сына. Единственное дитя.

– Вик, ты при случае молись обо мне. Через два дня меня ждут в военкомате. Я сейчас оттуда, заявление написал. Вот только провожу Максима, и в часть. Защищать, значит, его могилу. Сам лягу, но врага не пущу.

Блокадная вода

Иногда кажется, пишу какую-то ничем не приметную и незначимую ерунду, никому не нужные заметки о текущем. Но перечитываю написанное девять лет назад и сама себе говорю «спасибо». Пусть эти мелочи не растворятся во времени. Пусть запомнятся.

Вчера – понедельник. День расписан. Подтягиваю текущие дела, чтобы собраться и уехать. Вдруг за окном щемяще-волнующе два коротких отрывистых сигнала.

– Ой! – вырвалось, – да это же... – бросилась к окну.

Так и есть, привезли питьевую воду. Да как же это? По графику – завтра.

Есть норматив молодого бойца – одеться за 45 секунд после подъёма. Мне кажется, я бы там была рекордсменом. Потому что не только оделась с нуля, но и накрутила после гигиенических водных процедур, и вполне себе модный образ собрала.

Очередь идёт быстро. Удивляюсь. Вот как так, никто не знал, что машина приедет, а людей много, будто ждали. Значит, как и я, услышали сигнал, посмотрели в окно и помчались?

Одна из женщин, которая стояла позади меня с сыном, забеспокоилась:

– А мне дадут на ребёнка? А если не дадут? Что мне делать? У меня четыре баклажки. Пойду, спрошу.

– Да не переживайте вы, конечно, дадут, лимита нет на питьевую воду, – пытаюсь успокоить.

– Нет, я лучше спрошу, – женщина оставляет в очереди мальчика и идёт к машине.

– Ну чего переживать? Всем хватит воды. В цистерне минимум три куба. Ну, пусть тут в очереди человек 70-80, в основном по 10 литров берут. Просто

считайте. Без воды никто не уйдёт, – рассудительно и спокойно рассказывает молодой человек за моим правым плечом.

От машины отделяется пожилая женщина с палочкой. Весенний ветерок подхватывает её серебристые волосы, чуть подталкивает в спину, помогая идти. В её руке – советский металлический бидончик, уже наполненный водой.

– Стой, ты куда, остановись! – кричит она вослед пареньку лет семи. Тот быстро перебирает тонкими ногами в сторону дома, чтобы скорее доставить драгоценную тяжёлую ношу – две пластиковые пятилитровки. – Тяжело, дай мне одну! – кричит бабушка.

– Ба! Мужчина я в семье или кто? – звонкий голос обращает на себя внимание очереди, люди улыбаются. – Ты, ба, не спеши, я сейчас бегом занесу и к тебе вернусь, помогу. Иди тихонько!

Следом торопится молодая женщина с такими же бадейками воды, с ней сын, лет восьми, не больше, и тоже обе руки заняты. Ноги подкашиваются, но старается от матери не отставать.

Отходит ещё одна старушка с наполненной тарой. Проходящий мимо молодой человек в защитной пятнистой футболке без правой руки подхватывает воду:

– Я точно знаю, нам по пути, вы к этому дому идёте? Так я вам до лифта донесу!

Женщина ойкнула, растерянно обернулась на очередь и куда-то в Небо выдохнула:

– Спасибо... внучок, дай Бог тебе здоровья!

Удивительное... удивительное время... В людях проявляется настоящее. Отшелушивается наносное и не имеющее ценности.

Я тебя люблю, мой Донецк. Все вместе справимся.

P.S. А сегодня воду не привозили.

Победить

Бегу по зебре. Чёрная полоса – белая, чёрная – белая, чёрная...

Научилась радоваться тихо. Не салютую, благодарю за свет, пролитый в мой день. Весь прошлый месяц как-то особенно волновалась о нём. Как он там? Здоров ли? Непокойно было на сердце. И вдруг весть из госпиталя.

Когда узнала о его тяжёлом ранении, о страшных увечьях, проревела сутки. За эти военные годы он стал родным человеком, братом. Погоревала, а потом сама себе сказала: «Эй, остановись! Парень жив. И потом, он сейчас один. Его дом в России. Кроме меня, ему сейчас помочь некому».

И потянулись наши разговоры...

– Теперь ни одна девушка на меня не посмотрит, кому я нужен безногий, – тоска в голосе и нестерпимая боль.

– Да мы с тобой ещё на твоей свадьбе спляшем, красавчик! – когда говорила, уверена была, что так и будет.

Ещё бы, он человечеще с огромным сердцем. Настоящий воин.

– Потерпи немного, вот раны заживут. Ты выжил, это самое главное.

– В бою главное не выжить, а победить, – отвечает боец.

Мыльные пузыри

Как-то вчера к вечеру я совсем без сил осталась и не рассказала удивительную историю, которая со мной случилась.

А оно и к лучшему, пока варится бульон для госпиталя, начну утро с неё.

Занималась закупкой продуктов, которые сегодня отвезу раненому другу. Рынок, небольшие киоски. Бегу вдоль дороги, тороплюсь. В нескольких шагах замечаю мальчика лет пяти. Автоматически осматриваюсь (привычка за столько лет войны быть предельно внимательной), вижу в открытом проёме магазинчика молодую женщину, которая стоит в очереди за крупами и следит глазами за сыном. В подтверждение тут же кричит ему: «На дорогу не выходи, стой там, уже скоро».

Где-то начинается обстрел. Раскаты канонады доносятся тревожно и отчётливо. Оцениваю ситуацию – для нас это не опасно. В глазах ребёнка испуг. Дальше мысль срабатывает автоматически. Замечаю у него в ручонках пластмассовый длинный узкий сосуд.

– Это мыльные пузыри? – быстро задаю вопрос.

– Пузыри! – моментально отвечает мальчик.

Воздух продолжает разрывать не грём.

– А можешь показать? – заинтересованно спрашиваю.

– Могу! – парнишка тут же срывает крышку и вытаскивает длинную планку с отверстиями. Резко рассекает пространство «волшебной палочкой», и в мир вырываются невесомые прозрачные шары, расцвеченные всеми цветами радуги.

Он подпрыгивает на месте от нахлынувшей радости.

– Ух ты-ы-ы-ы-ы-ы! – неподдельно восклицаю я. – Ничего себе!

– Посмотришь ещё? – малыш включает в игру. Точнее, переключается от оглушающих звуков войны в выдуманный мир.

Боковым зрением отмечаю, что мама складывает пакеты с покупками в сумку.

– Я уже иду! – кричит сыну, продвигаясь к выходу.

Мальчонка смотрит на меня восторженными глазами, а я на него и на мыльные пузыри. В небо летят и летят посланцы сказочного мира...

Шла домой и думала, кому из нас важнее эта случайная встреча на улице? И где у нас продаются эти пластиковые коробочки с чудесами?

Время героев

Время героев – оно всегда. Не особенное какое-то, а в каждом дне. Кто-то шёл с работы и защитил девушку от бандита, бросился голыми руками на нож злодея. Кто-то входит, не задумываясь, в пылающий дом, чтобы вынести старушку. Другой встаёт на защиту Родины, каждого из нас. Спокойно, без пафоса, понимая, что это крайне опасно.

Знаю таких ребят. Честные, толковые. Жили, как все, обычной жизнью. Дом, работа, друзья. И всё-таки что-то в них особенное.

Поездка в госпиталь – это всегда безумная боль, смешанная с радостью. Война – это кромешный ад: кровь, боль, грязь.

Он спрашивает:

– Как дальше жить без ног?..

Я отвечаю:

– Ты поцелован Богом, ты выжил. Значит, на тебя у Него есть планы.

Я не кривлю душой, я плачу и радуюсь одновременно. Жив... Жив. Жив!

Во вторник прошла вторая операция. Кажется, его не вывозили из оперблока вечно. Закончили только в полчетвёртого вечера.

Он говорит:

– Так хорошо, ещё ничего не болит, не отошёл от наркоза. Каждая перевязка – это испытание на прочность. Не было так больно, когда ноги оторвало, как сейчас, когда чистят раны.

Снова поговорю по телефону и плачу. Но ему об этом не скажу. Для него другие эмоции и особые слова:

– Привет, командир, как сегодня настроение? А знаешь, мои девчонки вместе с этой смородиной и вкусняшками передают привет и попросили тебя обнять...

Когда устаю, и кажется, уже ни на что нет сил от этой затянувшейся лавины горя и потерь, я вспоминаю глаза ребят из госпиталя. Госпиталь. Пристанище физической боли и торжества духа. Когда видишь бойцов, хочется сделать всё зависящее и сверх того, чтобы помочь справиться со страданием от ран и увечий. Лекарства, перевязочные. Сложно стало с медикаментами. Закончился Бранолинд Н, пришлось побегать основательно, чтобы собрать по аптекам новую партию. Главное, что получилось.

А уж запечь цыплёнка, сварить ягодный кисель, отделить зёрна граната – это самое простое. Главное, не оставлять наших мальчиков один на один с болью. Им очень нужно видеть наши глаза, полные благодарности и любви. Хочется много о чём написать, но лучше – действовать.

Счастье своими руками

С раннего утра громко. В доме вибрируют открытые рамы, как папиросная бумага на ветру. Иду под шум канонады в парикмахерскую и думаю о любви. Разве можно о чём-то другом?

Сегодня работает мой любимый мастер Наташа. Она всегда такая тихая и почти угрюмая. Молчит, хмурится. Работает быстро, умело. А тут увидела меня и расцвела. Как же ей идёт улыбка. Внимательно выводит ровную линию ножницами. Слышится серия тяжёлых приземлений. Окна похожи на пугливых птиц с трепещущими крыльями.

– Как сегодня громко и близко, – замечает Наташа, не переставая стричь, хотя, – смотрит в окно, – и вчера, и позавчера...

– Ничего, скоро наладится. И заживём мы радостно.

Наташа грустно улыбается. В зал заглядывает девушка с двумя баклажками воды.

– Наташ, хватит десяти литров?

– Мы экономно используем. Хватит на твою покраску, не переживай.

Если кому расскажу, что в парикмахерскую со своей водой ходят, поверят ли люди в большой России?

Я расплачиваюсь и бегу дальше по делам, не оставляя свою мысль.

Любовь, если это, конечно, любовь, совершенно удивительное чувство. Смотришь любимому в глаза и понимаешь, что это всё, ради чего стоит выжить.

Мой Донецк, моя родина, моя сила. Любуюсь каждой травинкой, улицей, облаком над ним. Душа города – люди. Именно они наполняют стены и площади своим светом и теплом. От каждого из нас зависит, насколько комфортно мы будем себя ощущать. А больше ничего и нет. Только я и другие люди. Все радости, все победы, слёзы и проблемы только от общения с ними, с другими людьми.

Счастье не ждут, его создают. Простыми делами каждый день. Для других.

Грани мужества

Держу в руках четыре снимка. Это не рентген человеческого организма. Это какой-то атлас звёздного неба. Только все эти многочисленные точки – не сияющие странники, это осколки, полученные в бою. Они гуляют по организму, цепляют сосуды, нервы, органы. Из-за них воспаляются ткани, случаются нагноения. Это хорошо, когда они выходят, разрывая кожу. Пока вышло три осколка. Сколько ещё нужно выдержки, чтобы терпеть эту боль...

Когда у друга случаются проблемы, первый порыв – лететь на помощь. Как иначе, этот парень отдал своё здоровье за нас. А ведь до 2014-го я ничего о нём не знала.

Сегодня летела под проливным дождём и грохотом канонады за посылкой для него. Виктория приехала в Донецк поддержать родственников и привезла лекарства из Москвы. Хрупкая женщина с огромными глазами за несколько минут общения рассказала все новости о друзьях и обогрела участием.

Едва переступила порог дома, сняла мокрую куртку, боец показывает фото:

– Вот, сегодня ещё один осколок вышел.

Чувствую, как внутри всё сжимается. Буквально вчера был другой. Задаю дурацкий вопрос:

– Когда выходят осколки, это же приходится нарушать целостность кожного покрова, чтобы его вытащить?

– Осколки самостоятельные, – терпеливо объясняет он, – сами выходят на поверхность, делая для себя проход.

– Как это? – ужасаюсь сказанному.

– Дырявят они меня. А я потом заливаю, промываю это место Бетадином и закладываю в дыру мазь, закрываю рану марлевой повязкой.

Вспомнила рассказы фронтовиков Великой Отечественной об осколочных ранениях. Некоторые из осколков всю жизнь блуждали по телу, причиняя страдания, и так и не находили выход... История повторяется.

В будущее

Сегодня пришлось походить и поездить по всему городу. Не дала себе даже времени на моральную настройку. Иначе передумаю. Творится страшное – стреляют круглые сутки. Жилые многоэтажки, государственные учреждения, учебные заведения, детские сады, больницы.

Я забыла про телефон и про то, что можно было запечатлеть для истории увиденное. Всю дорогу улыбалась и мысленно повторяла одну и ту же фразу: «Этот город невероятный, этих людей не победить». Это я так, в том числе, и о себе. Имею право – коренная дончанка. Всё, что происходит в городе в ответ на жестокий многолетний прессинг, очень по-нашему.

Утром разбудили разрывающие пространство звуки прилётов. И тут же послышался звук двигателя. Первая мысль: это кому же взбрело в голову в семь утра гонять на мопеде во дворе. Выглядываю в окно и вижу парня в форменном комбинезоне с газонокосилкой, и какой запах свежескошенной травы! Не успела выйти из подъезда – пришлось уступить дорогу въезжающему во двор мусоровозу. Огромный, вальяжный, будто кит в синем море, неторопливо проплыл к контейнерам за бытовыми отходами. Война войной, а чистота по расписанию.

Прохожу буквально 250 метров к автобусной остановке. Люди в оранжевых жилетах. Сколько их? Кажется, как муравьёв в муравейнике. Техника дорожная, активное движение. Обновляют полотно дороги. Дальше двигаюсь уже в транспорте. По пути свежая разметка.

Вот и центр Донецка. Да, людей значительно меньше. Машин тоже. Но всюду коммунальщики. Кто-то метёт, кто-то рыхлит землю у кустов роз. Моют из фляг пока не работающие фонтаны. Реставрируют тротуарную плитку. И абсолютно по всему городу, от центра до окраин, идёт плановый покос травы на клумбах. Урчат газонокосилки. Ребята так браво управляют с техникой, засмотрелась. По грации движения ничем (наверное) не отличаются от древних косарей.

Донецк живёт. Оплакивает своих невинно убиенных детей и идёт уверенной поступью в доброе будущее.

Горько!

Не в кино они познакомились. Не на побережье курорта. Он покорила её сердце не цветами и конфетами. Она увидела, как он из года в год творит свой ратный подвиг во имя Родины. Не многие готовы отказаться от благополучного личного мирка во имя чего-то неосяземо большого, чего не пощупать и не положить на банковский счёт. Он – такой. И она это знает. Да и она такая же. Пошла за любовью, чтобы поднять его после тяжёлого ранения, вдохновить.

О них можно написать роман. Но не сейчас.

Эти двое сегодня поженились. Прямо в госпитальной палате принесли обещание верности.

Он шлёт фотографию: её рука лежит на его, на безымянных пальцах серебряные кольца. Второй файл – свидетельство о браке.

– Привет! Викусь, ну всё, она меня окольцевала.

Мои глаза увлажняются.

– Совет да любовь! Крепкого здоровья вам, мои дорогие. Будьте счастливы. Победа? Однозначно!

А через неделю они приехали в гости. Он и его жена – друг, боевой товарищ. Всмотриваюсь.

Он. Более бледен, чем обычно, до ранения. Налезался и насиделся, готов бежать, действовать. Каждый жест выдаёт, что он не смирился с тем, что ограни-

чен в передвижении. В глазах – физические страдания, усталость. Всё время благодарил за новое уличное инвалидное кресло, оно хоть чуть дало возможность двигаться.

Она. Маленькая, стройная, крепкая. Смотрит на мужа влюблённо, по-девичьи. Загоревшее лицо, руки. Каким чудом она вышла из очередной мясорубки под Мариуполем, где тяжело ранило её любимого?

Рассказывает, как могла его потерять, когда он истекал кровью и не было возможности оказать первую помощь. Как добралась к нему в госпиталь в Донецк только через три недели и увидела сплошную рану.

– Тогда у меня впервые в жизни начал дёргаться глаз, – её глаза цвета крепкого кофе заблестели, – но я знала: не время горевать. Я тогда ещё лежала в соседней больнице после ранения. Приму лечение и еду к нему. Сама обрабатывала, промывала раны. Нагноение. Воспаление. Бегала по всем врачам, консультировалась с теми, кто из меня осколок доставал. Выполняла все рекомендации.

– Вы сейчас на перевязки в больницу ездите? – интересуюсь, потому что из госпиталя бойца выписали на амбулаторное лечение.

– Один раз съездили. Второй этаж, подняться невозможно. Доктор посмотрел, сказал, что делать, чем обрабатывать, какую мазь накладывать, теперь дома сама врачую. Я хочу кровать купить. На чём зря спим. Надо гнездо семейное обустроить. Постельное купила. Нужен матрас хороший, чтобы ему было удобно.

– А я говорю ей, – включается в разговор боец, – никакого огорода! Ну ладно ещё сад. А вниз головой по солнцепёку, зачем оно надо?

Не могу от них оторваться. Такие простые семейные заботы. Пусть скорее заживают раны. Ох, как долго они тревожат после осколочных. А там и с протезированием пусть всё сложится.

Прощались.

– Ребята, вы берегите себя. Я вас люблю.

Обняла их. Они смущаются. Тут война, а тут я со своими нежностями. И у всех слёзы остановились в глазах.

Первая гроза

Как почувствовать счастье, или радость, или красоту? Это получится, только если ты ощущал противоположное. Сейчас пронзительно чувствуешь оголённым нервом всё, от пения птиц до обжигающего гула снаряда.

Вчера снова не пришла вода. Это уже которые сутки?

Зато питьевую привезли с утра даже на пять минут раньше графика. Людей собралось много, больше, чем обычно. Стояли под начинающимся дождём.

Нашла удовольствие – наблюдала за капающей водой из водосточной трубы в обрезанную пятилитровку. Кто-то снова собирает дождь...

Вчера прогремела первая весенняя гроза.

Небо уплотнилось. Небо готовилось к грозе. Это вам не легкомысленные какие-то облака собрать. Для грозы требуются тяжеловесные тучи. Внешний вид их, как и полагается, устрашающий. Иначе нельзя. Это они будут тереться боками, сталкиваться и зажигать молнии с грохотом и яркими вспышками. А потому

сосредоточились первые и самые прекрасные в своей попытке утратить нас, взвизгивающих снизу на небесное поле баталий.

Эх, тучи-тучи, вам ли не знать, мы давно привыкли к грому и молниям рукотворным. Так что природные теперь – благодать и манна Небесная.

Видимо, тучи услышали мои мысли. Неведомый оператор подправил контрастность, и расплывающиеся массы сконцентрировались в изумительной красоте и чёткости объекты. Ах! Вот они, оттенки серого. От светло-дымчатого до угольно-графитового, отливающего синевой. Подул ветер, срываясь и наводя порядок на поле действия. В воздухе запахло дождём. Гроза! Не взрывы артналёта, а простая небесная гроза с ливнем и молниями! Ура! Весна заявила о себе громкогласно.

Сегодня питьевую воду привёз другой водитель. Передо мной оставались ещё три человека, когда я обратила внимание, что разлищик воды поглядывает на меня и улыбается. Интересно, вроде незнакомы.

– Привет, мы с вами в одной компании красных! – парень улыбается и весело подмигивает.

О да, он тоже в красной куртке, как и я. Улыбаюсь в ответ:

– Да, надо как-то обозначить свою позицию в этом мире. На самом деле, пришлось тёплую одежду доставать из шкафа, обычно в это время уже в красной майке хожу. А сегодня всего +10.

У него дребезжит телефон.

– Кто же это меня так настойчиво хочет? – парень одной рукой наливает воду, другой быстро кликает по монитору телефона.

– Вас столько людей хотят, стоит ли удивляться? – делаю жест рукой в сторону длинной очереди.

– Это да, главное, не выбиваться из графика, ждут всюду. Но, хочу я заметить, – он озорно сощуривает глаза и смеётся, – я вообще у девушек пользуюсь повышенным вниманием.

– Даже не сомневаюсь, – смеюсь в ответ, – спасибо за водичку.

Тащу свою драгоценную поклажу, руки немеют, плечи, спина попискивают. А на душе так хорошо. Весна. Любовь.

Сердце степи

Анечка, дорогая Анечка, спасибо огромное за «Молитву за Донбасс»*. Какое счастье, что я увидела этот ролик накануне.

Павел сидит почти неделю без света, интернета и воды. Каждый день ходит заряжать телефон на железнодорожный вокзал в подземный переход. Конечно, моральное состояние его не очень. Он, рождённый думать стихами, на девятый год войны надломился:

– Викуся, ну не могу я писать. Есть не могу, пить не могу. Сколько горя, сколько... – его голос сжимается в пожухлый коричневый лист.

– Всё знаю. Тоже почти не пишу стихов. Спазм в груди, там, где они рождаются...

Стараюсь поддерживать его изо всех сил, как и многих других. Ежедневный созвон. Прислушиваюсь к голосу, тембру, интонациям. Улавливаю, отслежи-

ваю слова собеседника. По этим малым приметам можно понять всё. Как помочь человеку, кому высокое искусство – это и есть настоящая жизнь, выживающему под непрерывным огнём, незащищённому, как младенец, физически и морально?

Когда чего-то очень хочешь, когда взываешь, Пространство откликается. Звоню ему, спрашиваю, есть ли возможность послушать 4 минуты 42 секунды, отвечает – да. И я включаю через громкую связь «Молитву» в вашем, Анечка, исполнении. В трубке раздался сдавленный вскрик...

Он не ожидал. Слушаем молча и оба начинаем плакать. Я с одной стороны невидимого провода, он с другой. Разливается музыка Арно Бабаджаняна в бескрайней степи, прекрасной и древней, как сам мир. Девушка в белом платье поёт без слов. Безмолвной молитвой возносит благодарность за возможность любить эту землю. Слышится шум ветра, играющего травами, слёзы женщин, оплакивающих своих родных, страдание детей великой степи.

Музыка закончилась. Павел вздохнул. Его голос посветлел, стал твёрже и звонче. Говорит: «Викуся, ты не представляешь, что ты для меня сейчас сделала». Шмыгаем носами друг другу в трубку и улыбаемся. Улыбку слышно по телефону. А через 5 минут сам перезвонил и прочитал новое стихотворение о вольной степи, восхитительно красивой и вечно молодой, о девушке, воссылающей в Небеса молитву о Донбассе. Я потрясена. Будто он сам смотрел все эти 4:42 моими глазами. Спасибо вам, Анечка.

*Народная артистка Украины Анна Братусь исполнила «Молитву за Донбасс» на музыку Арно Бабаджаняна.

БЫТЬ НУЖНЫМ

Снова осень. Девятая военная осень Донбасса.

Донецк, Горловка, Ясиноватая горят. Накрывают безостановочно 155-ми. Окна недоумённо пожимают рамами. Сколько можно? Уши... Барабанные перепопки вибрируют на пределе.

Что это за сила, заставляющая одних свозить самое страшное оружие в точку невозврата, а других – посылать боевые ракеты в школы, больницы, рынки, жилые дома? Что это за сила, спрашиваю, если люди, которых родила женщина, у которых есть дети, не могут сопротивляться этому давлению и безропотно, бездумно уничтожают себе подобных?

Да, это война добра и зла. Главное, не ошибиться с выбором стороны. Время такое, эти ошибки уже не исправить.

Такие мысли приходят под эхо разносящейся канонады, в очереди за питьевой водой. Где-то близко громынуло. Старенькая женщина пронзительно ойкнула и схватилась за сердце. Продавец-водитель, тот самый, в красной куртке (слышу по голосу с конца очереди) невесело смеётся:

– Что вы такие пугливые? Не так близко прилетело. Вот в моём районе неделю назад, – покупатели замерли, – прилетело прямо в мою квартиру, сгорела она.

– Да как же это? – горестно воскликнула одна из женщин.

– Живой я, что ещё нужно, – голос парня стал выше и готов был сломаться.

Только когда подошла моя очередь, я увидела, что нет его красной куртки. На нём изрядно потрёпанный бушлат размеров на пять больше и непокрытая голова. В груди заныло. Дотащила воду домой и бросилась к сумке. Сколько там у меня на хозяйстве? Две тысячи, не густо. А много ли мне нужно? Хлеб есть, воду купила. Сунула в карман тысячную купюру и побежала вниз по ступенькам. Очередь к белому грузовику значительно уменьшилась. Я обошла машину и подошла к водителю, позвала. Он обернулся, а я срывающимся от волнения голосом выдохнула:

– Я понимаю, что это не решит проблему глобально. Но это даст вам понять, что вы не один, – и сунула ему в руку купюру.

– Да вы что, я этого никогда не возьму! – парень сделал отчаянный жест в мою сторону, стараясь обратно всунуть мне деньги.

– Пожалуйста, не отнимайте у меня возможность почувствовать себя нужной, – проговорила я твёрдо и быстро зашагала в сторону подъезда.

– Спасибо, – услышала вослед.

Мы – дончане

Дончане. Что это за люди? Однажды нас предал весь мир. Начиная от бегущего правительства до соотечественников, готовых нас убивать за то, что мы продолжаем говорить по-русски. Заканчивая близорукой выборочной демократией стран-соседей.

Вам никогда (пусть так и будет, никому этого не пожелаю) не понять ощущения потери веры и безопасности. Ещё вчера мы спокойно ходили по улицам, работали, писали свои песни и учили детей. А в один момент, по чьей-то злой воле, у нас отобрали всё. Образовалась огромная пропасть. Кому теперь верить? На кого рассчитывать? Кто восстановит правду и поддержит нас? Мы – крошечная точка на карте. Мыслимо ли выстоять против оголтелой толпы, жаждущей насилия?

Мы надеялись, что мир одумается. Мы встали на защиту своей земли. Мы учились жить в новых условиях. Наш прекрасный город с развитой промышленностью, наукой, медициной теперь не стоил ничего. Его планомерно убивали и продолжают это делать изо дня в день. Десятый год. Ни один роман не опишет пережитое нами за это время. Весь наш безграничный мир одномоментно схлопнулся до блокадной коробки с закрытыми продуктовыми магазинами, безденежьем, отсутствием связи, банковской системы, воды, отопления. И всё это под нескончаемыми обстрелами. В этих условиях мы не просто выживаем, мы поддерживаем друг друга. Мы пишем стихи и под канонаду собираемся почитать и послушать. Мы помогаем тем, кому ещё хуже, чем нам. Эта война отнимает у нас одно за другим – всё, что было дорого. А мы, упрямые, забываем о себе и находим нечто большее в жизни: одинокую старушку, брошенного котёнка, волонтерство в госпитале. Человек не может по-другому. Ему нужны ступеньки для подъёма, крючки, желания, стимул просыпаться и просто жить. У нас остались только мы сами. Только так можно продолжать радоваться и оставаться людьми, в сердцах которых не выросла ненависть.

Мы – дончане. Это наша земля. Место силы. Наш город.

Владислав РУСАНОВ

Мы так беспечно любим жизнь

Стихи

Город Юза

Грянешь о землю картузом –
и за добавкой в буфет.
Город – создание Юза,
вечное аутодафе.

Если возьмёшь, эдак, двести,
сразу захочется жить
в городе долга и чести,
в городе слова без лжи.

Место особого мненья,
город поступка «вразрез»,
град, навсегда обречённый
быть средоточьем чудес.

Память, как ложе Прокруста –
город в огне и дыму
стискивал зубы до хруста,
снова впрягался в хомут.

Разве иначе пристало,
если приходит беда
в город угля и металла,

в город борьбы и труда?
Вечное чувство конфуза,
если чего-то не смог
в городе памяти Юза,
в городе верных дорог.

* * *

Мы обязательно умрём,
но мало кто в своей постели.
Под стук дождя и вой метели,
в сырой палатке, ближе к трём.

Мы так погрязли во грехе,
что не надеемся на кущи.
И свет, святой и вездесущий,
не нам завещан во стихе.

Мы так беспечно любим жизнь,
что не привыкли с ней считаться.
Ногой босою в ритме танца
ломаем острые ножи.

Мы обязательно уснём
в густом лесу и в чистом поле,
на воле или же в неволе.
Мир без границ. Мы – гости в нём.

* * *

Мы застыли на разных стадиях
человеческого бытия.
Мы лелеем инстинкты стадные,
принимаем, что предугадано
одинаково. Ты и я.

Мы погрязли в проблемах мелочных,
как положено, с головой.
И не терпится раскошелиться,
добывая пустыми целями
мир загадочный. Мой и твой

Принимаем чужое мнение,
перекраиваем мечты.
Исковерканное поколение.
От мгновения до мгновения
опоздавшие. Я и ты.

* * *

Под одеждою все мы голые.
Под личинами мысли эрзацные.
И судьба коровёнкой комолой
не бодает, а так... Толкается.

Не элитные, не убогие
прём в калошах по мраморной лестнице.
Попущением Бога – а Бога ли? –
вместо сути несём околесицу.

Расфрантились как, распавлинились...
Хоть сейчас из огня да в полымя.
Позы гордые, речи длинные,
а копнёшь – всё равно мы голые.

* * *

Слепая преданность дождей
не защитит и не излечит
от обречённости предтечу,
от бронзовелости – вождей.

И погружаясь в немоту,
куплеты сумрачно итожа,
ты вспомнишь, холодея кожей,
давно забытую мечту.

И зазвенит витая нить
от лёгкого касанья ножниц.
Святую правду с жалкой ложью
смешает вмиг желанье жить.

А ливень хлещет по лицу,
смывая пыль, тоску и память.
Дрожит душа, как свечки пламя,
спеша к небесному Отцу.

Ты наконец-то не у дел.
Свобода – вот предел мечтаний.
Пройдя тропю испытаний,
сам выбрал для себя удел.

Скупая искренность дождя
не ляжет тяжестью на плечи.
Омыт, одет и обилечен,
ты улыбнешься, уходя.

* * *

В зубодробительной тиши
помянем мы весну и осень,
прощенья у зимы попросим,
от лета отдохнём в глуши.

Коварный век, жестокий век –
источник жизненных ненастий,
и над судьбой уже не властен
уставший, малый человек.

И не удастся воплотить
на счастье робкую надежду.
Сменяет белые одежды
на латы ангел во плоти.

Метельно утро в декабре,
глаза слезятся от мороза,
как свечи белые берёзы...
Последний лист в календаре.

* * *

Не осуждай ни виновных, ни правых.
Ты – не мальчишка, тебе пятьдесят.
Освободи из-под стражи Варавву,
а остальные пускай повисят.

Воспоминания премиум-класса
год високосный в нагрузку принёс.
Аутодафе ожидает Клааса,
на остальных не оформлен донос.

Совесь вонзает клыки многократно,
память по кругу, и мысли вдогон...
Варят цикуту для чаши Сократа,
для остальных припасён самогон.

Чёрное, белое или оттенки
выбрать так сложно, а время не ждёт.
Кто не согласен, становится к стенке,
а остальные идут под ружьё.

Гамлет

Прости, Офелия, что я не удержал
себя в узде, весло в руке, а шпагу в ножнах.
Пусть совесть тысячей змеиных жал
вопьётся в сердце. Только так и можно
искать себя или искать ответ
на большинство мучительных вопросов.
Ведь смерти нет, но жизни тоже нет.
Всё – сон. Во сне река судьбы пронесёт
меня к тебе сквозь множество миров,
вселенных, сущностей и сфер, пронзает
пространство с временем, но, обнажив порок,
не требует злодейству наказания.
Судьба над схваткой. Равнодушья яд
давно в её распространился венах,
и нам приходится который век подряд
самим карать за подлость и измену.
Вот наслаждение – вонзить кинжал врагу
по рукоять, не показав бессилья,
но часто, месть свершая на бегу,
мы убиваем всех, кого любили.
Прости, Офелия, я суетен и слаб.
Жизнь проходя с рождения до тризны,
умею отличать добро от зла,
но поражаюсь смерти дешёвизне.

* * *

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит не сломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

2022 г.

Сергей БЕРЕЖНОЙ

Оркестровая яма

Очерк

1.

Практически ни одна поездка не обходится без накладок, несуразностей, нелепостей, а виной всему наш природный русский авось, лень, самонадеянность, неорганизованность и всё остальное, без чего наша жизнь становится пресной и какой-то по-немецки размеренной.

Вот и на этот раз в разрушенном в хлам городе, где вороны, и те в редкость, угораздило угодить по глупости к «вагнерам». В плен не в плен, но «изолировали». Ощущение не ахти, когда ты по-кошачьи млеешь под солнышком, щедро в лицо швыряющем тепло пригоршнями, а через секунду между лопаток даже сквозь бушлат холодок от ствола автомата. И хлёткое: «Быстрее!» Будешь плестись, перебирая ногами, – в лучшем случае прикладом в спину получишь, а то можно и пулю схлопотать. Конечно же, шальную.

Солнце купалось в искрящемся насте, плескалось, разбрызгивая тысячи искрящихся крохотных солнечных осколков, играющих на гранях алмазных кристалликов снега. Зато в тени, да ещё издали, он казался синими лужами, растекающимися от грязно-красных и грязно-белых развалин домов. Было безветренно и по-весеннему тепло, подтаявший снег уже не скрипел морозно даже в тени, от слепящего солнечного света глаза сразу же начинали слезиться – поленился возвращаться в машину за защитными очками и теперь щурился, прикрывая ладонью глаза.

Это был наш пятый приезд в город N, или, как говорит мой друг Витя Носов, пятое пришествие. Все попытки вразумить его, что пришествие как-то неуместно употреблять, не возымели результата, хотя чуть-чуть скорректировал: мы – это явление.

Теперь одно такое «явление» топало под конвоем по раздолбанной улице, мысленно моля Господа, чтобы Он уберёт второе «явление» от вмешательства в ситуацию. И вообще кого-либо: со мною Саня Хорват, и этого более чем достаточно. Он работал с «музыкантами», он кого-то наверняка знает из тех, кого знают они, может быть, даже из тех, кто принимает решения. Он вообще знает, что делать и что говорить.

Хорват идёт впереди с двумя «музыкантами» уверенно, не быстро, но и не медленно, не суетливо и с достоинством. Я волочусь следом, приотстав – как на грех артритная нога к такой скорости не готова, отстаёт, и со стороны походка наверняка напоминает движения скачущего в борозде грача – хромого и старого.

Подошли к дому «со сниженной этажностью» – два верхних этажа снесены начисто, завернули за угол. Вход в подвал завешен одеялом – каким-то затаканным, не стиранным со дня своего рождения. Первым спускается Хорват, я следом, мысленно отсчитывая ступеньки: две, четыре, семь... Куда ведут? В преисподнюю? Во всяком случае, в «оркестровую яму». Они едва подсвечиваются фонариком: луч какой-то размытый и тусклый. Может быть, проблема с батарейками? Хотя нет, конвой светит нам в спины – контролирует руки, потому свет на ступенях не концентрируется. Чёрт возьми, а где мой фонарик? Кажется, в рюкзаке остался, хотя вряд ли бы пригодился: без разрешения лучше не доставать его, не включать, и вообще мы послушные, белые и пушистые.

Спускаемся на ощупь: нога щупает ступеньку, рука скользит по стене – так надежнее, иначе шансы загреметь вниз, перебирая физиономией вытертый тысячами ног бетон, взлетают до небес. На нижней площадке метр на полтора путь преграждает ещё один полог из такого же одеяла. Идущий впереди «музыкант» приостанавливается, бросает через плечо негромко, но резко: «Стоять!», отбрасывает одеяло и скрывается.

Доносятся голоса, но слов не разобрать, монотонно гудит генератор, свет от фонарика пятном влипает в стену на уровне нашей груди: руки по-прежнему под контролем. Продуманные ребята, любо-дорого смотреть на их работу. Лучше, конечно, со стороны, но так даже познавательнее.

Угол одеяла откидывается, и появляется наш прежний конвоир. Прежний – это хорошо, это уже константа, а нет ничего лучшего, чем постоянство даже в этой ситуации. Ровным голосом с ноткой любопытства (артисты!), даже как-то вкрадчиво интересуется, кто мы и зачем материализовались в развалинах, к тому же еще и фотографировали. Ваздар чётко: «АННА Ньюс», военные корреспонденты. Я вторю: военкоры мы и вовсе не фотографировали, хотя намерение было развалины «пощёлкать». Звучит как будто: мы не местные.

«Конвоир» просит передать ему фотоаппарат. Говорит негромко, требовательно, но вежливо, и мой «Кэнон» с бейджиком «ANNA News» перекочёвывают в его руки, и он исчезает за пологом. Темно, лишь свет фонарика, лица скрыты балаклавами, тени мечутся по стенам, по углам жмётся мрачная темень.

Из-за полога доносится: «Диверсанты, документы левые, надо отвести в развалины и отпустить». Отпустить – значит, пристрелить. Последние фразы предназначены явно для нас: слишком громко. Свет фонариков скользит по нашим лицам: явно ждут реакцию. Бормочу: «Если бы диверсанты, то вас давно бы уже не было на этой грешной земле. «АННА Ньюс» мы, военкоры» – и достаю сигарету. Ну что ж, спектакль так спектакль, постановщик – кто-то таинственный вот за этим пологом, участники – мы и «музыканты». Они же зрители. Занавес поднят. Начали.

2.

Теребят Саню: туда-сюда выныривает-ныряет за полог крепкий паренёк, сыплет вопросы, получает ответы, исчезает. Опять появляется. Тащит две табу-

ретки, предлагает присаживаться. Сама любезность. Ага, значит, котировки нашей никчемной жизни на этой бирже начинают расти. Бормочу: «Первый акт мы уже отыграли и одно лишь сумели понять, чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять». Градский – красавчик, будто тоже под автоматами в подвале кантовался. Слепечек с натуры – что надо! Саня будто невзначай бросает сквозь дым сигареты: «Саньч, не передави».

Акт второй: надо отыграть так, чтобы на этой земле не затеряться. Точнее, в этих развалинах. Конечно, нас будут искать – как не искать хотя бы для проформы. «Вагнера» потом старательно примут участие в поиске бесследно исчезнувших двух ненормальных. Ну, пропали да пропали, мало ли их таких пропавших лежат в развалинах или в лесопосадках.

Как бы между прочим бросаю, что фотографировали награждение. Презрительно усмехнулись: «Кого награждали? Этих, что ли?» Кивок головы куда-то вверх и за наши спины – явно в сторону дивизиона. «Пьяницы, лучше бы стрелять научились». Ну, это они зря: в дивизионе на спиртное табу.

В разговор вступает второй, что на ступеньках вверху перекрывает выход. Автомат через плечо, палец у скобы: мгновение – и он уже на спуске. Спрашивает об обстановке вообще, о прилётах по Белгороду и области, о погоде. Понятно, тянут время. Сашины документы и наше внешне пофигистски-доверительное спокойствие несколько нейтрализовали настороженность. Бумаги у него настоящие, вполне проверяемые и подтверждаемые, а вот у меня, кроме удостоверения и паспорта, ничего нет. И надежда на то, что свяжутся с Москвой и что кто-то подтвердит мое отношение к агентству, весьма призрачная. Эх, Марата¹ бы сюда, уж он разрулил бы ситуацию на раз-два. Смотрит небось сверху и ухмыляется.

Из-за полога вынырнул боец, протянул два пластиковых стаканчика с чаем. Саня принял, я отказался: есть и пить предпочитаю исключительно дома, а то вдруг сердечный приступ или тромб оторвётся, как у некоторых моих друзей. К чему лишние хлопоты?

Лёгкий смешок доносится из-под балаклавы. Парень посмотрел с любопытством, хмыкнул и вновь скрылся. Внешне доброжелательная беседа под свет фонариков продолжилась. Стоящий у полога «музыкант» в балаклаве продолжал расспрашивать всё так же лениво и как бы по обязанности – уже четырежды спросил об одном и том же, но как бы исподволь и каждый раз ставя вопросы иначе. Искушённый паренёк, видно, не впервой беседы вести, в том числе и с пленными. И хотя тональность голоса была само радушие, предельно вежлива и даже с нотками извинения, но глаза отнюдь не сияли благостью, а полосовали холодным острым лезвием.

– Да вы не переживайте, сейчас проверят фотоаппарат, пробьют вас – и отпустим, – произнёс он успокаивающе в пятый раз и впился взглядом, ожидая реакции.

«Ну, ребятки, «пробивать» нас при отсутствии интернета – это разговоры в пользу бедных». Впрочем, им тоже было понятно, что мы не детки из песочницы и не купились на эти обещания. Ясно, что просто тянут время, но для чего? Или кого-то ждут?

1 Марат Мазитович Мусин, руководитель агентства. Погиб 5.05.2018.

– Технику не испортите, поаккуратнее там, – ворчу-прошу: надо же как-то реагировать на его слова.

– Не переживайте, как для себя сработаем. У нас умельцы работают ювелирно.

Сказал – и опять взгляд испытывающий: ключевое слово – для себя сработаем. Нет, ребятки, мы так не договаривались, никаких для себя. Мой аппарат, мой! И он никак не собирается менять своего хозяина: слишком много связано ещё с Донбасса со мною.

Всё тот же паренёк опять вынырнул, как чёрт из табакерки, протягивая горсть шоколадных конфет: «Угощайтесь!» Саня верен законам приличия и аккуратно берёт одну, я уже традиционно отказываюсь, за что награждён откровенно любопытным взглядом.

3.

«Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять», – крутится в голове. Вроде бы себя не потеряли, нет испуга, нет растерянности, внешняя уверенность.

Уже часа полтора тянут. Что в плюсе? Табуреты, чай, конфеты. Вроде бы и радушие, но что-то протокольно. А что хотел? Шляется какой-то недоумок по бывшим городским улицам, что-то высматривает, фотографирует. Документов нет, а рядом не менее странный и весьма осведомлённый напарник. Сладкая парочка, прямо «Твикс» какой-то.

Стоящий у входа вновь предлагает табурет. Отшутился: гостеприимство ценю, но вынужден от табурета отказаться – лучше постою тут у стеночки. Один из парней хмыкнул: к стеночке, конечно, успеете, но пока осваивайте её спиной на ощупь. Вроде бы и шутит, и голос добрый такой и мягкий, почти задушевный, но взгляд карих глаз... От такого взгляда враз дрожь в ногах и мурашки по спине. Такому на спуск нажать – что комара прихлопнуть.

4.

Всё разрешилось в секунду: откинулось одеяло, завешивающее вход в подвал, и в потоке дневного света явился крепыш в сопровождении автоматчиков, дядька серьёзный, лет пятидесяти, взгляд живой и совсем не равнодушный. Ангел-спаситель или?.. Поинтересовался, что почём, выслушал, приказал сопровождающему высокому и плотному разобраться. Мы не жаловались: наоборот, оценили бдительность ребят, корректность и гостеприимность. По взгляду видно, что ответ понравился.

Так, значит, переходит к третьему акту. Я совсем обнаглел:

– А мы с вами где-то встречались?

– Нет, – в ответ коротко и веско, но в глазах улыбка. Или усмешка.

– В Сирии? – гнул я своё.

– Нет, – отрезал он, а в глазах чертенята в пляс пустились.

– Может, на Донбассе в четырнадцатом?

– Нет, – во взгляде игра. Но ведь что-то чертовски знакомое. Если бы не балаклава, если бы открылись нос, рот, подбородок – наверняка бы вспомнил.

– Но где-то же встречались, – уже по инерции без шансов на удачу потерянно бормочу я.

– В библиотеке. Без сопровождения не ходите. До свидания.

5.

Командир, высокий и плотный, без балаклавы, с мужественным и симпатичным лицом, с тремя сопровождающими его бойцами – явно «личка», вышколенные, молчаливые, взгляды пронизывающие и бесстрастные, уже на улице просмотрел отснятые кадры – ничего интересного. Нашивки «ANNA News» на бушлате и бейджика в руках не то что мало, но хорошо бы ещё чем подкрепить:

– А ещё что-нибудь есть?

Паспорт показывать не стал – ну зачем ему мой домашний адрес, а писательского удостоверения с собою не взял, поэтому протянул прежнее судебское. Сфотографировал, предварительно спросив разрешения, что было совсем не обязательно: попробуй откажи.

Он, улыбаясь, протянул руку:

– До свидания.

«Личка», стоявшая справа и слева в паре шагов, профессионально, при сопротивлении не дотянутся до них, не допрыгнуть, зато они очередь враз причешут, расслабилась, и они по очереди тоже пожали руку. Вот так расстаться? И это после заточения? Даже толком не узнав, кто эти мужики, виртуозно исполняющие свою роль? Как на каблуке крутятся с улыбочками, шуточками-прибауточками, какие-то шальные, отчаянные, куражистые, бойцы завидные, с такими – что в атаку, что в разведку, что в кабак.

– Нет, дорогие, так не пойдёт. Что ж, так и расстанемся? А интервью? Вы нас в плен взяли, без нас коллеги почитай два часа на передке шарятся, пока мы в тёмном подземелье чай гоняли, теперь будьте добры поквитаться. Интервью хочу.

Командир засмеялся:

– Без начальства не могу. Счастливо оставаться!

6.

Наши вернулись к вечеру. Витя сказал, что, узнав о нашем задержании, он было «дёрнулся», но командир дивизии остановил:

– Это «вагнера», с ними лучше не связываться. Положат всех и будут правы – их земля. Подождём.

Да и правда, что зря пылить – и сами всё разрулили. Знали бы, что за дорогой территория «оркестра» – не полезли бы и так глупо не вляпались бы. Жаль, что интервью взять не удалось.

– А ты ещё полазь, где не надо! Наверняка случай поговорить с ними представится, – сдержанно и неодобрительно проворчал комдив.

А «вагнера» оказались ребятами что надо. Дисциплина – блеск! Беспрекословное повиновение. Один боец собрался было дать телефон своей матери, чтобы мы позвонили и сообщили, что у него всё в порядке, но товарищи остановили: без разрешения командира – ни в коем случае. Одно слово – профессионализм. И при конвоировании, и в подвале, и потом «личка» – все работали отменно, страхуя друг друга. А ещё чувствуется безмерное уважение к своим командирам.

Игорь ЛАВЛЕНЦЕВ

Черный турман

Стихи

* * *

Черный турман –
Дух летучий,
Голубь – аспид,
Голубь – грач,
Под малиновою тучей
Я не плачу,
Ты заплачь.
Под малиновою тучей...
Что за ересь?
Что за блажь?
Не размыть слезой падучей
Цвета ягоды мираж,
Не постигнуть,
Крыл не мучай,
Мной очерченный вираж.
Черный турман –
Дух летучий.

И ветер клочьями свивал
Пожухлую осоку,
И поздний уж переплывал
Остывшую протоку.

И иней утренний,
Как мел,
Ложился под дубами,
И шёпот по ветру летел:
– Да будет мир над вами.

И там,
Где тлел лосиный рог,
Вставало, как знаменье,
Начало главной из дорог –
Судьбы возникновенье.

Судьбы возникновенье

И небо низкое плыло,
И холодом сквозило,
И чьё-то мокрое крыло
Над головой скользило,

Друзьям, с которыми дружил

Полно по свету носиться
На крылатых лихачах,
Было время набеситься,
Успокоилась лисица
На Татьянинных плечах.
То ли дело,
То ли горе,

Все забава да игра.
«Нелюдимо наше море...»
И затихло на бемоле,
Отдышаться, знать, пора.
Отдыхайте, милы други,
Я покуда не спешу,
Под напев залётной вьюги
В белом небе мечу круги,
В землю тёмную гляжу.
Ваши помыслы добреют,
Мне иной докучен зуд.
Лисы ворона – не греют.
Ветры ворона – лелеют.
Крылья ворона – несут.
Далеко ли?
Недалёко.
Выше надо бы,
Да нет
Ни умения,
Ни срока.
Лишь полуночное око
Прижилось в краю планет.

Память

Прошу ли память в кои дни
За все минувшие печали,
Что нынче внове зазвучали,
Обычной радости сродни,
За то,
Что краскою иной
В бессонных окнах пламенея,
Сегодня то всего больнее,
Что было лучшего со мной,
За миг,
Что я издалека
В себе единственном увижу,
За то,
Что истина не ближе,
Не станет памятью пока,
За эту странную печать,
Преображающую лица?
И где от памяти укрыться?
И сколько мне её прощать?

Отец и сын

Я спал,
А надо мной, звеня,
Мошка кружила сеткой,
Отец обмахивал меня
Осиновою веткой.

Качалась перистая синь
Усталую рукою.
Хранили миг
Отец и сын
Минутного покоя.
Стволы в тумане золотом
Вершинами кивали.
Такого не было потом,
И ранее – едва ли,

Когда же силились сердца
Перестучать друг друга,
Во имя сына и отца
И родственного духа.

Тридцать пять

Тридцать пять,
Всё по-прежнему
Присно и впредь.
Ах, мадам,
Как нелепо число –
тридцать пять!
Снова некому
Душу мою отогреть.
И тепла своего
Никому не отдать.

Всё пустое, мадам,
И уныние – грех.
Отчего же печаль
Наполняет глаза,
И ложится на землю
Невиданный снег,
И усталая нежность
Летит в небеса,

И надежда бредёт
По осколкам луны?
Может быть, не напрасно,
Недаром,
Не зря
Ваши губы, мадам,
Багряницей весны
Снятся мне по ночам
В холодах декабря?..

Этих глаз...

Этих глаз
Потаённый огонь золотой
Различит только ангел небесный,
Да бродяга,
Что грезит надеждой пустой,
Ожидая судьбы неизвестной.

Этих губ
С ароматом полыни в меду,
Что бродяга отроду не ведал,
Он губами своими
Коснётся в бреду,
И упьётся
Полуночным бредом.

И умрёт...
И душа бесприютная к ней
Полетит,
Не встречая запрета.
А она будет думать,
Что ночь холодней,
И заплачет
За час до рассвета.

И, поплавав,
Задремлет в мерцаньи свечи,
Сожалея о давней разлуке.
И не вспомнит о том,
Кто в холодной ночи
Дышит ей
На озябшие руки.

Бессонница

С веток – яблоки,
С белых цветов – лепестки,
С неба – звёзды,
Из сердца – пустые тревоги.
Нам пора,
Из-под пыли мятежной тоски
Разбегаются прочь две обочных дороги.

Все случилось до срока,
Чему наперёд
Суждено и предписано
Было случиться:
Скрылся в сумрачном облаке
Твой самолёт,
Прокричала в полночи
Дикая птица.

Скоро утро развеет над заводью пар,
Словно память,
И я позабуду навеки
Губ прохладных твоих
Опьяняющий жар,
Эти руки твои –
Эти белые реки.

Я забуду
Шафрановый запах волос,
Я забуду твой взгляд,
Настигавший повсюду,
Под успенское пенье тоскующих ос
Я твой голос,
Дыханье твоё позабуду.

В третий раз прогоняет
Бессонный петух
Мелких бесов измен,
Горьких духов разлуки,
Только твой
Неуёмный безжалостный дух
Всё кладет мне на грудь
Невесомые руки.

Сгинь!
Но губы...
Но глаз полусвет-полумрак...
Прочь изыди!
Но век золотых гильотина...
Расточись!
Но дыханье, похожее так
На последний полёт
Лепестка георгина...

Псалом Давида

1.
Для чего замышляют тщету племена
и народы в мятежной стихии?

2.
Из гордыни царей прорастает война
против Господа,
против Мессии.

3.
«Сбросим иго,
блужи их завета доколь,
словно узы при гульбище шумном...»

4.
А с небес –
горький смех через отчую боль
в поругание сим неразумным.

5.
И глагол,
повергающий в трепетный стон,
опаляющий гневом коварство:

6.
«Сам Господь над святою горою Сион
возвестил мне великое царство.

7.
Он сказал – ты мой Сын,
днесь рождён таковым.

8.
Попроси,
и одним мановеньем
все языки наследием станут твоим
и земные пределы – владеньем.

9.
Упаси их покорность
железным жезлом,
сокруши,
как скудельничьи чаши».

10.
Ныне,
судьи земли,
разумейте о том,
памятуя убожества ваши.

11.
Страх и радость во Господе –
ваши дела.

12.
Путь и истина –
в Сыне грядущем,
ибо будет обида Его тяжела
не надеющимся и не ждущим.

В январе...

Александре Я.

В январе сугробы тают
В городке среди полей,
Землю стылую питают,
Не питают, а пытаются,
Мир туманом оплетают.
Не жалеешь?
Не жалеи.
Не жалею я,
Но мне бы
Эту землю,
Это небо,
Пусть отсюда и туда,

Горечь соли,
Запах хлеба...
Остальное – ерунда.
Да ещё бы чтобы,
Чтобы
Ту, которая до гроба...
А богатство и почёт –
Посторонние не в счёт.
Из-под белого сугроба
По тропиночке течёт,
Сякнет, сякнет, неподсуден,
Ручеёк,
Студён да мутен
Возле синих тополей.
То ли горе,
Все там будем
Средь лесов ли,
Средь полей.
Не жалеешь?
Не жaley.

Учитель

Светлы будни и пути,
Дни исполнены веками,
Где учащему идти
До поры с учениками.

Пусть вовек не Иисус,
Но сиянию подвержен,
Коль тщеславия искус
Вразумляющим отвержен.

Лик его почти что свят,
Путь его отчасти млечен.
Пусть не будет он распят,
Будет иначе отмечен,

Но заведомо вослед
Сонаправленной метой.
На сердца проливший свет
Не минует чаши этой.

Не минует вопреки
Тривиальности ученья.
Не скостят ученики
Ни измены,
Ни забвенья.

Вот ещё на одного
Рать былая поредела,
Будто в полночь
У того
Гефсиманского предела.

И споткнувшись на азах,
Новой мукою обяжет
Тот,
Кто кается в слезах,
Тот,
Кто петлю молча вяжет.

Звезды горстями...

Звезды горстями на землю бросая,
Простоволосая
И босая,
Юбочка пёстрая каруселью –
Кружится ночь в августовском веселье.
Кружится ночь
в августовском прощанье,
Дым обещаний.
Жизнь – обещанье.

Валентина ДОРОЖКИНА

Поэзия мужества, добра и любви

Очерк об Игоре Лавленцеве

Если читаемая книга – будь то стихи или проза – заинтересовала, невольно ищешь сведения об авторе: кто он, заставивший твою душу дрогнуть, поглубже заглянуть в неё? Как он выглядит? И всегда досадно, когда в книге нет ни портрета автора, ни сведений о нём. Говорят, биография писателя – в его произведениях. Может, это и верно, но лишь отчасти: всё-таки в произведениях – лирический герой, а это не всегда автор, даже если написано от первого лица. И сколько раз бывало так: прочитаешь несколько книг незнакомого писателя, нарисуешь в своём воображении его портрет, а при встрече оказывается, что он совсем-совсем другой.

В 90-е годы прошлого века, когда поэт и прозаик Игорь Лавленцев только-только входил в литературу, часто можно было услышать вопрос: «А кто он такой? Откуда?» В аннотации к первому сборнику стихотворений «Чёрный турман», выпущенному в Тамбове в 1992 году, сказано: «Родился в 1963 году. Стихотворения печатались в журналах «Юность», «Подъём»». Подобные две-три строки предваряли и вторую его книгу – «Элегия скола» (Москва, 1997). Публикация прозы в журнале «Подъём» прошла вообще без представления автора.

Конечно, были рецензии, небольшие «врезочки» перед подборками стихов в местных газетах, кто-то видел по телевизору передачу с участием автора и его фотографию в газете «Тамбовская жизнь» с подписью, что это Игорь Лавленцев выступает в клубе «Аппарель» при Тамбовском доме милосердия... Захотелось собрать все эти биографические «крохи» воедино, добавить свои впечатления о его творчестве, о встречах с ним, беседах, чтобы дать читателям возможность поближе познакомиться с поэтом, прозаиком, мужественным человеком Игорем Лавленцевым.

Он родился 27 августа 1963 года в Тамбове, жил на улице Набережной, которая была видна ему во всей красе из лоджии, где он весной и летом, иногда и осенью, если она была тёплой, работал, сидя в коляске: с 17 лет, когда, попав в аварию, юноша стал инвалидом, она была единственным средством его передвижения по квартире. В последние годы жизни он подолгу находился в больнице,

и 7 октября 2005 года скончался в возрасте 42 лет. Но все, кто с ним встречался, помнят Игоря Лавленцева жизнерадостным человеком. Он никогда не жаловался, не ныл. Вообще разговоры с ним велись о литературе, о музыке, которую он любил, о Библии, которую читал вдумчиво и постоянно... Уже первые опубликованные стихи Игоря удивляли и радовали необычной образностью, философичностью, особым видением мира, свежим его восприятием.

*Годы днями пролетают,
То весомы, то легки.
Мне казалось, не растают
Первоснежные комки.*

*Но примчались тучи с юга, –
Тает, тает... Будет вновь,
Но уже другая вьюга.
Впереди – измена друга.
Дальше – первая любовь.*

Он входил в литературу как-то робко. Имеются в виду не творческий потенциал поэта, а его публикации. Их он не умел и не хотел «пробивать». Был очень самокритичен, всегда прислушивался к советам и с благодарностью принимал редакторскую помощь.

Игорь Лавленцев – яркий пример значительных успехов самообразования: он до всех премудростей творчества старался доходить сам. Его комната – это аудитория его литературного института, и своеобразие её в том, что в ней – один студент, не стремившийся быстрее окончить институт, а ощущавший потребность учиться постоянно...

Когда-то поэт Геннадий Попов написал стихотворение «Поэзия не пользуется спросом...» Эту фразу он, по его рассказам, услышал от продавца книжного магазина и был просто потрясён такой несправедливостью. И, поминая добрым словом всех ушедших поэтов, можно с радостью констатировать: поэзия пользуется спросом, да ещё каким! И прежде всего, поэзия таких творцов, как Игорь Лавленцев.

Его книги стихов и прозы с дарственными надписями бережно хранят все, кому он их дарил. В 2001 году в областной администрации проходила презентация сборника Игоря Лавленцева «Смиренная декада». Наверное, сам автор не ожидал такого количества любителей поэзии, собравшихся в зале, особенно молодёжи. Стихи его читали учителя, студенты, учащиеся, товарищи по писательской организации и, конечно, он сам, признававшийся: «Прозреваю с каждым мигом, не на миг, а на года»:

*Будто вовсе я не бранный,
Нити истины вяжу,
В уравнение Вселенной
Модуль собственный ввожу...*

Собственный модуль в уравнение Вселенной он вводил не только стихами, но и прозой. Отдельными книгами, в региональных и столичных журналах в разные годы были опубликованы роман «Круиз на “Запорожье”», повести «Старый», «Осенние утята», «Сны нашей жизни» и другие. Герои прозы Игоря Лавленцева – люди ищущие, равнодушные, остро переживающие несправедливость, с которой им приходится сталкиваться постоянно. Правда, у них не всегда хватает сил бороться с «мерзостью запустения», но они, каждый по-своему, протестуют, стремятся подняться над обыденностью и пошлостью. У кого-то это получается наяву, а кому-то снятся сны, насыщенные событиями, далёкими от реальности. Однако часто грань, разделяющая явь и сон, – весьма зыбкая, и писатель поступком одного героя словно пробуждает от спячки других.

Молодой человек Гоша Ломакин из повести «Осенние утята» неожиданно для себя на полном ходу спрыгивает с машины на дорогу, чтобы спасти диких утят, чуть не попавших под колёса. Кому-то покажется смешным и даже досадным этот поступок: из-за чего рисковал жизнью, попал в больницу? Подумаешь, утята! Но это стремление человека спасти живое существо от грубой силы «цивилизации» – символично и поучительно: не всё ещё потеряно, не всё доброе и нежное убито в человеке железной действительностью. Авторское прозрение передаётся и читателям...

Как писатель и как гражданин Игорь Лавленцев болел проблемами века. Он откликался стихами и прозой на все значительные события, по-своему интерпретировал их, без заёмной лексики, без шаблонных образов высказывал своё отношение к происходящему. И чем трагичнее событие, тем короче были стихи. Поэт чувствовал, что многословная «расшифровка» темы не нужна. В этом – мастерство автора и его вера в читателя: поймёт, о чём это:

*В славянской речи: долг – вина.
Но в чём же были виноваты
Твои, великая страна,
Двадцатилетние солдаты
Под небом дальней стороны
В восьмидесятых, без войны?*

О гибели «под небом дальней стороны» своего друга поэт сообщает так же коротко: под осеннюю сырость он констатирует факт потери друга, но за этой констатацией – сдерживаемые рыдания от бессилия перед убийственной молотилкой, включённой безжалостной рукой и истребившей прекрасную поросль, не успевшую окрепнуть:

*Сылет осень на прохожих
Сырость через решето.
Кто-то был из нас моложе,
Не припомню только, кто...*

*Равнодушная бумажка,
Строки синие вразлёт.
Жил на свете друг мой Сашка.
Жил, а больше не живёт.*

И ответ на вопрос «Что такое счастье?» у Игоря Лавленцева был один: «Счастье – это отсутствие беды...» «Песня певцу не всегда благодарна...» – подобных выводов в стихах Игоря Лавленцева немало. Они звучат как афоризмы, в них – боль, но не отчаяние. В них – вера и надежда, любовь и мужество. Под их знаком развивалось его творчество. А оно многогранно.

Наш земляк был лауреатом конкурса Союза журналистов России «Золотое перо» в номинации «Преодоление». Эту высокую оценку он получил за серию публикаций о проблемах инвалидов. Несмотря на ограниченные возможности, Игорь Лавленцев занимался и общественной работой: он несколько лет был руководителем пресс-службы Тамбовской общественной организации молодых инвалидов России «Аппарель».

Главная жизненная дорога, которую поэт обозначил как «судьбы возникновенья», была, конечно, нелёгкой. Но всё-таки, несмотря ни на что, – счастливой. И хоть написал он строки: «Мне небо ближе, чем стихи, мне дерево дороже слова», позволим себе сделать более полный вывод: Игорю Лавленцеву было дорого всё – и небо, и деревья, и трава, и цветы. Они и давали ему нужные слова для выражения сокровенных мыслей. Ведь всё – о т т у д а, из того прекрасного далёка, о котором в каждом из нас детским голосом звучит: «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко...» Поэзия Игоря Лавленцева значительна, своеобразна, жизненна. Вот такая, она всегда будет пользоваться спросом:

*Лишить поэзию имён
Нельзя. Невиданно. Но странно,
С каких немыслимых времён
Восходит слово безымянно*

*И не начально, а вослед
Иным неназванным былинам,
Летящим в токе лет и бед
Высоким криком журавлиным.*

*Лишить... Делить на Вы и Ты
Вершину речи не пристало.
И в книгах, верно бы, не стало
Фамильной гулкой пустоты...*

*Всё верно будто бы, но как
Забить то имя, за которым*

*В крови и гари столько драк,
Квитаясь славой и позором,*

*Прошли столетья. Но плывёт
Его эпическая тема.
И в имени самом живёт
Непревзойдённая поэма.*

Игорем Лавленцевым написано немало стихов на духовную тему. Они вошли в коллективный сборник «Русь, оставайся святой!..», изданный в Тамбове в 2007 году и посвящённый памяти рано ушедшего из жизни поэта. И словно наяву звучит голос Игоря Лавленцева:

*Нет, ещё не истлел над моею страной
Окоём золотого её покрова,
Это просто Россия болеет весной,
Это просто весна пред Россией права.*

*И плывёт над полями и будит сады
И апрелю велит: по дорогам труби –
Я воскрес! О, Россия! Воскресни и ты,
И надейся, надейся, и верь, и люби...*

Фотокартины Ольги Самородовой

Рахманиновское утро

Солнце над камышами

Старое кресло

По ту сторону окна

Мастер Василий Тихомиров

Шахматисты

Сергеев-Ценский в камне

Мария

Скоро весна

Косарь

Александра МИХАЙЛОВА

Дворяночка

Роман

Часть первая

Время только-только оставило позади черту миллениума – побежало третье тысячелетие новой эры. Приближались те дни, когда и он перейдёт через свой рубеж – рубеж столетия. Он дослуживал терпеливо, безучастно, без радужных надежд не только на возрождение, но хотя бы на то, что кто-то вспомнит о его юбилее. Он будто дремал – дом, ровесник и спутник XX века.

Бывшее владение дворян Нечаевых на одном из удалённых от центра переулков Тамбова было особняком во всех смыслах. Каменный, добротный, удобный для жизни. Но и не чуждый щегольства и изящества. Хотя изрядно обветшавший, он смотрел князем. Как аристократа узнаешь в рубище, так и дворец – в руинах. Вопреки городскому стилю, когда тротуар неприлично близко подступает к жилищам, чуть ли не заползая в комнаты и маня прохожих заглянуть внутрь, дом затаился в глубине улицы. Соседние деревянные дома, втрое моложе, будто бы почтительно расступались перед ним, давая прохожим через проулок полюбоваться старинной архитектурой. Горлышко, впрочем, получалось не длинным, дальше разворачивалась небольшая площадь, с которой даже самый простенький фотоаппарат мог охватить здание целиком. Между тем кусты сирени спорили с таким правом и частично, с левой стороны, прикрывали окна от любопытных взоров. Усадьбу, словно бы обнимавшую эти крепкие стены, на последнем издыхании защищал советской выделки металлический забор. К нему вровень с фасадом были приварены поржавевшие ворота.

Дом Нечаевых находился в южной части города, где старинные постройки встречались гораздо реже, чем в историческом центре, и потому не был обделён вниманием. Особенно он будоражил интерес окрестных жителей. Само собой, необычную обитель венком оплели легенды. Если бы они обрели зримый образ, особняк стал бы похож на замок спящей красавицы – сокрытый листвой и тернием. Романтики печально вздыхали здесь о красоте былого, не однажды из-

бирая памятник старины героем своих картин или стихов. А местные ребятишки пугали друг друга привидениями, которые – в их представлении – населяли жуткое место и выходили по ночам на поиски жертвы.

Память о дворянском роде Нечаевых почти стёрлась. Доподлинно было известно, что усадьба принадлежала барину Николаю Александровичу Нечаеву, что дом в губернском центре был выстроен в 1902 году при личном участии хозяина. Он после Октябрьской революции эмигрировал за границу, оставив семейное гнездо на попечение наёмников. Дальше след тѣзки последнего российского императора терялся...

Осиротевший дом вскоре после того национализировали и утрамбовали пролетариями. Так он стал «коммунальным» – общим, но на деле ничейным. Не моё – беречь не буду, в тайне даже от самого себя думал каждый жилец. Между тем при первой же возможности все поспешили оформить в собственность свои квадратные метры. Хотя это никак не отразилось на внешнем виде здания.

Впрочем, это только снаружи особняк казался задумчивым, унылым, позаброшенным. Внутри кипела жизнь – столь же необычная и противоречивая, как сама российская действительность нового рубежа веков.

* * *

Что за чудное времечко стояло тогда, когда завязался узелок этой истории, повлекшей разгадку вековых тайн и неслучайное скрещение судеб...

Просыпалась весна. Люди – многие из них – терпеть не могут межсезонье с его дождями, грязью, всплывающим мусором. Но каким же сладостным предвкушением проникается природа! Запах проступающей земли, музыка капли, лазурь небес – всё предвещает торжество жизни. Надежда и новые силы вливаются в каждое зерно, в каждый корешок, в каждое существо. Неуловимый ток вместе с ними принимают чуткие души.

Предчувствуя перемены, завсегда таи усадьбы – воробьи и синицы – стали щебетать оживлённее. Только из одолжения прилетали они к кормушке поклевать надоевшие за зиму чёрные семечки. В эту пору могло показаться, что даже обветшавший особняк с выщербленной кладкой и поржавевшими водосточками приободрился. В его стѣклах мерцали солнечные блики, и он принимал их участливо, словно бы дедушка играл в мяч с младенцем – вечно юным тёплым Солнышком.

Но – будто на полуслове замерло веселье. Прервал его резкий стук железной калитки. Фейерверком взметнулись птицы. Дом, да и вся усадьба замерли – в растерянности и ожидании.

По двору промелькнула миниатюрная фигурка с увесистым рюкзаком за плечами. Это была девчушка-подросток четырнадцати лет. Сосредоточенная, угрюмая, стремительная, она видимо сдерживала свою ярость, рассчитывая дать волю эмоциям дома. Особняк Нечаева был теперь ее домом.

При рождении эту девочку нарекли Клавдией – самым что ни есть популярным на закате советской эпохи именем, и по имени строилась вся её отрешённая жизнь. Клава делила кров со своими немолодыми уже родителями. Евге-

шины ютились в западном крыле старинного дома, где на семью приходилось две комнаты и кухня. Жили в бедности, но, как говорится, в ладу, деля между собой и радость, и горе, и даже, в какой-то мере, увлечения.

Но в тот час дисбаланса Клаве показалось лучшим вариантом то обстоятельство, что ни отца, ни матери не оказалось дома: не пришлось никому ничего объяснять. Истериические выходки не входили в репертуар юной особы. Её знали в округе как уравновешенную, мечтательную, добрую, даже чересчур спокойную и меланхоличную – словно самое начало весны. И вдруг – этот яростный вихрь...

Клава сбросила рюкзак с учебниками при входе и кинулась в свою комнату. Ах, эта уютная спальня – уголок уединения, где только и могла она утешиться. Обстановка, казалось, состояла сплошь из резких контрастов. Полинялые обои – и репродукции картин с роскошью русского золотого века. Обветшавшие покрывала, половики, шторы – и разряженные в бальные платья куклы на полке. Видавший виды кассетный приёмник на фоне учебников да потрёпанных томиков в книжном шкафу – и изящные расписные шкатулочки. Облезлая лампа – и строй металлических, керамических, деревянных подсвечников. Так своеобразно реальность смешивалась с мечтой.

А сколько пышных грёз и красивых снов приходило в этом убежище к молодой хозяйке... То представлялось, будто пёстрая весёлая толпа помещиков с жёнами и детьми облюбовала зелёную полянку в лесу. У почтенной компании наметился пикник. Белая скатерть взлетела и покорно легла на сочную траву. Пока деловитые господа обсуждали виды на урожай, дамы ставили рядом корзины со снедью и раскладывали угощение. Ребяшня в соломенных шляпках резвилась, играя в горелки. Молоденькие барышни кокетливо прятались от солнца под зонтиками, слушая небылицы из уст своих кавалеров. Над ними ясное небо, вокруг них – роща, невдалеке – озеро, по которому неторопливо, то ли нежась, то ли красуясь, проплывают лебеди. Другие пернатые украшают праздник щебетаньем, кузнечики – стрекотом, ветерок – шелестом. Или та же компания – в домашнем салоне, в имении одного из помещиков. Хрупкую барышню, брюнетку в белой кисее, упрасивают спеть. Она смущается публики и в то же время польщена вниманием. Она садится за рояль под ободряющие нестройные аплодисменты, открывает крышку, и её тонкие пальчики, словно ветерок – камыши, перебирают упругие сахарные клавиши. И наконец, звучит простой тонкий голосок, чуть подрагивающий от волнения. Или другая история. Цветущий сад дурманит ароматами. Бравый гусар в красном доломане, с саблей и шпорами качает молодую княжну на качелях. Та, очаровательно свежая и лёгкая в своём кремовом платьице, залиристо смеётся и веселит удалого вояку...

Увы, и на этот островок, как штормы, как пираты, врывались неприятности. Так случилось и в тот памятный день: на Клавино несчастье, а скорее наоборот, её мама забыла подобрать шнур от утюга, и он стелился по полу. Не заметив ловушки, и так раздосадованная Клава споткнулась и упала. Утюг, захватывая всё, что было рядом с ним на столе: тетради, книги, коробочки, стакан с ручками, – низринулса тоже. Причём вместе со всем скарбом, распахнувшись, как створка раковины, упала и настоящая драгоценность – дореволюционное издание легендарной книги Стивенсона.

– Что за день такой! Это невыносимо! Нельзя так с человеком... Нельзя...
– причитала Клава, то колотя пол от бессилия, то хватаясь за голову.

Клава никогда не была плаксой и не могла выжать из себя слезы даже сейчас. Но, похоже, чаша её терпения переполнилась. Её лихорадило. Память, словно услужливый официант, подносила одно за другим блюда с образами недавних событий. Смеющиеся лица одноклассников. И она – опять в своём амплуа Пьеро, несчастного героя балагана. О да, вчера на физкультуре чья-то подножка удалась: Евгешина растянулась в спортзале во весь свой незавидный рост. А сегодня... Не ожидала она такой подлости, такой жестокости даже от всегдашних своих мучителей. Выходя из класса после урока, она почувствовала: что-то тащится за ней по пятам. Обернувшись, увидела – страшную, мерзкую – крысу. Шалуны-мальчишки незаметно привязали её сзади к поясу, который подхватывал её любимую белую в синюю полоску блузочку. Придя в ужас, бедняжка бесполезно дёрнула верёвку, силась её разорвать. Крыса прыгала, как дрессированная.

В ту минуту было невдомёк просто расстегнуть пряжку. Гогот стоял умопомрачающий. Так продолжалось с минуту, пока, наконец, подоспевшая уборщица, бранясь на «жеребцов», не перерезала ножницами пыточный шлейф. Серое существо, а на самом деле – кошачья игрушка, осталось недвижно лежать на полу. Клава, стиснув зубы и сжав кулаки на лямках рюкзака, попросту направилась домой, хотя занятия ещё не кончились. Огрызаться она не смела – не хотелось лишний раз привлечь к себе внимание, да и недостойной казалась ей ответная агрессия. Чтобы не раздувать искры конфликта, она всегда молчала, всегда терпела унижения. Сверстники относились к её тактике презрительно, поэтому постоянно пытались вывести тихоню из равновесия. Иным это казалось забавным, иным удобно было лишний раз отыграться на ком-то за собственные неудачи. Вот и снова вслед, будто кнутом подгоняя, летели насмешки.

– Эй, барыня-сударыня! Ваше дворянское высочество! Прогуливать уроки – дурной тон, – приставив ладони ко рту на манер рупора, крикнул Ромка – кукловод и заправила. Коренастый и невысокий, он, тем не менее, был красавчиком. Он этим не пользовался, но знал себе цену. Насмехался мальчишка цинично, невозмутимым тоном и с каменной миной. Порой сложно было понять: то ли шутил, то ли говорил серьёзно. Он умел обернуть в издёвку даже истину, не используя при этом ни одного оскорбительного слова. И это ранило больше всего.

– Дураки! Всё из детства не выйдут, – закатив глаза, хмыкнула Алина – рыжеволосая веснушчатая девица. Она считалась первой леди класса: настолько ловко научилась использовать своё природное обаяние.

– Евгешина шуток не понимает – я же говорил, – присвистнул остролов и хохотун Димка, снискавший славу главного клоуна школы. В его облике, будто в тон роли, впрямь отразилось что-то нелепое: он был коротыш и дурнушка. Что, однако, не мешало ему быть душой компании на дискотеках и других подростковых сборищах.

И как приговор прозвучала фраза недалёкого увальня Васьки:

– Что вы, братцы, тут тонкие чувства – одно слово: Дворяночка!

Дворяночка. Это прозвище прочно закрепилось за Клавой – всегда ста-

рательной, воспитанной умницей. Но не из-за манер или происхождения, даже не из-за места проживания, а в пику её странному увлечению. Клавдия грезила дворянской культурой. Балы и поединки, поместья и дворцы, роскошные платья и кареты – ей с детства кружил голову этот красивый мир. Век девятнадцатый был опозитизирован, вызывал какое-то благоговение. Она то и дело рисовала барышень в кринолинах, зачитывалась романами о золотом столетии, воодушевлялась возвышенными идеями вслед за молодыми людьми из прошлого, любовалась традициями высшего света, коллекционировала старинные вещи. И мечтала – безо всякой надежды на осуществление – хоть когда-нибудь надеть на себя изысканный великосветский наряд и прогуляться по набережной под руку с благовоспитанным кавалером. А потом пройти в свой благоухающий сад, опуститься на кресло в беседке, где уже ждут самовар, баранки, разносортное варенье в вазочках, и, наконец, беззаботно пощебетать с друзьями о прекрасном.

Мать её, Татьяна Степановна, разделяла и подпитывала эти фантазии, отец, Андрей Юрьевич, снисходил к ним, лишь иногда подтрунивая: «Гм, девятнадцатый век? Непролазная грязь и антисанитария».

Когда-то давно Клава неосторожно поделилась с соседками по партам своим сокровенным и даже принесла куклу-мадемуазель, на которую шила пышные платья. Одноклассницы любовались, восхищались, но никто из них не пленился красотой былого. Тем более что через год-другой куклы стали не нужны подросткам. Свободное время занимали кружки или тренировки, долгие примерки перед зеркалом или вечерние прогулки – кто к чему пристрастился. Многие хорошисты скатились на тройки, и когда-то живой поток любознательности у большинства день за днём зарастал илом. А эта девочка по-прежнему училась прилежно. На досуге шила, читала и витала во времени. Незаметно для себя она даже приобрела некоторые благородные манеры. Её нельзя было увидеть небрежно одетой, или с поджатыми до подбородка ногами, или откровенно зевающей, или визжащей, как свисток городского. Ум она занимала размышлениями над прочитанным или увиденным. От сверстников же отгородилась высоким забором – ей были неприятны их, как ей казалось, пустопорожние разговоры, их развязное «современное» поведение. Мало-помалу она нашла себе недоброжелателей, вернее – нашли её. Клаву стало принято считать старомодной, заумной, унылой и вообще недотёпой. Утверждалось это столь напористо, что она и сама поверила в свою никчёмность. И спряталась за вековыми стенами дома.

Что ей могли дать тени прошлого? Пожалуй, ничего, кроме... счастья. Хотя бы искусственно созданного. Клаве было хорошо среди подсвечников, шкатулок, картин – да любых мелких вещиц, напоминавших старину, которых у неё накопилось великое множество. Мало кто мог даже представить, какие сказочные миры играючи порождала её фантазия. Да и могло ли быть иначе с тонко настроенной натурой, когда сами старые стены навевали грёзы о романтике прошлого?

Однажды на уроке истории девочка пошла ва-банк, выступив с докладом о дворянском сословии в России. Конечно, сверстники, враждебно настроенные к обособившейся умнице, только высмеяли её. Долг, верность, честь, целомудрие – все эти ценности были цинично прокомментированы тройкой смутьянов под залихватский хохот подпевал. Пожалуй, именно в тот раз она и получила свое про-«звание».

* * *

Дрожащими руками Клава расстегнула пояс и, почти сорвав его с себя, безжалостно бросила в угол. Не находя поддержки, подняла глаза на литографию с коронацией Николая II:

– И Вы, Ваше Величество, гонения претерпели. Какой силой смогли Вы вынести эти удары? Если б я только могла, заслонила бы Вас собой.

Неизвестно, как долго Клава продолжала бы стенать, если бы не встревожил странный едва уловимый запах. Похоже, где-то горела пластмасса.

Клава проверила свои комнаты. Всё оставалось в порядке. Чего не сказать об апартаментах безбашенных соседей, от которых можно было всего ожидать. С трудом просунув голову в форточку, Клава увидела: дым действительно тянется от них. Восточная треть дома принадлежала отцу и сыну Завьяловым – людям опустившимся и, по меткому определению местных бабушек, оброшенным. Старший пил с горя после смерти жены и развала Союза, с которым он безраздельно связывал свои надежды на светлое коммунистическое будущее. Младший, как ни странно, – из любви к красивой жизни, которая в его представлении складывалась из безделья и кутежей.

Клава настойчиво постучалась к соседям. Ответа не последовало. Она рванула дверь – и отпрянула.словно из ведра, окатил смрадный дым, заставив побледнеть от ужаса. Но она не растерялась. Смочила полотенце, прижала его к носу, как учили в школе, и безрассудно бросилась в неизвестность. Открытого огня нигде не виднелось, значит, что-то тлело. В плотном едком облаке глаза страшно щипали и слезились, лёгкие просили хоть глотка воздуха, в горле першило. В голове стучало: не отступать, не отступать! Добравшись до ближайшего окна с открытой форточкой, Клава распахнула створку рамы, тяжело отдышалась и осмотрелась в поисках невидимого врага. В глаза бросился силуэт лежавшего на диване Рэма, наверняка пьяного в стельку. Рядом дымился клубок проводов. Клава, решительно схватив их полотенцем, выбросила за окошко. Сложнее оказалось растолкать беспечного хозяина, который уже успел получить изрядную порцию ядовитых выбросов. Напрягая все силы, девчушка стащила-таки его на пол. От удара тот очнулся и сильно закашлялся.

– Пойдём скорее на улицу, – прерывисто прокричала Клава. – Пожар!

Рэм неопределённо кивнул и, жадно лова воздух и кашляя, пополз к выходу. На пороге он потерял сознание. Так и застыл в позе распластанной лягушки.

* * *

Младшего Завьялова увезли на скорой. Если б не открытая форточка и не рвотный рефлекс, быть бы ему уже в гробу. Медики спешили: жизнь едва держалась в тщедушном теле гуляки.

Клава решила ещё раз проверить: не притаилась ли где опасность. Лишённый источника, дым быстро рассеивался на сквозняке. В редющей пелене медленно проступала неприглядная картина быта алкоголика. Продавленный диван, кособокие стулья, ворох тряпья в дальнем углу, скопище пустых бутылок под столом, а на нём – оплесневевшие консервные банки, стены в полинялых грязных

обоях. Между оконных рам образовалось кладбище засохших ос, бабочек, мух. Только выступ печи в изразцах, хотя и запачканных, – только он и был украшением безобразной комнаты.

Изразцами Клава залюбовалась. По нежно-голубому, в тон небес, фону ложился белый орнамент в виде мягких линий и завитков, а под самым потолком белела фигура единорога с крыльями. Этот чудный образ, в котором неизвестный художник совместил двух мифических существ – единорога и Пегаса, – Клава видела впервые. Сколько помнила, раньше она к Завьяловым не заходила: было страшно и противно.

Матери она решила не говорить о происшествии. Татьяна Степановна, человек чувствительный и ранимый, была не в ладах со здоровьем. Настолько, что не могла работать. Малейший стресс или усилие могли взметнуть её давление до опасных высот. Немошь часто укладывала её в постель, а домашние хлопоты мало-помалу переходили к взрослеющей дочери.

Между тем мудрую женщину оказалось непросто провести. Едва она переступила порог дома, новоявленный запах выдал ей тайну.

– Что здесь случилось? – тревожно спросила хозяйка, оглядываясь.

– Да ничего, – пожала плечами дочь. – Ты у тёти Нади с дядей Митей была?

– Была. Тёте Наде операцию прочат на днях. Если всё состоится, я буду у её койки дежурить. Но чем это пахнет? Не горит ли что?

– Нет-нет, уже всё в порядке. Ладно, всё равно узнаешь: Рюмашка баловался – и добаловался. В больницу увезли.

– Спаси и сохрани! – перекрестилась мать. – Ох, доведёт это баловство до греха. Попались нам соседи. Каждый день как на пороховой бочке, авось пронесёт.

– Ой, вспомнила, – давясь смехом, перебила Клава. – Он раскорячился на полу, ноги колесом, руки вверх. Тут дело серьёзное, а меня хохотун задушил. Еле до тёти Гали добралась, чтоб она скорую помощь вызвала.

– Правда, почему-то иной раз выходит: у человека напасть, а тебя как разбирает. У меня тоже был случай: твоя бабушка поскользнулась, полетела вверх тор-машками, шапка – в сторону, сумка – в другую. Мне бы посочувствовать, а я – смеяться, – и Татьяна Степановна зашлась, как в тот самый день. – До того несуразная картина. И ведь понимаю, что грех, что неприлично, да остановиться не могу.

– Ты хоть помогла ей встать-то?

– Конечно. Как же иначе? Ладно ещё, всё обошлось, – Татьяна Степановна смахнула слёзы, перевела дух и принялась за своё: – Эх, уйти-то нам некуда. И продать наши клетушки некому. Никто не захочет купить краюшек старого дома, а коль и захочет, то недорого даст. Эх, лучше иметь землянку, да свою. Так моя бабушка говорила.

– Мамочка, перестань. Мы в сказочном месте живём – в дворянской усадьбе. Мало кому выпал такой счастливый билет. Пусть где-то строятся богатые коттеджи, но они новые, а наш дом – с историей.

– Добрая душа, во всём ты видишь позитив, так оно и надо – жизнерадостнее будешь, – ласково улыбнулась Татьяна Степановна, и тревогу как рукой сняло.

– Хорошо прежним хозяевам жилось в этом чудном уголке, – повернула в излюбленное русло Клава. – В старину у дворян жизнь была, как в раю. Они красиво одевались, читали лучшие книги, знали языки, писали картины, танцевали на балах. Они учтиво общались и превыше всего берегли честь. Как жаль, как же жаль, что это всё утрачено!

– Да, за века аристократы выковали изящные традиции, – поддержала мать. – Но не всё шло столь гладко, как тебе представляется. На долю каждого в этом мире приходится чаша слёз. Богатые тоже плакали. А наши тем паче наплакались, когда в семнадцатом году по стране прокатилась революция. Она смяла все цветы жизни. Царя свергли. Уклад порушили. Неразбериха пошла страшная. Развязалась гражданская война между господами и народом, вернее, простолюдинами. Думаю, неправильно называть народом одних лишь тех, кто считался низкого происхождения. Народ – это все, от босяков до элиты. Те, кто народились. А когда все разобщаются, являются белые, красные, зелёные... Вроде все они были за Родину, а получается, что терзали её, споря о путях развития.

– Белые – это царские офицеры, стоявшие за старый свет. Красные – сторонники коммунизма и перемен. А ещё и зелёные были? Кто они такие и за что боролись?

– Эти – крестьяне, что-то вроде партизан, они своё хозяйство защищали ото всех подряд. Власть, известно, взяли красные – большевики. Раскрутили перемены по полной. С ними пошли пролетарии – городские рабочие, да потом крестьянская беднота. Они поверили в силу революции, в светлое будущее. Правда, массы жили ещё по накатанной. В городах-то терялись в догадках: что происходит? О глубинке и говорить нечего. Зато, улучив момент, восстали озлобленные и алчущие. Из мести, из презрения они погнали дворян, священников, кулаков – всех, кого называли «бывшими», кого считали зажиточными. С людьми, с их имуществом обходились варварски. Не все, конечно, были и разумные. Время показало каждого суть. Но многие, ох, многие сгнули в жерновах истории, многие подались в эмиграцию.

– А что такое эмиграция?

– Помнишь, как Ильич сказал: «Барин драпанул за границу»? Это и есть эмиграция – выезд за пределы Родины, будь то по желанию или обстоятельствам. Но, как правило, насовсем. Рассеялись русские по странам. Иначе бы многих из них расстреляли, как моего прадедушку священника Петра. Царствие ему Небесное!

– Может, для них, для Нечаевых, всё обошлось бы?

– Вряд ли. Их на Родине признали классовыми врагами. И всю их культуру. Мне пришлось в своё время поплатиться местом учительницы. Два выговора за чтение эмигрантской литературы. Один раз с Сумбатовым попалась, другой со Шмелёвым. По рукам их книги кочевали, приходилось читать ночами, на переменах урывками.

– Ох уж эти большевики! Нет бы народ поднять до аристократизма, дать простым людям блестящее образование, привить благородные манеры. Они сравняли всех по-другому – опустили культуру до массовой.

– По-толстовски вышло. Опрошение. Впрочем, в первое время пытались

открыть пути к искусству. Насколько я знаю по книгам. Но то была утопическая идея. Нельзя в одночасье сделаться из пахаря живописцем.

– А если у него дар?

– Ну, так и малюй лубочные картинки. А чтоб постичь тонкости мастерства – долго учиться надо.

– Тогда человеку должны быть открыты пути в любую школу.

– Тут, пожалуй, соглашусь. Негоже зажимать талант в рамках условностей. Да... Революция – примерная нам взбучка была. Урок дала хороший. Нашему правительству надо прислушиваться к народу. Народ мыслит гениями и поколениями. А народу лучше сплываться вокруг главы государства, как пчелы вокруг матки, помогать правительству, а не мешать ему.

– Даже если оно неправо?!

– Да под стать ли нам судить, право или неправо? Мы знать не знаем, какие там подковёрные интриги, какие закулисные тайны и особые обстоятельства. Может, правитель выбирает меньшее из зол? Может, нам только кажется, что его решение неразумно? Верно подмечено: один видит ведро наполовину полным, другой – наполовину пустым. Но если не по-нашему, мы сразу начинаем пузыриться. Как наверху трудно, мало кто задумывается. Тяжела ведь шапка Мономаха, а корона Российской Империи ещё тяжелее. Проблем всегда невпроворот. И идеального порядка никогда не будет. Даже в хозяйстве так: то труба порвалась, то кран потёк. А на всё одни руки и один кошелёк... Впрочем, и на старуху бывает проруха. Разные ситуации. Случается, что не всё можно одобрять, не со всем соглашаться. Гонения, например, неприемлемы. Но это уж совсем крайность...

Ловко отведя маму от излишних волнений, Клавдия не перестала тревожиться сама. О чуть не разошедшемся пожаре она с порога рассказала отцу, потому что вопрос был серьёзный. Андрей Юрьевич, против ожидания, не только не омрачился, но даже рассмеялся и залихватски хлопнул в ладоши:

– Вот ведь настоящая русская женщина. Как там: коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт! Даром что дочка пожарного. Умница! Хвалю! Тебе бы к нам в бригаду. Я бы похлопотал: уважьте, мол, инвалида.

– Ты не инвалид, ты – герой.

– Герой – в голове с дырой. Прежде чем геройствовать, подумать надо: сдюжишь ли.

– Если прежде думать, то это будет уже не геройство.

– Да. Это будет стратегия и тактика.

– Пап, шутить не время: дело керосином пахнет.

– Твоя правда, Золушка. Надо переговорить с Рэм Батьковичем, – и к случаю пропел любимую детскую потешку:

– Тра-та-та, тра-та-та,

Вышла Кошка за Кота,

За Кота Котовича,

За Рэма Серьговича.

Андрей Юрьевич потрепал дочку за щёчку и как ни в чем не бывало направился к дому. Клава посмотрела ему вслед. Не грузный, а какой-то рыхлый, он

обычным манером прихрамывал. Непослушные выцветше-русые волосы топорщились во все стороны. Ношенный-переносенный свитер обвисал по бокам. Вид у отца был непредставительный. Не думал он о себе. Почему-то стало его жалко. Его беспечность, однако, не утешила. Утешило другое – его милое обращение «Золушка». Оно всегда умиляло и обезоруживало Клавдию. Отец говорил, что это прозвище ошибочно связывают со словом «зола», надо изводить его из слова «золото». Золотая девушка. А ещё – у сказочной принцессы счастливая судьба, какой он желал бы своей любимой доченьке.

* * *

После всех треволнений Клава вошла в свою комнату уставшая и опустошённая, словно тюки на себе носила. И тут увидела давешнее: разбросанные ручки, книжки, пуговицы и прочую мелочь. Она кинулась их собирать, пока мама не увидела и не начала задавать вопросов, честный ответ на которые мог её разволновать. Взяв в руки старинный том «Treasure Island», девочка, как обычно, задумалась.

Когда-то давно роман Стивенсона преподнёс ей сосед Сергей Ильич – старший Завьялов. Откуда у него взялась такая книга? Почтенный коммунист предполагал, что осталась от жены-библиотекаря. А отдавал потому, что Клава учила английский язык и могла хоть что-нибудь разобрать в этих строчках. Дядя Серёжа сильно преувеличивал школьную практику, но от подарка Клава не отказалась. Впрочем, посчитать сюрприз подарком она поспешила. Старик, прищурился, заканючил:

– Ты это... Миленькая, одолжи там у мамы червонец... До пенсии.

Делать нечего – одолжила. Нельзя было упускать старинный фолиант. В её комнате, походившей на музей, он смотрелся, как скрипичный ключ в нотном стане. А что было до этого? Какой путь преодолела книга? Кто касался её страниц? С каким настроением читал? Вероятно, владельцем был некто Владимир, чей выцветший фиолетовый вензель красовался на титульном листе. На форзаце бледнела надпись, сделанная каллиграфическим почерком: «The key to the secret».

– Ключ к тайне, – машинально перевела девочка. – Что за странные причуды?

Положила «Остров сокровищ» на стол и вяло опустилась на пол, чтобы дособирать рассыпанные вещи.

Она вдруг вспомнила: в некоторых местах также чернилами были выделены буквы – кружочками, квадратами, чертами, точками и другими геометрическими фигурами.

– Может, это секретная запись? – ещё тогда пришла мысль, но проверить её руки не доходили.

Школьница занялась уроками. Но то и дело задумывалась, при этом бессознательно покусывая ногти – это была дрянная привычка, от которой не доставало сил избавиться. Тайнопись не давала покоя. Много раз Клава её видела, и ни разу не возникало такого непреодолимого желания проникнуть в шифровку. Теперь же ничто не шло на ум, кроме неё. И, позабыв о своих неприятностях, об

уроках, даже о еде, Клава с азартом принялась за разбор загадочного послания. Наверняка, подсказывала интуиция, оно было изложено замысловато. Но решено было пойти сначала простым путем – выписать символы по порядку и сложить соответственно обозначениям – кружки к кружкам, квадраты к квадратам.

Записывая все начертания подряд, Клава и не подозревала, что неуклонно приближалась к разгадке. Впрочем, та поддавалась не сразу. Под четырьмя квадратами, тремя кругами и пятью чёрточками она составила три слова на латинице: *hsan mod sager*.

– Сумбур какой-то. Или нет. Эти буквы не случайны. Здесь ещё какая-то загвоздка. Какая? Какая?

Татьяна Степановна едва не за уши оттянула дочь от занятий, чтобы та поужинала. Уступив, Клава села за стол, но мысли её витали над книгой:

– Хсан мод сагеп. Что это может значить? Хсан мод. Мод, мод, мод. Дом мод. Стоп. Мод – прочитать справа налево – это дом. Тогда хсан – нахс. Бред. Не то.

Вернувшись в комнату, Клава решила удостовериться в своей неправоте, но на латинице вышло: «*nash dom pegas*».

– Странный набор слов, – Клава недоумённо моргала несколько минут, и, наконец, её осенило: – Пегас! Пегас – это же мифический крылатый конь. А у Завьяловых на печи – крылатый единорог.

Похоже, «Остров сокровищ» действительно был не просто книгой, а ключом. И говорящее название, и надпись на форзаце, и ориентиры – всё вкуче представляет собой словесную схему, наверняка ведущую к какому-нибудь тайнику.

– Потрясающе! – ликовала Клава. – И никто за столько лет не догадался сложить четыре, три плюс пять?

Не один час пришлось просидеть над бумагой, пока, наконец, буквы сложились в слова, а слова – в текст: «Наш дом. Пегас. Зола. Цоколь. Смотри на юг. Дверь. Одинокая опора. Перекрестье восемь шесть два и два. Нажим. Тайна».

– Конечно! – встрепенулась Клава. – Пегас и зола – это печь. Дальше – цоколь. Надо искать тайник в подполье. А принадлежит то, что спрятано, судя по всему, владельцу книги. Но кто такой был этот Владимир?

Незаметно подкрался вечер. Усталость давала о себе знать. Слишком много переживаний пришлось на один день...

– Завтра наверняка пятёрку получишь, – сказала, заглянув в комнату, Татьяна Степановна. – Или у вас контрольная?

– Нет, – вяло отозвалась дочь.

– Как бы там ни было, птичка пропела: фьють-пирю, спать пора.

– Быстро время бежит, – вздохнула Клава. – Ну да утро вечера мудренее.

* * *

Дребезжащий звон, как варвар, вторгся в царство тишины. Вздвогнув всем телом, Клава открыла глаза. Она лежала на своей кровати, а секунду назад была уверена, что кралась по коридору лабиринта за кладом. Как же досадно возвращаться в реальность, где нет таких ярких приключений! Вернее, есть, но

редко когда они сами приходят к тому, кто робок, неповоротлив и не скор на подъём. Человек во многом строит жизнь своими руками, и надо прикладывать усилия, чтобы нашлось место всему, о чём мечтается, или получилось хотя бы приблизиться к своей цели.

Единорог-Пегас... Точка отсчёта. Он словно унёс девочку на крыльях вдохновения. На уроках она сидела рассеянная, как сова, разбуженная днём.

Отправиться на поиски или подождать? Страх прикосновения к чужой тайне останавливал, но и любопытство, и жажда приключений не сдавали своих позиций. Какая это, оказывается, пытка – возможность выбора. И какая ответственность – принятие решения. Клавдия колебалась.

Она едва ли заметила, что во время большой перемены на доске появился шарж. Это была барышня с жеманной миной, корсет перетягивал её талию настолько, что выдавливал бюст, а юбка маскировалась под форму сердечка. Надпись рядом гласила: «Дама, приятная во всех отношениях». В чьи ворота целились, сомневаться никому не приходилось. Но на сей раз снаряд пролетел мимо. Евгешина, как обычно, прошла с опущенными глазами и села на своё место – за последнюю парту. Прозвенел звонок, и дежурным пришлось стереть неприличный рисунок.

После уроков Клава задержалась в школьной библиотеке. Девятиклассники получили на дом задание по литературе – написать сочинение о любимой книге русского автора. Многие отреагировали раздосадованным стоном. Клава, пожалуй, разделяла это настроение: совсем не на руку ей были теперь лишние хлопоты. Но по привычке всё исполнять сразу, и в первую очередь самое сложное, принялась за дело в тот же день. Только выбор перед ней стоял непростой. «Капитанская дочка»? «Маскарад»? «Герой нашего времени»? «Юнкера»? «Олеся»? Эти тексты она читала с упоением. Может быть, «Тамбовская казначейша»?

«Аргумент «за» – краеведческая тематика, – размышляла Клава. – Правда, Лермонтов считал, что жизнь в провинциальном городке была скучная. Кому скучная, а кому спокойная. Нам бы сейчас такую размеренность. Сколько можно было бы для себя открыть. Читать книги, общаться с соседями, гулять, рукодельничать, путешествовать, переписываться с дальними друзьями, музицировать, посещать концерты, писать стихи и картины. При желании найти более серьёзное дело. Некоторые не ценили этой возможности. «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Ну и не прислуживайся, трудись открыто и честно. Только, пожалуй, за гроши». Почему-то остроты автора казались ей не совсем справедливыми, и тут можно было порассуждать. И она остановилась на знаменитом произведении А.С. Грибоедова.

К скупым строчкам из энциклопедии требовалось какое-то живое дополнение. Клава шла домой, обдумывая подходы к интерпретации текста. Вдруг подлетели два мальчишки лет по десяти и сорвали с неё шейный платок.

– А ну верните! – притопнула Клава.

– А ты догони! – помаячил платком один.

– Дворянка – обезьянка, – показал язык другой. – Покажи-ка, на что способна.

Делать нечего – Клава кинулась вдогонку. Мальчишки начали перебрасы-

ваться добычей. За их скоростью и ловкостью было не поспеть. Наконец, газовый платок оказался на ветке, и довольно высоко.

– Ну, макака, полезай на дерево, – и задиры захохотали.

– Ничё се, наших бьют, – слышалось рядом.

– А ну проваливай, мелюзга пузатая, – заорал Димка Хохмач.

– Сам мелюзга.

– Щас ты у меня получишь. Узнаешь, как старших задирать.

Рассвирепев, Димка погнался за шалунами. Те порядком трухнули и кинулись врассыпную. Васька тем временем спрыгнул на землю с платком в руках.

– Держи, – протянул Клаве.

– Вот так вот, – панибратски хлопнул её по плечу Димка. – Никому не давай спуску. Могла бы залепить им затрещину, чтоб неповадно было. Бьют – борись. Страшно, больно – всё равно борись. А ты бегаешь, как несчастная собачонка. Пошли, Васян.

«Что это было?» – растерялась Клава. Её защитили её же гонители. Или то опять насмешка? Хлопок-то по плечу был жестом пренебрежительным. «Опять плюнули в душу», – огорченно вздохнула Клава.

Дома она машинально взяла пяльцы и села на привычное место к окну. Оставался всего небольшой уголок, чтобы появилась идиллическая картина с барышней за роялем. За механической работой Клава пыталась обдумать сочинение. Оказалось, очень вовремя его задали: нужда заставляла отвлечься от неприятных мыслей. В отсутствие родителей и соседей стояла тишина, и это была самая благоприятная среда для творчества. Мысли кружились параллельно друг другу, наслаивались, теснились, гомонили.

– Красные, девять крестиков, – отделяла Клава нитки и вставляла их в иглу, в то же время проговаривая про себя: – «Горе от ума». В этом названии какая-то закавыка. Вроде бы Грибоедов подводит к тому, что Чацкий семи пядей во лбу. У Чацкого благородное сердце и высокие идеалы, но он не может миролюбиво применить их в жизни, лезет на рожон. Да и в жизни он не сделал ничего. Прислуживаться, видите ли, тошно. Вот ему и горе. Да и кому из героев не горе? Молчалин, например, неглуп. Чтобы находить собственную выгоду, тоже нужно мозгами шевелить. Плохо, что руководит его действиями алчность. Фамусов. У него свои интересы. Он притёрся к обществу и выбился в уважаемые люди. Он удерживает своё положение, для чего необходимо умение, такт. Отчего окружение всегда навязывает свои правила? В итоге все несчастны, даже невинная Софья. Что вообще лучше – быть умным и скорбеть или быть простачком, зато счастливым? Нет, это как-то категорично. Думается, надо использовать ум, чтобы поступательно строить счастье. Не гнаться за несбыточными мечтами. Не задевать других людей, которые ищут своё место под солнцем. Пожалуй, лучше так, – а где-то на задворках сознания бежало: – Смотреть на юг. Чтобы определить стороны света, надо встать в полдень лицом к солнцу, тогда позади будет север, впереди – юг. Кажется, так. Но теперь небо затянуто тучами.

Наконец, измучившись, она вышла прогуляться по родному, вдоль и поперёк изученному двору. Это, несмотря на соседство двух семей, было её владение

с пришедшим в упадок дворцом и заросшим садом. Недаром говорят: человек – царь природы. Вот и Клавдия чувствовала себя здесь принцессой. Маленький неприметный уголок населяло множество подданных, требующих заботы и внимания: кошки с окрестных домов и птицы, деревья и цветы, муравьи и бабочки. Владычица правила достойно, обеспечивая им благополучие, а те служили ей всеми своими дарами: красотой, лаской, песнями, беззаботным весельем. Любуясь ими, можно было получить ещё один лепесток от всемирного букета счастья. Но теперь Клава только мимоходом замечала, что зазеленела травка и на деревьях появилась вуалька, что набирали цвет тюльпаны и пушились первые одуванчики, что на грядках кучерявилась влажная земля, а воздух проникся свежим запахом весны. Волей-неволей приятно оживлялась душа, будто в неё вливался эликсир молодости. А разум занимался задачей, настоятельно требующей решения: быть или не быть?

Под окнами дяди Серёжи Клава наткнулась на обгоревшие провода. Не было бы счастья, да несчастье помогло – только теперь Клава поняла смысл этой поговорки. И вдруг в памяти будто сдвинулся какой-то рычаг: старик сетовал, что в его окна не заглядывает солнце, а только печальная полярная звезда. Клаве в один миг представилась комната Рэма и там, на изразцах, крылатый единорог, вставший на дыбы. Значит, стены старинного дома были ориентированы по сторонам света, и фасад выходил на север.

– Как же я сразу не догадалась! – стукнула себя по лбу Клава – и кинулась назад, домой. Дрожа от нетерпения, ещё раз сверилась с наводкой из «Острова сокровищ», захватила с собой фонарь и отправилась на поиски клада.

Одряхлевшая покоробившаяся дверь из тяжёлых досок, что вела в подполье, как всегда, с трудом подалась наружу. Закрывать её за собой Клава поостереглась: мало ли какие ловушки явятся, или призраки прошлого, или – того хуже – мерзкие голохвостые крысы. Едва она оказалась на верхней ступеньке скрипучей лестницы, полумрак и затхлый запах – признаки закрытых мест – навеяли грустные мысли. Было не по себе, словно она спускалась не в подвал, а в склеп, где похоронено прошлое. Дыхание стало прерывистым, и комок подкатил к горлу. Усилился суеверный страх. Клава знала, что это глупости, но трепет охватывал против воли. Включив фонарик, она даже судорожно перекрестилась. Ещё раз нервно вздохнув, приободрилась и шагнула к своей цели.

Здесь был целый подвальный этаж, аккуратно выложенный красным кирпичом. Шесть столбов поднимались к потолку и плавно растекались в сводах. Судя по местоположению уцелевшей печи, идти предстояло через всё подпольное пространство. Передвигаться миниатюрная девчушка могла в полный рост. Она шла мерно, прислушиваясь к каждому звуку. Шорохи возникали нечасто, но казалось, будто это шевелились банки с домашней консервацией и убранные сюда за ненадобностью вещи, недовольные тем, что потревожили их покой. Воображение заставляло настораживаться, преувеличивая градус опасности. Сердце билось оглушительно громко.

Добравшись, наконец, до крайней опоры под соседской комнатой, Клава торопливо сглотнула и осмотрелась. Эта половина подвала не видела уборки со

времен ухода хозяйки. Супруга дяди Серёжи умерла лет восемь назад. С отсутствием женской руки забытое пространство постепенно захватывал хаос. Теперь с потолка свисали гирлянды пыльной паутины, продушины и крошечные оконца во двор с расколотыми стёклами были забиты тряпками. Здесь царствовали тьма и влажность, словно в пещере. «Прямо как в приключенческих историях», – мелькнуло в мыслях у нечаянной гостьи. Шесть кирпичных стражей стояли невозмутимо. Безмолвные пауки – и те не могли сопереживать тому моменту, когда откроется тайна: есть ли клад, нет ли?

По подсчётам выходило, тайник находился в той части, куда Клава ни за какие коврижки не ступила бы прежде. В это тёмное, душное, внушающее ужас помещение вёл узкий проход. Девочка робко заглянула внутрь и обшарила все углы фонариком. Кроме песка, паутины и обрывков ветоши, разбросанных по полу, ничего здесь не было. Только один-единственный столб в центре составлял всю обстановку подпольной каморки. Он поддерживал пол как раз самой светлой комнаты дома – когда-то носившей изысканное звание оранжереи.

Клава провела рукой по шероховатой поверхности опоры, как иногда, в минуты задумчивости, делала снаружи во дворе. Ей нравилось прикасаться к старинным стенам своего дома – это питало душу, навевало мечтательное настроение и грёзы о прекрасном прошлом. Наверняка когда-то в гостиной звучала музыка, и звонкий голос хозяйки украшал собой фортепианные аккорды. Её муж читал утреннюю газету. Потом к ним приходили гости: мило щебечущие дамы и строгие подтянутые господа. И оживлённая компания отправлялась в беседку, к самовару. Тянулись обсуждения и споры об искусстве, моде, даже о политике. А отсюда, из полутёмных недр, слуги только успевали доставлять яства. Возможно, не минуя те времена, среди горничных и стряпух обреталась бы и Клавдия. При этой мысли её бросало в дрожь. Поэтому она соглашалась с доводами отца: каким бы поэтичным ни представлялось минувшее, настоящее давало свои преимущества – свободу личности и открытые пути к любому делу. Не титул и не родовитость теперь определяли судьбу человека, а мера его таланта и целеустремлённости. Впрочем, роль связей по-прежнему была велика...

Между тем наступала минута, когда настоящему Клавы и всей усадьбы Нечаевых предстояло встретиться с прошлым и даже более того – с будущим. Все три измерения времени словно сплелись в клубке мгновений. Они были столь напряжёнными, что превратились во вневременье, в пик томительного ожидания. Клава так потом и не смогла вспомнить, сколько времени провела за поисками.

Как направляла логика, цифры, вероятно, означали количество кирпичей, которые следовало отсчитать от каждого края. Спёртого воздуха не хватало, чтобы насытиться. Но Клава не отступила. Пересчитав терракотовые прямоугольники, она вычислила то самое – без сомнения, то самое место. Оставалось только вытащить кирпичи.

Она с силой упёрлась большими пальцами в верхний. Можно было не ожидать лёгкого успеха, но кирпич с лязгом подался внутрь, а потом, отпружинив, высунулся наружу. Извлечь нижний оказалось и того проще. У Клавы перехватило дыхание, кровь бросилась в лицо: цепочка слов не была пустой забавой, а вела к кладу!

В полости опоры обнаружился тайник, и в нём – кованный ларец размером с классический томик. Словно хрупкую драгоценность, Клава вынула его из тесной кельи и осветила фонарём. Шкатулка, покрытая пылью и тронутая ржавчиной, всё-таки радовала взор истинной благородной стариной. По периметру её украшало причудливое переплетение завитков, цветов, листочков, а посередине бежали простые пересекающиеся линии. Вся дрожа, как от великого потрясения, Клава не решалась пошевелиться, не то что открыть крышку.

Но медлить было нельзя. В любой момент от слёгшей тёти Нади могла вернуться мама, и она уж точно будет спрашивать, где задержалась да что делала. Клаве не хотелось так сразу обнародовать новость: надо прежде самой подробно обследовать содержимое. Поэтому предстояло другое дело не из простых – пронести находку незамеченной. Она снова замаскировала тайник и поспешила восвояси. Шкатулку, однако, взяла с собой: ещё раз пуститься в авантюру не хватило бы духу.

Как нарочно, на дороге встал всклокоченный, небрежно одетый Сергей Ильич. Будто подкарауливал. На самом деле он, после очередных весёлых посиделок у друзей, плёлся домой. Клава мигом сунула находку под куртку.

– Кла-а-вочка, – протянул сосед, вяло улыбаясь. – Как дела-а?

– Серединка на половинку, – поморщилась та.

– Ты Рэмку не видала? Куда-то запропастился...

– Как?! Вы разве не знаете? Его же в больницу забрали, отравился дымом. У вас чуть пожар не случился, потому что кое-кто сигарету не потушил. Вчера ещё.

– Правда? Вот шельмец! Да... Не привилось дураку воспитание. Из пионеров выгнали, в комсомольцы не приняли. Захотел жить не как все, власть поносил. И докатился до донышка. Чего не хватало? При социализме как хорошо было. Коллектив. Все сообща – ребята, девчонки. Все в равных условиях. А кто одеяло тянет на себя – тот презрен. Мы – сила. Мы – энергия.

– Коллектив, коллектив – угнетатель индивидуальности, – про себя съязвила Клава, согласившись тут с мнением Рэма.

– Мы, комсомольцы, целый парк за рекой насадили. Вон он какой теперь вырос, – продолжал сосед свою излюбленную тему. – Сейчас кого заставь лопату в землю воткнуть ради общего блага – дудки! Ни пальцем не пошевелят, если не своя выгода. Раньше сознательность была, страх партийный... Навредил государству – получи по справедливости. Ну, а так жизнь весёлая была. Путёвки на юг бесплатные давали, квартиры. Машину можно было заработать. У людей сердца горели. И звало вперёд общее желание – Родине послужить, общая идея – строительство коммунизма. Мы построили такую державу, перед которой трепетал весь мир. Мы открыли космос. Мы создали новую культуру. Коллектив – одно слово! В клубе собирались. Гармошка играла. Песни, танцы, воодушевление. Где всё это?! – отчаянно возопил, подняв кверху кулаки, Завьялов, и слезливо закончил: – Надо же было все разрушить...

– Может, чего-то в этой «прекрасной» системе не хватало? – вслух заметила школьница.

– Всё было гладко, всё было для мирной жизни и для человека труда.

– Так не бывает. Где-нибудь трещинка да притаилась. Значит, под этим гладким льдом крылось течение. Людям хотелось свободы.

– Вот и дорвались до неё, до свободы-то. А что она дала? Срам один, распутство. Как кобели с цепи сорвались – и кидаться на всякую дрянь, что по телевизору сбредут. Тьфу!

– Здесь вы, пожалуй, правы. Границы размылись, – ввернула Клава слова учителя-историка. – Но ведь много пришло и хорошего. Главное – можно открыто выражать своё мнение, читать любые книги, ходить куда захочется, а не куда принято или приказано.

– Нет коллектива – нет согласованности, – настаивал на своём старик. – Попомни моё слово.

– Да коллектив никуда и не делся, просто в нём все уважают личность и частные интересы, – опять к случаю пришились умозаключения педагога.

– Частное должно служить общему, – уже почти бессвязно бормотал дед зазубренные фразы. – А правительство к капитализму повернуло. Страну развалили – и давай казну по карманам рассовывать!

– Поговорили бы вы так при Сталине, – процедила, покачав головой, Клава и уже громче сказала: – Ни к чему спор, когда каждый остаётся при своём. Думаю, со временем всё устроится. Плохое приестся и уйдёт, а хорошее останется. Правда, дядь Серёж?.. Вы в состоянии дойти до постели?

Тот кивнул и побрёл своей дорогой, что-то бормоча. Клава перевела дыхание, осмотрелась: никаких изменений, и никакой мистики!

* * *

Татьяна Степановна вернулась домой, вся багровая и обессиленная.

– Mamочка, опять зашкаливает?

– Ничего, – махнула та рукой, – я таблетку выпила, сейчас отпустит. Там суп на плите, поужинай...

– Не волнуйся, я уж часа полтора как поела. Да я о себе позабочусь. А ты отдыхай. Операцию сделали?

– Слава Богу! Выходим больную.

– Это хорошо. А то что ж нам делать без тётки Нади – она у нас как радио. Все новости через неё доходят.

За уроками только и дум было, что о кладе. Не терпелось узнать, какой сюрприз в нём притаился. «Похоже на шкатулку с драгоценностями. В тайниках всегда прячут самое дорогое», – предполагала Клава. Впрочем, было не существенно, бриллианты там или побрякушки, главное – завидное приключение, заставившее волноваться и радоваться.

Мечты одолевали, но решиться открыть шкатулку поздним вечером, во владениях коварной темноты, Клава попросту боялась, как если бы в самом деле из красивой коробочки могло выпорхнуть привидение.

Полутру же весеннее солнце подзадорило. Да и Татьяне Степановне стало лучше. Хорошо к тому же, что было воскресенье – для Клавы день покоя и отрады во всех смыслах.

На душе играла музыка, и девочка тщательно наряжалась, словно ей предстояло войти в сказку. Лёгкое голубое платьице, белые туфельки, синий бантик в причёске-мальвинке превратили ее в настоящую барышню. Она спокойно относилась к своему внешнему виду, за пределами дома старалась не выделяться. Но

важные события имела обыкновение отмечать с некоторым церемониалом – это разнообразило и украшало блёклое повседневное бытие. Впрочем, поводы для щегольства выдавались довольно редко. Клава избегала внимания соседей с тех пор, как Рэм позапрошлым летом застиг её, одетую в длинную мамину юбку и с бумажным веером в руках. Тогда разгильдяй загоготал на весь двор, бесцеремонно показывая пальцем: «Что это за франтиха у нас завелась?» Конфуз отучил её примерять мечту на себя даже дома. И она перенесла фантазию на кукол. Для них получалось создавать роскошь даже при тощем кошельке.

Теперь же предстояло заглянуть в неизвестность. Момент ожидался неповторимый и торжественный! Такой, который, может, ещё не раз вспомнится.

Оставалось только уединиться: что бы ни обнаружилось в кладе, тайну должен узнать один человек. Лучше всего подходила старая беседка в глухом уголке усадьбы – полуразрушенная, с проржавленным каркасом, заросшая плющом, но такая романтическая, а главное – забытая людьми.

Как обычно, под ногами скрипнули половицы – так свою любимую гостью приветствовало ещё в детстве облюбованное ею местечко. Клава прижала палец к губам: «Тсс!», – словно подгнившие доски могли её послушаться. Она поставила на пенёк, который служил сиденьем, ларчик и, наконец, попыталась открыть. Крышка, по всему видно, долго не расставалась с основанием: они крепко обнимались, будто спаянные. Пришлось попрытеть, прежде чем они подались и разомкнулись.

Кто когда-нибудь стоял на пороге тайны, тот поймёт, как сладостен бывает миг её раскрытия. Кто победил в упорной борьбе, тот знает, как окрыляет триумф. Клавдия ликовала!

Содержимое клада между тем оказалось самым неожиданным. Первым нечаянная наследница взяла в руки обветшавший бархатный мешочек. В нем обнаружилось семь николаевских рублей. В крохотной жестяной коробочке уютился изящный серебряный перстень с овальным синим камнем. Под лоскутом льняной ткани прятался медный медальончик с образом святого князя Владимира. На дне покоилась открытка из знаменитой коллекции Елизаветы Бём, где был изображен задумавшийся кучерявый мальчик и надписана многозначительная фраза: «Изъ малаго выходитъ великое!» На оборотной стороне примостилась наклеенная вырезка из газеты или журнала. Клава прочитала старопечатный текст:

Сказки

Бывало, в сумеркахъ зимы,
Оставивъ на дворѣ салазки,
В тиши уютной полутьмы
Я слушалъ бабушкины сказки.
В них было все: Горынычъ-Змѣй,
Хвостомъ чешуйчатымъ гремящій,
И колдуны, и злой Кощей,
И красота Царевны Спящей.

Была в нихъ чистая любовь
И богатырскія потѣхи...
В нихъ проливалъ за правду кровь
Герой, закованный въ доспѣхи...
И каждый разъ добро и миръ,
Разсѣявъ сказочныя бѣды,
Жизнь обращали въ свѣтлый пиръ,
Надъ зломъ отпраздновавъ побѣды.
Пришла пора для дней иныхъ;
И, съ дѣтской вѣрой въ жизнь вступая,
Искалъ я подвиговъ святыхъ
Тамъ, гдѣ была вражда слѣпая.
Въ побѣду вѣруя надъ зломъ,
Я юнымъ духомъ не смирялся,
Подъ первымъ жизненнымъ ярмомъ
Сквозь слезы горю улыбался...
Но прозу будничнаго дня
Одѣли сумрачныя краски,
И я боюсь, - ужель меня
Обманутъ бабушкины сказки!..

П.П. Гайдебуровъ.

И рядом – та же фамилия, записанная от руки, а также дата – 19 октября 1901 г. Очевидно, то был автограф самого автора.

– Впервые вижу это стихотворение. Какое оно красивое, какое чудесное, – прошептала Клава.

Эти строки действительно тронули душу, до капелек слёз. Когда-то давно и её, дошколёнка Клаву, бабушка тешила сказками. Они сгладили тогдашние переживания из-за переезда. Марфа Вениаминовна оживотворяла всё вокруг. Вспомнилось, как однажды она подала переваренную лапшу. Распухшие полоски теста не вызывали аппетита, и внучка отодвинула тарелку. А бабушка сказала:

– Что ж ты не ешь? Лапшичка обидится.

У еды нет чувств – первоклашка уже понимала. Но вдруг ни в чем не повинное блюдо впрямь может обидеться? Как Федорина посуда, например. Девочка съела несколько ложек из вежливости. И будто мир настал.

«Так жаль, что сказка и реальность несовместимы», – подумалось теперь. В том, зачарованном мире царят идеалы красоты, героизма, преданности друзьям и возлюбленным. Но, с другой стороны, и там полно горечи, слёз, страха, а в жизни есть место проблескам счастья. Волшебство заменяют знания и труд. Иногда даже случаются чудеса. Тогда чем жизнь не сказка? Просто, как говаривала мама, её надо любить за то прекрасное, чем она может порадовать. Клава согласно кивнула этому умозаклучению и вернулась к шкатулке.

Под открыткой пряталась фотография. Очевидно, очень давно, назад тому лет сто, бежевато-коричневый снимок запечатлел троих – мужчину, женщину и мальчика. Миловидная барыня сидела на стуле, обращаясь к зрителю в

три четверти оборота. На её лице с большими выразительными глазами читалось спокойствие и добродушие. Аккуратная скромная причёска придавала тонким чертам серьёзность. Стройный стан охватывало белое платье с воланами, за которыми терялась жемчужная нитка. Дама ласково обнимала белокурого мальчика лет шести в матроске. А за ними обоими стоял джентльмен – хороший собой, обаятельный, благообразный. Его светлые глаза смотрели мягко, но с задоринкой. Волосы были напомажены и зачёсаны набок. К этому приятному лицу очень шли раздвоенные усы. Левая рука неизвестного лежала на плече красавицы. Судя по столь явному выражению нежности и заботы, перед Клавой была семья. Клава не знала, кто эти люди. Возникло лишь предположение: либо владельцы дома, либо их родственники, либо друзья.

Последней она взяла записку с грозным предупреждением: «Къ кладу не разрѣшаю прикасаться никому, иначе грабитель будетъ имѣть дѣло со мной! Владимірь».

Так это изначально был клад! Правда, набор его выглядел странным. Надѣжно спрятанные вещи не имели великой ценности – разве только прелесть тайны. Что их объединяло и что заставляло прятать – так и оставалось для Клавы загадкой.

Но пытливый ум настаивал найти ответы по новым обстоятельствам. Сама того не осознав, рядовая школьница в одночасье превратилась в страстную исследовательницу. Факты, вопросы, гипотезы, открытия – всё это стало её занимать не на шутку.

На помощников рассчитывать не приходилось: Клавдия обязалась хранить молчание. Значит, оставалось искать пути самостоятельно.

Припрятав шкатулку уже в своей комнате, за книгами, она принялась обдумывать версии: «У Нечаева совершенно точно были жена и ребёнок, это я давно знаю по рассказам бабушки. На фотографии, видимо, они и есть. Вот бы увидеть их портреты. Но где?» Ни к чему не придя, решила воззвать к опыту:

– Мама, скажи, где можно найти хоть какую-нибудь информацию об известных тамбовских семьях из прошлого?

– Пожалуй, начать с библиотеки.

– Ах, точно! Куда первым делом посоветует пойти филолог, – засмеялась дочь.

– Там наверняка есть книги по истории города. Потом можно поговорить с учёными. В музей обратиться, в архив. А тебе на что?

– Да так, интересно... Вот бы узнать о Нечаевых, ну, о тех, которые жили в нашем доме.

– Мысль хорошая. Я бы не прочь услышать их историю. Кстати, по телевизору часто показывают священника, отца Владислава. Он всегда рассказывает о древностях, о наших святых, об исторических событиях. Небось что знает...

– Будет, будет, мне же не дипломную работу писать.

Клава решила, в самом деле, начать с солидной библиотеки. В школе узнала, что самая крупная в городе – областная. Книгохранилище обещало найти информацию в любой сфере знаний, а для краеведения был предусмотрен специальный отдел.

Оказалось, видное четырехэтажное здание, настолько щедро усеянное

окнами, что казалось почти воздушным, было давно знакомо школьнице. Проезжая или проходя мимо, она всегда разглядывала библиотеку для взрослых и мечтала когда-нибудь заглянуть внутрь. Но не ожидала так скоро стать новобранцем в армии читателей.

В просторных залах всюду были люди: сидели, ходили, перелистывали каталоги и книги. Каждый знал, что делал и что искал. А девятиклассница чувствовала себя потерянной и беззащитной, как в лесу. В отделе краеведения, напротив, было пустынно и тихо. Набравшись смелости, Клава вошла и робко спросила литературу по истории дома дворян Нечаевых.

Хозяйка зала задумалась, но в помощи не отказала:

– Могу предложить энциклопедию и фотоальбом о тамбовской старине. Потом, может, наткнётесь на другие источники. Всё в наших руках. Реферат пишете?

– Нет, просто интересуюсь для себя.

С ближних полок дама вынула два увесистых фолианта и протянула их Клавдии. Та, устроившись у окна, жадно принялась за изучение книг.

Под фамилией Нечаев она впервые увидела портрет легенды: это, несомненно, был тот же человек, что и на тайной фотографии. Только в книге дворянин обращен к зрителю вполоборота и смотрит куда-то вдаль, прямо перед собой. «Значит, клад принадлежал кому-то из Нечаевых, там точно заснята их семья», – сообразила Клава. Рядом она прочитала несколько скупых строк: «Нечаев, Николай Александрович. Дворянин, коллежский асессор, архитектор, преподаватель, общественный деятель. Родился в 1870 г. в Тамбове. Окончил Тамбовскую мужскую гимназию и Императорскую академию художеств в Санкт-Петербурге. В Тамбовской губ. по проекту Н. построены Н-ская церковь в селе В., утраченная в 1930-е гг., и собственный дом на улице Т. (ныне С.). Преподавал изобразительные искусства в мужской и женской гимназиях губернского центра. В годы Первой мировой войны содействовал организации госпиталей и сбору пожертвований в пользу фронта. В 1918 г. эмигрировал за границу».

Альбом подавал материал совсем в другом ключе. Почти всю страницу занимала фотография их общего дома, а рядом гнездились крошечный комментарий: «Улица С-ская, д. 16. Бывший дом коллежского асессора Нечаева Николая Александровича. 1902 года постройки. Дом одноэтажный, выполнен из кирпича, на высоком фундаменте. Фасад разделён пилястрами на три части, на западной и восточной – по два прямоугольных окна, в центральной – три продолговатых окна с арочным завершением. Над центральной частью возвышается аттик. По периметру проходит карниз. В 1918 г. здание национализировано. В настоящее время – жилой дом».

Это было всё, что могла дать выжимка из справочников. Ни о личности Нечаева, ни о семье, ни о жизненных перипетиях не сказано ни слова. Однако ж начало было положено. Первый успех окрылил, зажёл глаза, подогрел исследовательский задор. Клава переписала тексты в тетрадь, уверив себя, что зацепилась за ниточку, которая сможет провести по лабиринту истории к главной цели.

– Спасибо, – сказала Клава, возвращая книги.

– Пригодилась литература? Вот и славно! Кстати, если есть желание, за-

держитесь ненадолго. У нас скоро будет открытие выставки «Святыни под спудом». Я мельком слышала, что в витринах выставлены какие-то вещи из дома Нечаева. Может быть, того самого...

– Правда? Тогда я обязательно посмотрю.

Клава так обрадовалась участию библиотекаря, что решила спросить ещё одно:

– Поясните мне, пожалуйста: что значит «под спудом»?

– Эти вещи долгое время хранились тайно. Вы знаете о том, что после революции 1917 года власти подвергли Церковь гонению?

– Да.

– Так вот. В те времена многие верующие прятали по домам чтимые иконы, богослужебную утварь, священные книги от богоборцев. Музеи тоже спасали церковные ценности. Теперь они возвращаются к людям, в храмы. И интерес к ним, надо сказать, немалый. Обязательно посмотрите!

В выставочном зале посетителей действительно было порядком. Одни в нетерпении знакомились с экспозицией, другие беседовали вполголоса. Среди пёстрого собрания мелькала чёрная ряса священника, шустро заправлявшего последней подготовкой. Его бодрый тенор слышался то в одном, то в другом, совершенно противоположном, углу.

Клава, вжав голову в плечи от смущения, переключилась на выставку. Среди удивительного разнообразия святынь: икон в чеканных ризах, старопечатных книг, богослужебных облачений, резных крестов – она искала нечто, принадлежавшее Николаю Александровичу. И наконец, в окружении благородной старины нашла почти родные реликвии. Первой был небольшой образ святителя Питирима, Тамбовского чудотворца. Икона датировалась началом XX века – временем, когда почитаемого пастыря прославили в лике святых, а хранилась она в фондах краеведческого музея. Второй оказалась книга конца XIX века «Воспоминания Иерусалимского паломника» из собрания священника Владислава Делицына.

– Дорогие гости, прошу внимания, – возвысила голос миловидная женщина в броской бижутерии с малахитами. – Сегодня мы открываем выставку «Святыни под спудом». Для нас это возможность прикоснуться к великому, незаслуженно обойденному вниманием пласту культуры – Православию. Это своеобразный акт почтения подвига наших бабушек и дедушек, сохранивших бесценное наследие прежних эпох...

Официальные речи Клава слушала рассеянно. Взволнованная своими открытиями, она только и думала о дальнейших действиях: надо обязательно подойти к батюшке и спросить; а вдруг он не захочет общаться... Но едва заговорил отец Владислав – тот самый знаменитый проповедник и учёный, как все мысли, подобно соломинкам, приставшим к мощному стволу в бурном потоке, понеслись вслед за вдохновенным словом.

– Взгляните на затёртый, закапанный воском тресник конца XVIII века. По нему творило молитву несколько поколений священников. О троих мне доподлинно известно. А сколько у них было предшественников – сие от нас сокрыто. В советское время эти книги не имели цены – потому что почти не выпускалось новых. Они передавались от отцов к детям. Присмотритесь к иконе-мученице,

где изображена Божия Матерь. Образ готовили к поруганию, хотели сделать из него дверь свинарника. Видите, внизу часть тропаря успели обрубить. Святыню спасла благочестивая бабушка. Из тех самых белых платочков, на которых выстояла богомольная Русь. Эта женщина сказала безбожникам: «Снимите мою дверь, а икону отдайте мне». Подвиг? Подвиг. Берегла она её полвека, до самой смерти, и завещала храму. Внук привёз икону в епархию и передал на вечное хранение. Вдумайтесь, насколько дорога была народу вера. В то время верить, а тем более хранить святыни, было опасно для жизни. Но люди шли на этот крест осознанно, они молились в сложных бытовых условиях, в голоде и холоде. Знал одну монахиню, которая взгромождала стулья к потолку, к слабой лампочке, чтобы читать Псалтирь. На выставке каждый образ, каждая книга, каждый предмет утвари прошёл многострадальный путь. Все они свидетели эпохи и даже молча могут многое рассказать внимательному зрителю.

Молодой священник, подтянутый, русокудрый, на вид едва за тридцать, был весь в динамике. Бурлящая, эмоциональная речь сопровождалась выразительной, как у актёра, мимикой и быстрыми, ничуть не мешавшими слову жестами. Он совершенно не соответствовал сложившимся в народе представлениям о церковном служителе. Большинство рисует себе седовласого раздобревшего старца с громогласным басом, непременно строгого и невозмутимого, в лучшем случае – добряка. Точно такого, как настоятель самой старинной в городе церкви. Отец же Владислав обладал натурой творческой и щедрой. Часто выступая на телевидении или на общественных собраниях, он не пересказывал заученные тексты, а создавал прямо в настоящую минуту живой, подходящий ко времени, месту и аудитории монолог. Часто отвлекался, но в отступлениях касался стольких интересных тем, что пленял слушателя, как сладкозвучная флейта. Ему было безразлично, слушают его тысячи или всего десятеро, он старался дать им как можно больше – знаний, тепла, любви.

Клава тоже не раз видела батюшку-краеведа на экране, и ей казалось, что его познания безграничны. Наверняка он знаком и с историей Нечаевых. Быть иначе просто не могло – уверяла она себя.

Азарт исследователя заставлял её идти вперёд, преодолевая сомнения и страхи. Когда гостей пригласили к знакомству с выставкой, Клава, робкая, напряжённая, как нахохлившийся воробей, увидевший кошку, подкралась к местной знаменитости из-за спины и тихо, неумеючи задала вопрос:

– Батюшка, как у вас оказалась книга иерусалимского паломника?

Священник выдохнул от неожиданности и переспросил:

– Что?

Она ещё больше сконфузилась и дрожащим голосом повторила:

– Как у вас оказалась книга иерусалимского паломника?

– Ах, это, – добродушно кивнул отец Владислав. – В нашем городе она оказалась потому, что владеец её, Николай Александрович Нечаев, получил её в дар от друга, который паломничал по Святой Земле, по библейским местам. Ко мне этот раритет перешёл от дедушки, а ему – от старого садовника, он служил у Нечаева в усадьбе. Дом его, кстати, до сих пор сохранился. Он находится на улице...

– Знаю. Я в нём живу.

– Правда? – оживился отец Владислав и пристально взглянул в лицо любознательной школьницы.

– Да. Меня очень интересует история нашей усадьбы... Хочется как можно больше узнать о доме и о семье – той, которая в нём жила до нас. Даже о слугах. Я только что нашла кое-какие сведения о Нечаеве в книгах, но это крохи. Не подскажете, где искать дальше?

– Наш человек, – улыбнулся батюшка. – Как зовут?

– Клавдия Евгешина.

– Что ж, Клавочка, думаю, я мог бы тебе помочь. Встречалась мне их история. Только где? Дай Бог памяти. Давай так: запиши мой номер телефона, позвони вечером часов в девять и напомни, чтоб я поискал в своих материалах... А теперь меня ждут. Ещё увидимся. С Богом!

– Спасибо! – уже вслед ему воодушевлённо крикнула Клава. Всё так же – как неударжимый вихрь – отец Владислав унёсся к очередным заботам.

* * *

О своем обещании, однако, священник не забыл. Вечером, несмотря на усталость, он нырнул в свои архивы. Ему как заядлому следопыту тоже захотелось сориентироваться в неизведанной теме, более того – углубиться в историю дворянского гнезда. Поистине общее дело – словно солнце, своей энергией оно заряжает всех.

На счастье, нужная рукопись попала на глаза через четверть часа. Отец Владислав пробежался по строчкам и понял, что это настоящее открытие. И когда позвонила новая знакомая, у него уже был готов ответ:

– Клавдия, у меня хорошие новости! Я нашёл рукопись моего учителя, которая так и не была опубликована при его жизни. История Нечаевых здесь проскальзывает. Есть чему порадоваться!

– Правда? Но я прошу – вкратце. Я звоню от соседей, не хотелось бы их задерживать.

– Понял. Тогда слушай внимательно: Николай Александрович, владелец вашей усадьбы, известен как архитектор и переводчик специализированной литературы с итальянского языка. Этим он занимался, когда служил в столице, то есть в Петербурге. Родился он в Тамбове в 1870 году. В 1906 году женился на выпускнице института благородных девиц, дочери действительного статского советника Каверина Надежде Ивановне. Особняк в Тамбове выстроил по собственному проекту для своих родителей. До того они жили в собственном доходном доме. Это здание не сохранилось. Но я его ещё застал. Впоследствии Нечаев обосновался на Т-ской, нынешней С-ской, вместе с семьёй – супругой Надеждой Ивановной и сыном Владимиром.

– Владимиром?! – всполошилась Клавдия, а про себя подумала: – Так вот кто играл в прятки, вот чей был тайник! И про фотографию всё складывается: на ней семья Нечаевых.

– Да, – продолжил батюшка, не придав значения эмоциям собеседницы. – В провинции также занялся преподавательской деятельностью, продолжал перево-

дять, а кроме того, нашёл возможность спроектировать сельскую церковь. В 1918 году эмигрировал вместе с сыном и матерью за границу. Куда – пока неизвестно.

Отец Владислав перевел дух и подытожил:

– Не так много... Но это же клад!

Последняя фраза была сказана столь неожиданно и резко, что Клава чуть не подскочила. Она решила пока никому не говорить о своей находке – а тут вдруг...

– Это историческое сокровище, – рассуждал между тем отец Владислав, – очень ценное дополнение к нашей краеведческой мозаике.

– Да уж.

– Ты подала очень хорошую тему. Если б не твой вопрос, когда ещё добрались бы до черновиков Простосердова. Не хочешь ли ты быть нашим помощником? Я имею в виду: мы можем вместе заняться исследованием. Что ты найдёшь, что я, что уже мой учитель собрал. А выйдет прелюбопытная научная статья в соавторстве.

– Звучит заманчиво. Но я не имею понятия, как подступиться к серьёзным поискам.

– Это мы устроим, лишь бы желание было.

– Хорошо, с радостью.

– Какие мысли, вопросы придут – сразу делай записи. А на первых порах мы ещё покопаемся в библиотеке, чтобы найти основу нашему исследованию. Всё. Будем держать друг друга в курсе. С Богом!

Дома Клава устроилась на диване, по одну сторону поджав ноги, и несколько минут кряду сидела неподвижно. Подумать только: она не одинока в этом мире, у неё нашёлся единомышленник, который воспринял всерьёз её нелепую самодеятельность. Он даже, можно сказать, пригласил в содружество краеведов. Но клад... О нём тихоня не обмолвилась ни словом. И теперь думала: честно ли скрывать находку от напарника?

– Что это с тобой? – дёрнула за ушко Татьяна Степановна и села рядом.

– Мы узнали кое-что о жизни владельцев этого дома, – деловито сообщила дочь.

– Правда? А кто – мы?

– В библиотеке я случайно познакомилась с отцом Владиславом, с тем самым, который на телевидении выступает. Он разыскал кое-какие сведения о себе, они подтверждают то, что я прочитала в энциклопедии. Оказывается, наш дом построен по замыслу самого Николая Александровича, он был архитектором, а ещё – переводчиком.

– Надо же, какой умный и разносторонний человек. Видишь, общение открывает новые пути.

– Мам, зачем Николаю Александровичу было уезжать из такого рая?

– Он бежал, спасая свою жизнь и честь. Это совершенно ясно. Ведь после революции семнадцатого года богатые стали гонимы. Как рассказывали старики, настроение лихое захватило. Угнетённая беднота мстила им – порой жестоко, подло. За одно благородное происхождение они могли оказаться в тюрьме или ссылке. Красные засели во власти крепко. Что оставалось делать? Начался исход

интеллигентных, образованных людей. Уехали, конечно, не все. А кто остались, потерпели разорение. Их лишали имений, их теснили в собственных домах, им не находилось работы. Трудно пришлось им, белоручкам. Не стало рая. Да и не может его быть на земле. Недаром тогда вырвалась наружу лава накопившихся обид. Люди же сроду чем-то недовольны. Вот внешние враги и учуяли слабинку, помогли раздуть искры... Поэтому надо жить – не тужить, и землю свою чтить. Так-то. Ну, что же там дальше?

И – Клава увлеклась рассказом. Раньше мать удивляла её историями про балы и имения, теперь, наоборот, старшая Евгешина с упоением слушала живую повесть о былом из уст дочери. Рассуждая, делая предположения, они и не заметили, как подкралась полночь.

* * *

Занятия, как себя ни принуждала Клава, не шли на ум. Воображение то и дело уносило мысли на сто лет назад. Блаженную рассеянность уловили одноклассники. Для тех, кто всегда искал повода для очередной забавы и возможности самоутверждения за счет «бессловесной овцы», это было самое удобное время.

Будто предчувствуя, Клава намерилась идти в столовую – лишь бы не быть мишенью для язвительных уколов. Но когда она шла по классу, а потом – по коридору, позади прыскали со смеху. Клава не сразу поняла, что это – над ней. Только вырвавшееся у кого-то из мальчишек замечание: «Ого! А Дворяночка-то – лакомый кусочек. Как мы раньше не замечали», – заставило насторожиться. Словно вся горя, Клава ринулась в вестибюль к зеркалу и там оглядела себя со всех сторон. На лопатке всеми цветами радуги переливалась наклейка в виде сердечка, где на модном английском была написана непристойная фраза. Посмейся девчонка от души над чужой глупостью и своей рассеянностью, всё бы и поухитило. Но самоиронии не обреталось в наборе достоинств утончённой барышни, её серьёзность как раз и тешила забияк. Как всегда, оскорбление задело за живое. Отвращение и обида спутались в хаотичный ком. Порвав в клочья орудие проделки, Клава ринулась в класс. А публика, всё ещё не пережившая восторга, присвистывала и отпускала пошлые шуточки. Уроки были спасением. Клава крепилась изо всех сил: лишь бы дождаться окончания смены и вырваться из этой камеры пыток, не привлекая внимания. После звонка она полетела на всех парах к выходу. Её, действительно, никто не остановил вплоть до самого перекрёстка, на котором окликнул прохожий:

– Здравствуй, Клавдия! Что с тобой случилось: на тебе лица нет.

Та неохотно подняла отсутствующий взгляд. Хоть нелегко это было, переключилась с безотрадных, давивших, как чугунный пресс, мыслей. И только теперь узнала отца Владислава.

– Долгая история, – махнула рукой.

– А я никуда не спешу, – поступился батюшка личным временем: после треб он планировал заняться научными статьями. – К тому же нам по пути. Поделишься своим горем?

Да, Клавдия нуждалась в собеседнике. Нужно было кому-то выговорить-

ся, чтобы услышать слова поддержки или – того лучше – мудрый совет. Иначе горечь изъест изнутри, наложит уродливый отпечаток на характер. Молчуну в иные минуты необходимо, чтобы кто-то сочувствующий сам заглянул в его душу, может быть, даже навязался на разговор. И теперь Клава испытывала ещё не осознанную благодарность и доверие к священнику, который не прошёл мимо её скорби. Впервые за многие годы истерзанное сердце изгоя раскрылось и излилось в исповеди.

– Я понимаю, что кажусь людям странной. Но я же не хочу никому мешать. Всегда тихонько стою в сторонке. Так почему же постоянно оказываюсь в центре внимания?! – завершила она прерывающимся голосом.

– В нашей сутолоке нет-нет да и заденешь кого-нибудь. Даже ненамеренно. Это жизнь, миленькая, – вздохнул батюшка, выслушав откровение. – Все мы немного странные, потому что индивидуальны и неповторимы. Не будь так, было бы пресно. Давно тебя преследуют?

– С шестого класса. Уже почти четыре года.

– И ты не борешься?

– Нет. Один в поле не воин. Да и неприлично как-то. Ругаться – не по мне. Меня коробит, даже когда люди повышают голос друг на друга.

– Но в классе можно найти себе сторонников.

– Меня никто не жалуется.

– Родители знают?

– Нет, – прошептала Клава, отчаянно покачав головой. – Это только мои проблемы. Я не хочу никого расстраивать, особенно маму. Она так измучена болезнью, каждый день почти мается с высоким давлением. Да и папе нужен покой. Он несколько лет назад пережил ужасное. Когда он служил пожарным, в одном доме взорвался газ, долго не могли справиться с огнём, а на папу в тот день обрушилась стена. Он долго лежал в больнице и навсегда остался изувеченным. Знаю, до сих пор перед его глазами та страшная картина, хотя он молчит об этом. А вообще мне перед ними... стыдно. И я берегу их покой.

– Мужественно и жертвенно. Только чересчур. В одиночку никто не спасается, – говорят в церкви. Разве ты не делаешь всё, чтобы утешить отца или мать? Так почему ты думаешь, что они не придут тебе на помощь? А учителя как же? Им ты говорила о своей ситуации?

– Никогда не была ябедой!

– Значит, при них тебя не тиранят. Жёстко, жёстко... Вот что думаю на твой счёт. Достоинство уважения то, что ты имеешь свои взгляды, держишь свои позиции, что не сломалась под нажимом коллектива. Ты не слилась с серой массой и не стала прихвостнем лидеров. Это делает тебя личностью. Но мало выразить свою позицию, надо суметь её отстоять. Следует убедить окружающих в том, что твои взгляды нужно уважать.

– Но разве я могу обозваться в ответ, если знаю, как это обидно? Я категорически не могу!

– Замечательное рассуждение. Только в другую сторону. Я говорил не о плате злом за зло, а о самозащите. Чтобы всё выяснить, надо не дуться по углам, а разговаривать. Не раздражаясь, не переходя на личности. В иных случаях мож-

но остепенить человека, не сказав ни одного неприятного слова. Где шуткой, где прибауткой. Самый эффективный способ.

– А терпение, смирение? В церкви, кажется, именно их проповедуют.

– У-у. Разве ты взялась за подвиг, какой впору монахам? Не ради же Христа ты терпишь поношение? Нет. Просто потому, что не хочешь выглянуть из своей раковины наружу. Видишь в каждом агрессора, готового растоптать твой мир. Поверь, люди могут осмеять что угодно, даже самую высокую добродетель. Но это отнюдь не значит, что надо сворачивать со своего пути в угоду кому бы то ни было, и не значит, что надо прятаться от всех подряд. Послушай-ка анекдот про меня. Был со мной такой случай. Сверстники дразнились, я даже запомнил:

*«Наш степенный богомол
Не вступает в комсомол,
Вместо клуба в храм бежит,
Где старухи и ханжи».*

– Таковую дикость выдумали! Теперь, кстати, сами в храм ходят, – продолжил священник. – Я обычно не реагировал на остроты, весь коммунистический уклад тогда был на стороне этих мальчишек. Тяжело плыть против течения. Но в страданиях иные озлобляются, иные закаляются. Я решил закаляться. А врагам прощать, как учил Господь наш Иисус Христос. Хотя какие они враги? Обычные ребята. Думали, таким способом меня воспитывают. Так вот, шли они тот раз поодаль за мной. Насмешничали, насмешничали. Один вдруг не по-доброму прошипел: «Врезать бы ему промеж глаз». Я остановился, развернулся: «Давайте. Каждый подходи и бей». Спаситель говорил: если тебя ударят в одну щёку, подставь другую. Думаешь, это просто уступка? Нет, не просто. Смысл тут другой: это вразумление. Действует отрезвляюще. Сам проверил. Глазки обидчики мои опустили, замешкались. Все пятеро до единого. Лицом к лицу выяснять отношения труднее. Я опять крутанул на сто восемьдесят градусов и был таков. Потом, конечно, вслед мне полетело: «Дурак», – реванш-то хотелось им взять. Но с тех пор как рукой сняло. Я тогда понял: нападают на тех, кто боится. Страх – это нормально, но его ни в коем случае нельзя показывать. Не следует становиться боксёрской грушей и наводить на грех людей, надо быть изобретательнее. Кому-то единственно верным представляется культ силы, они чаще всего прямолинейны и не склонны к рассуждениям. Мы, чуткие души, видим жизнь иначе. Наши взгляды, наше поведение раздражают гонителей настолько же, насколько и нам кажутся отталкивающими их манеры. И всё-таки обе стороны в чём-то неправы. Презирать друг друга нельзя. Надо уважать свободу человека и его интересы. А мы, деликатные, как нежные культурные растения, тоже должны приспособиваться, чтобы выстоять.

– Культурные растения? Пожалуй, да, они слабы и нуждаются в сторонней заботе, а дикие и сорные травы пробиваются сами. Только люди предпочитают розы одуванчикам, помидоры лопухам, потому что они приносят лучшие плоды.

– Но это не значит, что и от остальных нет пользы. С одних пчёлы собирают нектар, другие служат лекарством. Нет в нашем мире никого и ничего лишнего. Всеми и всем Бог определил своё место и назначение. Хотя многое зависит

и от нас. Нужно узнавать, как общаться с разными людьми. Над собой работать. С окружающими, прежде всего, быть доброжелательными. Мы должны каждый раз преодолевать свои комплексы, страхи, сомнения. Нам всем свыше даются таланты. А когда мы в чём-то еще не совершенны, стоит себя понуждать учиться. Доброе общение – это тоже искусство. И если поэт или художник, чтобы достичь высот, трудится годами над повышением мастерства, то чем хуже интроверт? Кто такой интроверт? Это человек, сосредоточенный на своей внутренней, душевной жизни. Твой случай? Ну вот... Общество молодых жестокое, но не заколдованное. Уверен, всё ещё можно исправить.

– Думаю, не в моём случае. Тут нужно чудо. Потому что я ноль.

– О как! Ты чрезвычайно несправедлива к себе. Во-первых, ты не ноль. Ты – человек, другого такого никогда не было и не будет в этом мире. Но если уж говорить о нуле... Припомни-ка, что он может в математике? При умножении он обнуляет любое число. Потом, корень из него извлечь нельзя. Он – перекрёсток для системы координат. И во сколько крат он увеличивает натуральное число, встав рядом. А если изобразить в строчку мельчайшую дробь? Сколько «бубликов» понадобится?

– Да уж, – усмехнулась Клава.

– Есть вариант начать всё заново: перевестись в другую школу.

– Нет. То же будет.

– Видишь: дело в тебе самой, – подметил батюшка.

– Во мне? – искренне удивилась девочка. – Да как же это? Я ведь всегда молчу, ни с кем не связываюсь.

– Я отнюдь не оправдываю твоих гонителей. Но и твоё чувство собственного достоинства восстаёт, противится несправедливости. А сделать первый шаг навстречу сверстникам мешает оскорблённая гордость.

– Какая уж тут гордость! – поджала губы Клава.

– Как с иной простотой, которая хуже воровства, так и с иной скромностью. У тебя она искренняя, пожалуйста, не путай её с ложной, за которой прячется гордость. Уж прости, скажу прямо: ты зацклилась на себе, ты никого не достаиваешь ответа. Человек, который молчит и сторонится, отталкивает от себя. Во многом мы сами определяем то, как обращаются с нами окружающие. Люди не любят, если кто-то идёт против общества или резко выделяется. Отсюда вырастает травля. Иногда люди судят об остальных по своим принципам. Знакома ситуация, когда двое убеждённых в своей правоте обсуждают кого-то третьего, и притом так, чтобы тот слышал? Своеобразная непрямая нотация. Но никто не вправе навязывать тебе свои взгляды, так же как не обязан разделять твои. Увлечения могут и должны быть разными. Тем и интересно общество. И всё-таки с ним нужно соотноситься, чтобы не мешать, не раздражать, не вредить. Оно как плетёнка – один помогает другому. В связке можно большего достичь. Класс – это коллектив, модель общества. Дети порой не понимают, что их поступки, их слова жестоки, но это всё временно. Рано или поздно беспечность перерастёт в сознательность. Детская ненависть останется в прошлом и одним покажется несуразницей, другим – позорным пятном в биографии. Впрочем, я перегрузил тебя сложными темами. Попробую взять планку пониже. Вот ты сказала: нужно чудо. Так сделай его своими руками. Попробуй пойти навстречу одноклассникам:

общайся с ними доброжелательно и открыто, не скупись на улыбку, поучаствуй в каком-нибудь общем деле. Увидишь, отношение их потеплеет, если уж совсем не изменится. Повторюсь, по жизни нельзя плыть в одиночку, нужны друзья, не только мама и папа.

– Вы правы, я мечтаю о друге, но только о таком, с которым можно было бы говорить обо всём без утайки, разделять интересы. Правда, я уверена, такого человека в современном мире нет.

– Ты пока ещё мало людей встречала. В мире каких только нет – странных, забавных, гениальных, серьёзных, грубых, добрых. Просто постарайся видеть в них то, что есть в них хорошего, и любить их за то, что в них есть хорошее, несмотря на все их недостатки. Слышать ближних чувства – великое искусство. Если бы твои сверстники тоже прислушались к твоей душе, они бы перестали считать тебя странной. Они не делают первый шаг – так сделай ты. Вытесни обиду и гордость. Сама увидишь, как по-новому расцветится твоя жизнь. Пожалуйста, не пренебрегай моим многословием. Эти выводы стоили мне долгих размышлений.

– Вы ведь тоже прошли через дразнилки?

– Не в такой степени, но доводилось. Мне с малых лет веру в упрёк ставили. Потом время переменялось, всё то ушло. Но я проще к насмешкам относился, даже радовался, что за Христа терплю поношение, и равновесия не терял. Хотя... Хотя... В твоём случае может быть и другое: возможно, кто-то из ребят привлекает к себе твоё внимание. Проще говоря, кому-то ты нравишься.

– Ну уж нет! Когда кто нравится, над тем не издеваются.

– Как бы ни так! Это очень даже распространённый способ выражения своих чувств. Почему, как думаешь, мальчишки дёргают девчонок за косички? Именно поэтому. Так что взбодрись, детёнок. Будет и на твоей улице праздник!

* * *

После этой беседы Клавдия взгляделась в коллектив. В самом-то деле, кто были её гонителями? Впрямую – только тройка «корешей». Они, между прочим, не только к ней цеплялись. Просто другие девчонки реагировали иначе: кто остротой, кто боем, кто презрением. Одна робкая Клабочка сносила издёвки молча. В классе большинство относилось к ней безразлично или нейтрально, насчитывалось несколько симпатизирующих. Они просто не ввязывались в эту историю. Порой и смеялись за компанию. Но стоит ли их в том винить? Когда растянулась в спортзале или когда дёргала верёвку с крысой... Со стороны это и впрямь выглядело комично. Сама же надрывалась над угоревшим Рэмом. Так отчего же она возвела в ранг противников всех подряд? С ней как-никак здоровались при встрече, да и на уроках палок в колёса не ставили: училась спокойно. Клава почувствовала себя несколько лучше. Не сказать чтобы веселее, но – покойнее.

Чего было не сказать о Татьяне Степановне, сжатой тисками своего коварного недуга. В полумраке, неподвижная, утопающая в подушках, её хрупкая фигурка выглядела как-то даже величественно.

– Мама, ты как? – тревожно спросила дочь. – Может, врача вызвать?

– Ничего, скоро пройдёт. Я таблетки приняла. Иди разогрей там щи.

– Хорошо, хорошо. Не беспокойся, – прошептала Клавдия.

На цыпочках прошмыгнула мимо дивана, где отец спал после ночного де-

журства в диспетчерской. Достала из холодильника кастрюлю, налила два половника щей. И вдруг в окутавшей дом тишине, где даже движение часовых стрелок казалось громким аккомпанементом бесчисленным мыслям, раздался робкий стук в дверь. Хозяйка соседнего дома тётя Галя пригласила Клаву к телефону.

– Алло, – удивлённо отозвалась она.

– Клава, ты? Здравствуй, это священник Владислав. Знаю, знаю: коротко. Я завтра иду в архив. Хочешь со мной? Ты могла бы там найти что-нибудь о Нечаевых.

– Правда? Но... как это делается?

– Не волнуйся, я тебе всё расскажу. Если не будет улова, хотя бы поддержишь в руках подлинные старинные документы. Думаю, уже одно это интересно.

– О да! Договорились!

Проползли очередные каторжные полдня. Любопытствующие взгляды, пересмешки, бесцеремонные выпады по мелочам. С великим трудом Клава превозмогала себя, чтобы снова не убежать. Встретиться лицом к лицу с мучителями или улыбаться им, как советовал отец Владислав, решимости не хватало. Впрочем, на сей раз всё прошло более-менее гладко, и после уроков она со спокойной душой вырвалась на волю. Чуть не бегом добралась до дома, наскоро перекусила и отправилась в это загадочное хранилище вековых тайн – архив.

Священник встретил у входа высокого здания с рядами узких окон. Директору представил подопечную как свою помощницу, поручился за неё, и их любезно пропустили.

– Как там одноклассники?

– Так же. Не могу подступить. Ненавижу в себе нерешительность.

– Ненавидеть не надо. Ещё раз говорю: надо совершенствоваться. Работай над своими отношениями. Добродетели – это как цветы. Прежде чем они порадуют нас своей красотой, надо потрудиться: поливать, рыхлить землю, укрывать от мороза. Требуются заботы и время. Так и с навыками: их надо возвращать, орошать молитвой.

– Но как сделать этот первый шаг? Я не могу даже представить, как...

– Может, стоит подготовиться, мысленно провести диалоги. Подумать, как лучше подступить. Терпение, мудрость, доброжелательность. И всё будет.

– Надеюсь, – протянула Клава.

– К делу. Думаю, нам следует начать с Николая Александровича – год и место его рождения нам доподлинно известны. Чего не скажешь о его сыне: как знать, где появился на свет Владимир Николаевич – в Петербурге или здесь. Закажем метрические книги ближайших к доходному дому храмов за 1870 год.

Через три дня, как предусматривают правила архива, перед Клавой положили три потрёпанных фолианта. В них были сшиты церковные метрики за несколько лет. Отец Владислав отвлёкся от своих занятий и одобрительно кивнул:

– Ищи в разделе «О родившихся» по имени Николай.

Клаудия раскрыла подшивку старинных документов и замерла от восхищения. Таблица была испещрена аккуратным почерком, буквы украшались завитушками. Умели же, подумала школьница, в прежние времена создавать рукописи старательно и виртуозно. Здесь значились даты рождения и крещения, имя

младенца, звание, имена и вероисповедание родителей, данные восприемников. О каждой записи свидетельствовал священник и причт.

Клава тщательно просматривала страницу за страницей. Её усилия довольно быстро увенчались успехом. Под номером 64 значилось имя Николай, родителями которого были дворянин коллежский асессор Нечаев Александр Андреевич и законная жена его Наталия Павловна.

Если бы можно было изобразить всплеск её радости, то он напоминал бы фейерверк. Резко повернувшись к бабушке, подопечная прошептала:

– Нашла!

– Молодец! Поздравляю с первым научным открытием, – улыбнулся отец Владислав. – Перепиши себе эти данные, и можешь заказать на всякий случай метрику за 1907 год. Посмотрим, не наш ли земляк Владимир Николаевич.

– Спасибо вам! Огромное!

Любуясь находкой, Клавдия задумалась: «Когда-то, в том далёком 1870-м, это было настоящее. Все чувствовали новорождённого, его мать и отца, праздновали крестины. Священник вносил пёрышком запись в метрику. Заглянуть бы в тот денёк!»

Это было счастье: ещё на один шаг удалось продвинуться к разгадке тайны старинной усадьбы. Клава ещё больше полюбила родной кров. И захотелось как можно лучше украсить его, вернуть удивительному месту былое величие. В том, что прежде на этой земле царил порядок и гармония, сомнений не было даже у других обитателей дома. А как по младшей Евгешинной, то и вовсе процветала идиллия.

– Представляете, если бы сад утопал в цветах, а наш обветшавший дом отремонтировали, какой у нас был бы райский уголок! – поделилась она с родителями.

– Хорошо, когда бы так, – усмехнулась мать. – Будь деньги, да будь дельные соседи.

– Как думаете: не подло ли с нашей стороны, что мы живём в чужом доме?

– Он нам, знаешь ли, не чужой, – возразил отец. – Я и детство, и юность провёл здесь.

– Эти комнаты бабушке на работе выделили.

– Да, Золушка моя, что ты всё цепляешься за без пяти минут развалюшку.

– Это не развалюшка!

– Дом вполне крепкий.

– Ну да, ну да. Дворец в запустении. Всё равно. Подрастёшь, выйдешь замуж, совьёшь своё гнёздышко – новое и уютное...

– Да кто на меня взглянет, – в голосе девочки прозвучала нотка печали.

– Мужчины посмеиваются над женщинами, что они любят наряды и косметику. А сами обращают внимание на ухоженных и красивых. Я не обладаю ни тем, ни другим.

– Уж и неправда, – усмехнулся отец. – Во-первых, ты очень даже хорошенькая. Во-вторых, не все такие привередливые. Простому работяге что надо – тарелку борща да чистую одежду, да чтоб детишки бегали. Значит, чтоб жена деловая была, а не просто милашка. Вот как моя Танюша.

– Нет, – заметила мать, помахав рукой с поднятым указательным паль-

цем, – простому работяге наша звёздочка не под стать – слишком утончённая.

– Это ты сильно преувеличила, – усмехнулась Клава. – Вот Алина – та сама изысканность. Вся холёная, всегда с иголочки одета, накрашена как кукла. Правда, самовлюблённость её бьет через край. Поэтому она мне ни капли не нравится. Воображала пустоголовая.

– Не осуждай. Может, ты тоже кому-то не нравишься, – одёрнула Татьяна Степановна.

Клава поёжилась, вспомнив, как неприятно, когда окружающие презирают и говорят колкости. Она не хотела уподобляться таким людям, поэтому прикусила язык.

– Человека надо любить, несмотря на его недостатки, – продолжала мать, для верности утверждения рубя воздух обеими руками. – Бывает, люди совершают отвратительные поступки, но какие условия к этому привели? Надо брать это во внимание. Наш Ильич, например. Ты думаешь, он ужасный зануда и пропойца. А ведь он патриот, он был ратоборцем справедливости, честным и порядочным. Но страна пошла не по тому пути, какой ему виделся. Да, он опустился, потому что сломался. Разве это не достойно понимания и сожаления? А Рэм. Тот не нашёл себя в жизни. Но случись что – последнюю рубаху отдаст. И душа у него нараспашку... Правда, тесное соседство слишком разных людей угнетает.

– Поэтому всё-таки, когда будешь парня себе выбирать, и на изъяны обращай внимание, не то опомнишься – да поздно будет, – развёл руками отец.

– Мне это не грозит. Буду жить одна, с кошками. Обязательно заведу себе кошек.

– Ну где с ними тут тесниться? – запротестовала Татьяна Степановна.

– Надо делиться благами с братьями меньшими. Правда, пап?

Андрей Юрьевич на это ничего не ответил. Он только внутренне содрогнулся: «Бедная доченька, она и эту бедность считает благом. Прости, милая Золушка, что не обеспечил тебе лучшей доли».

* * *

Завидная, на первый взгляд, доля выпала молодому человеку, ехавшему тем же днём на поезде из Москвы в Тамбов. Он прилетел в Россию два дня назад и, едва познакомившись со столицей, отправился в южную сторону. На вид ему было лет двадцать.

Он был один в купе, и никто не отвлекал его от размышлений. Разве только кокетливая проводница, с которой пассажир прекрасно и с удовольствием общался по-русски. Оставаясь наедине с собой, он неотрывно смотрел в окно, удивляясь этим бескрайним просторам, густым лесам, разливающимся рекам, дальним селениям, старинным станциям. На продолжительных остановках выходил из вагона и заглядывал в вокзальные лавочки, что-нибудь покупал, разговаривал с торговцами.

Гость жадно ловил любую мелочь: детали архитектуры, краски природы, вкус еды, манеры местных обитателей.

– Правду говорят: удивительна ты, Русь! – всё повторял он, и непрошенные слёзы наворачивались ему на глаза.

Поздним вечером молодой человек ступил на тамбовский перрон. На

улице было по-майски тепло, но уже стемнело. Вокзал забурлил, принимая пассажиров из столицы. Оглядевшись, юноша направился к такси, но вдруг залюбовался ярко освещённой Привокзальной площадью. Здесь был разбит скромный сквер, в котором красовались ели и кипарисы, а посередине взметалась в небо и опадала мощная пеннистая струя фонтана. «Невеста!» – пришло на ум.

– Мне нужно на улицу Т-скую, – сказал иностранец таксисту.

– У нас такой нет, – пытливо взглянул тот. – Видно, давненько вы не бывали в Тамбове, лет этак под восемьдесят.

– Я впервые в вашем городе.

– Хотя старинные названия, не в пример нашим горожанам, знаете. Но, на ваше счастье, я знаком с местными топонимами. После революции многим улицам поменяли названия. Т-ская сейчас – С-кая. Странно, что вам нужен адрес надцатилетней давности.

– Мне и самому... странно, – усмехнулся заказчик.

– Едем? – предложил словоохотливый водитель.

– Буду признателен, но это завтра. Надеюсь, вы не откажетесь в некотором роде быть моим проводником?

– Алексей Львович к вашим услугам. За ваши деньги, как говорится, любой каприз.

– Теперь мне хотелось бы в ближайший к С-ской отель.

– Да, шеф.

На другой день в начале десятого первый знакомец иностранца забрал его у гостиницы, покружил по городу, устроив импровизированную экскурсию, и, наконец, доставил на тихую, залитую солнцем С-скую. Машина уехала, а необычный гость двинулся вдоль улицы. Она всё ещё сохраняла былой колорит. Среди поновлённых домов встречались ветхие деревянные, украшенные резьбой, и более стойкие, но также тронутые временем каменные. Юноша ступал тихо, отдавая решающий миг, в который его надежда могла как сбыться, так и рухнуть.

– И я боюсь, – ужель меня обманут дедушкины сказки, – вспомнилась ему строка из разученного в детстве стихотворения.

На заборе заброшенного деревянного дома он разобрал надпись: «Россия для русских». Мимо не спеша проплыла пожилая пара: женщина в платке и длинной юбке под руку с бородатым мужчиной. Видимо, люди церковные.

Юноша прошёл дальше и в проулке между двух деревянных домов со ставнями приметил ещё один дом. Подошёл ближе и остановился в непреодолимом восхищении. Взволновала ли его архитектура, или божественная сирень, готовая распусться, или проблеск какой-то идеи – этого каким-нибудь случайным свидетелям было не угадать. В следующую секунду и радость, и скорбь отразились на его лице одновременно, от волнения перехватило дыхание. Он ликовал потому, что застал целым дворянское гнездо. Но больно ему было видеть запущенность: выбитые кирпичи, обветшавшую шиферную крышу, позеленевший потёк на углу, упиравшиеся в стену кусты, уродливую деревянную пристройку сбоку, поржавевшие ворота. Они отчаянно скрипнули, когда, не получив ответа на стук в окошко, молодой человек, не в силах удержаться, шагнул во двор. Широкий коридор, где могла бы свободно проехать грузовая машина, упирался в ветхий деревянный сарай. Нечаянный гость осторожно, словно боясь обнаружить своё

присутствие, прошёл дальше и увидел просторный, почти квадратный надел. Его забивала жухлая, прошлогодняя трава, сквозь которую тянулась к солнцу свежая, зелёная. Между тем кто-то остановил наступающий хаос, отвоевав клочок земли прямо напротив террасы.

Над свежевскопанной грядкой порхали белые ручки, умазанные легендарным чернозёмом. Обладательница их – хрупкая славяночка с русой косой – занималась своим делом увлечённо, с тихой песенкой. Из-за того и не обратила внимания на скрип калитки. Да и кто мог слоняться в этот час, кроме старика-соседа?

Клава – а это была именно она – рьяно взялась за исполнение мечты хотя бы в малых формах и начала с посадки анютиных глазок. Калейдоскоп весёлых мордочек уже лёг бордюром вокруг новоявленной клумбы.

Молодая хозяйка потянулась за следующим саженцем и вдруг заметила незнакомца, прежде чем тот успел что-либо сказать. Синие глаза сверкнули недовольством, потом недоумением, потом осознанием – и какой же ужас отобразился на её побледневшем лице!

Перед ней стоял живой Нечаев. Молодой и красивый Николай Александрович, совсем как на фотографии. То же благородное открытое лицо. Светлые глаза, брови с лёгким изгибом, продолговатый нос, плотные, чётко очерченные губы... Только одет по-современному – синий костюм, белоснежная сорочка с приотворённым воротничком. И тёмные волосы брошены на лоб.

Клава онемела, не в силах ни встать, ни хотя бы закричать: «Привидение!» Да и кто ей поверит? Призрак казался из плоти и крови. «Наверняка, – мелькнуло в голове, – намеренно маскируется под живого человека. Да и явился не просто так, а за своим сокровищем. Ведь Владимир предупреждал же об этом в записке. Пробыл час! Теперь мне, незаконной наследнице, и ответ держать».

«Призрак», не вполне уяснив, чем вызвана эта гримаса, поспешил оправдаться:

– Простите великодушно, не хотел вас напугать. Я так бесцеремонно вошёл... Никто не ответил на стук. Ещё раз прошу прощения.

– Вы... вы это... к-к-к кому? – пролепетала Клавдия.

– Здравствуйте, сударыня! – поправился незнакомец, слегка поклонившись застывшей девочке. – Дело в том, что мне хотелось бы нарисовать ваш прекрасный старинный дом. Я художник. Собственно, за тем и пришёл, чтобы просить позволения сделать несколько набросков.

Совпадение. Клавдия, несколько успокоившись такой мыслью, с удивлением смотрела на симпатичного, с иголки одетого парня, у которого в самом деле болтался за спиной этюдник. С не меньшим изумлением слушала его речь, звучащую непривычно скоро, не то что напевная тамбовская. Инкогнито словно и впрямь явился из прошлого столетия, хотя более вероятно, что из далёких мест.

– Отчего же, никто не против, – очнулась, наконец, Клава и встала с корточек. – Наш дом не раз позировал живописцам. Правда, ни один из них не спрашивал на то разрешения. Ну, вперёд!

– Можно ещё минуту вашего внимания. Не будете ли вы любезны посвятить меня в историю этого места? Не расскажете ли о тех, кто здесь живёт? Хочется больше знать о том, что предстоит переносить на холст.

– Нет уж, извините. Я вас не знаю.

– О, простите великодушно. Разрешите представиться: я Виталий, из Сорренто, из благословенной Италии, – и снова сделал учтивый поклон.

У Клавы отлегло от сердца: это был не Николай Александрович и не его сын. Конечно, они уже давно скончались. А привидения? Их не существует! Она уже внутренне корила себя за глупость. Но настороженность не покидала: незнакомец с его странными замыслами был задачей со всеми неизвестными.

– Почему это вы выбрали наш дом и наш маленький город? – решила спросить она. Тон её был довольно резок.

– Я отвечу на этот вопрос, если позволите узнать имя прекрасной мадемуазель, – как-то на одну сторону улыбнулся Виталий и устремил на неё пылкий взгляд.

Девчушка замялась и поджала губы. Против молодого человека работали три вещи: внешность, настойчивость, загадочность. Хотя он и назвался, с чего ему верить? Не хотелось выдавать себя неизвестно кому. Она понимала, что поступает невежливо, что так знакомство, пусть и навязанное, не начинают, что к гостям выходят с улыбкой и любезностью. Но ничего не могла с собой поделать: незваный гость казался ей врагом, и она давала понять, что готова к обороне. Для пущей убедительности скрестила на груди руки. Виталий всё ещё смотрел выжидающе, и стоило ей исподлобья взглянуть на него, как само собой сорвалось:

– Клава.

– Рад знакомству, Клавдия. Очень рад, – не принимая выпада, отозвался юноша и, чуть помедлив, продолжил: – Моя цель – увидеть нечто большее, чем обыкновенное обозрение для путешественника. Проникнуть в глубинку. Уверен, в России много красивых мест. Но мне рекомендовали Тамбов. Как я успел заметить, это музей под открытым небом. Величавые соборы, старинные дома, которые могут вдохновить на создание новых произведений. Я, видите ли, изучаю русскую культуру. Хотелось бы пристальнее взглядеться в неё, напиться от её корней... Могу я приступить к работе завтрашним утром? Не возражаете? На рассвете дом будет в чудном освещении. Благодарю вас, и до скорой встречи. Честь имею!

– Всего хорошего, – холодно сказала Клава вслед, подумав о том, что не очень-то ей нужна «скорая встреча» с невесть откуда взявшимся туристом. Но больше досадовала на то, что так легко сдала позицию.

«Как этот странный художник похож на барина! Как похож! Напугал хуже грома среди ясного неба. Мистер неожиданность... Нет, как там по-итальянски – сеньор неожиданность, – негодовала Клава, копаясь в земле. – Зачем бы ему понадобился наш дом? Разве он самый красивый и знаменитый в городе? Очень подозрительно. Хотя, если итальянец – шпион, что ему взять с нашей бедности? А вдруг он кладоискатель? Конечно! Рыскает по старым усадьбам в поисках сокровищ. С другой стороны, он такой чистенький, при костюмчике, ему ли авантюриничать? Или пыль в глаза пускает? Одно точно: надо быть начеку».

Виталий между тем находился в прямо противоположном расположении духа: «Какой успех! Первое посещение – и сразу проложен мостик. Та дюймовочка – сущий ёжик. Но хоть и хмурилась, похоже, человек добрый. Думаю, мы поладим. Интересно только, почему она так испугалась, увидев меня. Это не просто из-за неожиданности. Может статься, она догадалась...»

Продолжение следует.

Михаил БЕЛЫХ

Всероссийский святой

Очерк

120 лет назад – 19 июля (1 августа по новому стилю) 1903 года – состоялось официальное церковное прославление в лике святых и обретение честных мощей преподобного Серафима Саровского, любимого и давно почитаемого народом. Торжества, проходившие в Сарове и Дивеево (в настоящее время Нижегородская область), стали особой вехой в духовной истории страны. О том, как проходили торжества, можно узнать из официальных отчётов и газетных корреспонденций того времени, особую атмосферу духовного подъёма передают опубликованные воспоминания очевидцев событий.

Как всё начиналось

А начался процесс по подготовке прославления святого ещё в XIX веке. Как следует из «Тамбовской энциклопедии», в 1892-1894 годах при епископе Тамбовском и Шацком Иерониме (Экземплярском) было произведено расследование чудес по молитвам к святому. Следующим тамбовским епископом Александром (Богдановым) в 1897 году результаты расследования были поданы в Святейший Синод с ходатайством о канонизации.

Уже в 1903 году было проведено обследование гробницы святого и его мощей. В июне того же года в «Церковных Ведомостях» опубликовали «Утверждённый Святейшим Синодом церемониал торжественного открытия святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца», в котором подробно по дням и часам приводилось расписание церковных служб и мероприятий, намеченных к проведению в Саровской пустыни.

Согласно церемониалу, торжества начались 18 июля (31 июля по новому стилю) со всенощного бдения в Успенском соборе Темниковского Успенского мужского монастыря.* На следующий день состоялось прославление преподобного Серафима Саровского, а его мощи были помещены в специальную раку в Успенском соборе Успенской мужской пустыни в Сарове (в настоящее время Нижегородская область, в начале XX века Тамбовская губерния).

Торжества в Козлове

В конце июня 1903 года в местной прессе был опубликован Указ Его Императорского Величества из Святейшего правительственного Синода на имя Его Преосвященства, преосвященного Иннокентия, епископа Тамбовского и Шацкого, о совершении 18 июля во всех православных церквях епархии всенощных бдений преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу, а 19 июля – Божественных литургий, молебствий и возгласений. Через несколько дней «Козловская газета» опубликовала железнодорожный маршрут следования православных паломников из Козлова в Саровскую пустынь. Согласно ему доехать до места проведения всероссийских торжеств можно было через Рязань и Ртищеву до Арзамаса или через станцию Тарбеево Московско-Казанской железной дороги. Дальнейший путь от Тарбеево со Темниковской Успенской мужской пустыни предполагал проезд гужевым транспортом через город Темников, входивший в начале XX века в состав Тамбовской губернии.

Для участия в торжествах от Козлова была направлена делегация из двух человек. В неё вошли городской голова Константин Попов и редактор-издатель «Козловской газеты» Пётр Падучев. Кстати, благодаря именно корреспонденциям Петра Прохоровича до наших дней дошли бесценные свидетельства участника тех знаменательных событий.

В дар Саровской пустыни Козловская городская Дума заказала икону Спасителя в богатой золочёной ризе. Её и должен был вручить на торжествах городской голова. Кроме того, Козловский Боголюбский женский монастырь изготовил для торжеств бархатные, вышитые золотом и шёлком туфли, предназначенные к положению в раку с честными останками Серафима Саровского. Как сообщали опубликованные документы, кожаная часть туфель была сшита козловским башмачником Востриковым, а шитьё выполнено монахинями. 11 июля козловская делегация выехала в Саров.

Посещение Сарова членами Императорской фамилии

Как следует из опубликованных документов, 17 июля Саровскую пустынь посетил Государь Император с членами Императорской фамилии. Приезд Николая II и августейшего семейства, питавшего чувство глубочайшей веры в заступничество батюшки Серафима, придал торжествам поистине всероссийскую значимость.

Согласно опубликованным источникам, вечером императорский кортеж был встречен на границе Темниковского уезда возле специально выстроенной красиво декорированной арки, где собрались представители военной, светской и духовной власти, представители городов, земств и крестьянских обществ Тамбовской губернии. «Несметные массы народа запрудили обе стороны Арзамасского тракта, по которому должен был следовать императорский кортеж в Саров», – читаем мы в репортаже 120-летней давности, опубликованном в «Козловской газете». «Ровно в половине шестого показалась коляска Государя, запряжённая четвёркой серых коней. Миновав арку, они остановились на площадке,

образованной дворянскими и сословными депутациями. Его Величество, выйдя из коляски, принял рапорт от господина Тамбовского губернатора и, сопровождаемый последним, направился к павильону, где Его ожидали представители дворянства, земские начальники Тамбовской губернии и военные власти».

Как следует из сохранившихся документов, тамбовский губернский предводитель дворянства князь Челокаев поднёс Его Величеству на серебряном вызолоченном блюде хлеб-соль и прочёл приветственный адрес от тамбовского дворянства. Далее последовало подношение хлеба-соли от представителя тамбовской губернской земской управы, тамбовского городского головы и представителей уездных городов. Примечательно, что хлеб-соль от городов были поднесены на огромном чеканном серебряном блюде, по краям которого помещались четыре медальона с изображением всех 12 городов Тамбовской губернии. Как сообщала пресса, «блюдо и солонка вышли из мастерской известного московского фабриканта Овчинникова».

Принявши хлеб-соль, Его Величество направился к группам депутатий от крестьянских обществ, мордвы и татар, населявших Тамбовскую губернию. По воспоминаниям очевидцев, среди депутатий были как мужчины, так и женщины, одетые в национальные костюмы. Как следует из документов, «Обе императрицы (жена Николая II Александра Фёдоровна и мать Императора Мария Фёдоровна) с интересом осматривали своеобразные одежды тамбовских крестьянок, отличавшиеся оригинальностью кроя, подбором цветов, узорами вышивок, всевозможными нагрудными и головными украшениями».

По пути в Саров

До места всероссийских торжеств козловцы выбрали необычный маршрут. Почтовым поездом они доехали до Рязани, где пересели на товарно-пассажирский пароход. Здесь они встретились с моршанским предводителем дворянства А.Н. Грузиновым, двумя земскими начальниками, моршанским и усманским городскими головами А.И. Рымаревым и Ф.В. Огарковым, также направлявшимися в Саров. Утром следующего дня путешественники прибыли в Касимов, где, пользуясь часовой остановкой, осмотрели местные достопримечательности. В два часа дня пароход с тамбовскими паломниками прибыл на пристань Ватажка (ныне Рязанская область), откуда до конечного пункта добирались на лошадях.

«Уже с полдороги мы начали обгонять пешеходов-богомольцев, тихонько шествующих к Сарову с котомками и узелками за плечами, – писал в опубликованных путевых заметках редактор-издатель «Козловской газеты» Пётр Падучев. – Чем ближе к Сарову, тем гуще и многочисленнее вереницы богомольцев».

Вскоре паломники оказались на большой поляне, где были построены бараки городов Кадома, Тамбова и Темникова. На противоположной стороне поляны находилось две часовни, где попеременно служили панихиды священники Тамбовской епархии, а также лечебница тамбовской общины Красного Креста.

Городок

Большая поляна на берегу реки Саровки, что в четырёх верстах от Сарова, была выбрана тамбовским губернатором В.Ф. фон дер Лауницем для постройки деревянных барачков, предназначенных для бесплатного размещения паломников. Согласно опубликованным документам, каждый барак был длиной в 100 и шириной в 12 аршин**. В них имелось несколько дверей, расположенных с разных сторон. Так обеспечивался доступ ко всем частям крытого помещения. По воспоминаниям современников, тесовые крыши барачков опускались до земли, в некоторых из них, начиная от крыши, размещались деревянные щиты, на которых, собственно, и располагались богомольцы со своими узлами и котомками.

Изначально барак рассчитывался на размещение 200 человек, однако в период наивысшего наплыва богомольцев (14-19 июля) в них помещалось от 220 до 250 человек. При этом один из них был отведён для размещения старшин Тамбовской губернии. По соседству располагались пекарня, лавки с различными товарами, монастырский книжный павильон, где продавалась литература с жизнеописанием старца Серафима, образа с изображением преподобного, а также будки с горячей водой, отпускаемой бесплатно.

На противоположной стороне реки Саровки находилась лавка Темниковского общества потребителей, булочная, чайная, парикмахерская, несколько павильонов фруктовых вод, а также ресторан «Повар», где отпускались комплексные обеды по 40 копеек.

Как следует из опубликованных документов, всего за счёт городов Тамбовской губернии было выстроено 90 барачков для бесплатного размещения 20-25 тысяч человек. При этом размещение на ночлег паломников под открытым небом, в лесу строго воспрещалось. Главным образом, это было сделано в предупреждение пожаров. В течение лета 1903 года в Темниковском уезде стояла страшная жара: высохла не только трава, но и мох на болотах. Малейшая неосторожность с огнём в хвойном лесу, окружавшем Саров, могла стать причиной трагедии. Впрочем, во время наибольшего наплыва верующих построенных для них помещений всё же не хватило: многим из них пришлось ночевать под открытым небом.

В дни всероссийских торжеств

«С рассветом каждого дня тысячи паломников устремлялись из барачков в монастырь, к источнику преподобного Серафима, в ближние и дальние пустыньки его, и в часовни, где служились панихиды, – читаем мы в прессе начала XX века. – Шли здоровые, несли или везли увечных, калек, некоторые из последних сами силились добраться до намеченной заветной цели. За малым исключением все эти несметные тысячи верующих купались в источнике, около которого с утра до вечера стояла густая толпа людей всех полов, возрастов и положений».

По рассказам очевидцев, у источника ежедневно совершались чудеса исцеления недужных: слепые прозревали, хромы получали способность ходить, немые – дар речи. Наиболее поразительные примеры исцеления записывались в

прославление святой силы того, кто собственными руками вырыл этот источник и молился здесь за грехи мира.

В Сарове представители козловской делегации посетили пещеры, подземный храм в честь Киево-Печерских святых (подземная церковь Антония и Феодосия Печерских), Успенский храм Саровской пустыни, где насладились монашеским пением, а также осмотрели пустынь. Они побывали в монастырской трапезной, в келье преподобного Серафима.

«Тесно. Иконы. Светятся лампадки, – читаем мы в «Козловской газете». – Перед иконами лежит камень, на котором старец Серафим безлюдно молился тысячу дней. Тут же за стеклом хранятся и памятники его бытия: скуфейка и мантия, русые волосы, выпавшие у старца во время болезни, святое Евангелие с обгоревшей от пожара крышечкой».

Находясь на всероссийских торжествах в Сарове, жители Козлова посетили и храм в честь Живоначальной Троицы, устроенный над кельею угодника и освящённый 20 июля 1903 года.

Молебен перед иконой Серафима Саровского

В конце августа 1903 года Козлов впервые после своего назначения на Тамбовскую кафедру посетил преосвященный Иннокентий, епископ Тамбовский и Шацкий. С поездом Москва-Козлов преосвященный прибыл в город в половине второго пополудни. На станции Его Преосвященство встречали представители духовных и светских властей, а также публика, явившаяся получить благословение владыки.

Сев в коляску, владыка поехал в город, направляясь по Московской улице к Покровскому собору. С торжественным звоном с колоколен всех козловских церквей преосвященный медленно проследовал в собор, благословляя толпы народа.

В течение четырёх дней пребывания в Козлове преосвященный Иннокентий отслужил несколько литургий и венощных, а оставшееся свободное время употреблял на обозрение местных храмов: интересовался историей церкви, именами усердных жертвователей, особенностями церковно-хозяйственного уклада.

30 августа владыка выразил желание отслужить на Соборной площади Козлова общегородской молебен перед иконой преподобного Серафима Саровского. Икона эта, в богатом киоте, высотой до двух аршин, была доставлена преосвященному из Тамбова. Написанная в Дивеевском женском монастыре, она сопровождала епископа во время его поездок по епархии.

Накануне соборный протоиерей П.А. Сперанский обнародовал объявление о предстоящем молебне на Соборной площади, и это известие собрало в центре Козлова немало горожан.

По воспоминаниям современников, ровно в полдень загудели колокола, извещавшие об окончании литургии в Боголюбской церкви и начале крестного хода из Козловского Боголюбского женского монастыря на Соборную площадь к специально устроенному помосту, обитому красной материей. Молебен и пение Боголюбского, Сторожевского и Соборного церковных хоров продолжа-

лось до 13 часов. После окончания богослужения преосвященный благословлял собравшихся иконой Серафима Саровского, извлечённой из киота при помощи архимандрита Козловского Троицкого мужского монастыря Феофилакта и протоиерея Сперанского.

Вечером следующего дня преосвященный отбыл из Козлова по Юго-Восточной железной дороге, направляясь в южные уезды епархии.

Главные организаторы торжеств

Необходимо отметить, что основными организаторами всероссийских торжеств по прославлению Серафима Саровского стали епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий, а также тамбовский губернатор В.Ф. фон дер Лауниц. Именно на них двоих легла вся тяжесть и ответственность за успех этого величайшего события в церковно-общественной жизни России. Так, епископу Иннокентию досталась церковная сторона торжества, а Владимиру Фёдоровичу – административная, включавшая размещение паломников, организацию их питания, лечения и обеспечение порядка. Как писал впоследствии епископ Иннокентий: «Сколько вложил он (тамбовский губернатор) в это торжество Церкви своего труда, хлопот, забот, опасений и тревоги, – то видел и ценил Царь-Богомолец, да с высоты небес призирал святой прославляемый Саровский Праведник». Из-за нехватки отпущенных средств Владимир Фёдорович многие хозяйственные вопросы решал за свой счёт. Так, на личные средства им были пошиты новые мундиры для чиновников, участвовавших в торжествах, организованы медицинские пункты, устроены походные кухни, где планировалось накормить и разместить до 300 000 паломников за весь период проведения праздничных мероприятий.

После окончания торжеств в память о них будущий святой священномученик архимандрит Серафим (Чичагов) от имени совершавшего прославление архиерейского и священного Собора преподнёс В.Ф. фон дер Лауницу великие святыни – Крест с частицей святых мощей преподобного Серафима Саровского, часть мантии новопрославленного святого и часть камня, на котором молился старец, с написанным на нём иконописным изображением, а также наперсную икону преподобного. Такие же дары получила царская семья.

Вместо заключения

По некоторым оценкам, на торжествах, посвящённых прославлению Серафима Саровского, побывало со всей России до 300 тысяч паломников. Отрадно, что непосредственное участие в их организации и проведении приняли наши земляки. И не просто приняли, а оставили живые свидетельства о том, как проходили всенародные торжества!

Вскоре после канонизации преподобного в двух козловских храмах – Покровском кафедральном соборе и Троицкой (Пятницкой) церкви – появились приделы в честь Серафима Саровского.

А уже в наши дни, в 2019 году, на стрелке трёх мичуринских магистралей – Интернациональной, Герасимова и Тамбовской – в День народного един-

ства и Казанской иконы Божией Матери епископ Мичуринский и Моршанский Гермоген освятил памятник преподобному. Так этот городской микрорайон наполнился особым духовным смыслом, связав прошлое и настоящее. Не случайно горожане уже негласно именуют это место не «Пятой чайной», а «Площадью Серафима Саровского».

Сегодня всероссийский святой встречает всех въезжающих в Мичуринск со стороны Тамбова своим известным приветствием: «Радость моя! Христос Воскресе!»

*В начале XX века Темниковский уезд входил в состав Тамбовской губернии

**70 на 8,4 метра

Николай Наседкин – исследователь творчества Достоевского

Биографический очерк

Мало кому из тамбовских писателей выпадает счастье печататься в столице. В советское время таких было предостаточно, сейчас это – редкость: два-три имени... А вот у прозаика, драматурга, литературоведа, журналиста Николая Наседкина почти все книги изданы в Москве. Именно там в 1993 году в издательстве «Голос» вышла первая солидная книга «Осада», составленная из криминальных рассказов и повестей, события в которых отражают социальные проблемы общества. В 1997 году появилось второе издание «Осады»...

Николай Николаевич Наседкин родился 13 апреля 1953 года в Читинской области. В 1982 году, окончив факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, приехал в Тамбов. Работал в областной молодёжной газете «Комсомольское знамя», успешно совмещая журналистику с писательским трудом. На Тамбовской земле он обрёл друзей и соратников, начал интересоваться её историей, жизнью и творчеством великих людей, связанных с нашим краем. Очерки и статьи краеведческого характера стали появляться на страницах газет и журналов.

В 1993 году Николай Наседкин выпустил отдельным изданием очерк истории литературы Тамбовского края «От Державина до...». Книга состоит из нескольких разделов: «Классики», где автор рассказывает о пребывании на Тамбовщине Г.Р. Державина, о первом тамбовском писателе П.М. Захарьине, о наших славных земляках Е.А. Баратынском и А.М. Жемчужникове, о других известных писателях XVIII – XIX веков; «Потерянные поколения», к которым Наседкин относит писателей от Пролеткульта до Д.Д. Бурлюка; «Современники» – в этом разделе речь идёт о таких писателях, как П.А. Сажин, А.Д. Жариков, Г.Н. Троепольский, А.И. Солженицын, А.В. Стрыгин, М.А. Румянцева, а также о тех, кто в настоящее время живёт и работает в Тамбовской области.

В 1996 году в издательстве «Новая жизнь» вышла книга Николая Наседкина «Литературные мушкетёры», в которой впервые дан подробный анализ творчества четырёх тамбовских прозаиков – Александра Акулинина, Виктора Герасина, Василия Кравченко, Валерия Кудрина. Так что художественные произведения Николая Наседкина не затмевают его деятельности критика и литературоведа. Он продолжает писать рецензии на книги тамбовских авторов, которые публикуются в газетах и журналах с 1980-х годов, вступительные статьи к сборникам стихов и прозы товарищей по перу.

Высокую оценку известных достоевсковедов получила энциклопедия

Николай
НАСЕДКИН

«Достоевский» (2003), она экспонировалась на книжной ярмарке в Германии, переведена на польский язык. Немаловажен тот факт, что энциклопедию «Достоевский» (объём книги – 800 страниц!) Николай Наседкин создал один, тогда как над Лермонтовской энциклопедией, например, работал целый отдел Института мировой литературы. Как отмечалось, о Достоевском написаны тысячи книг, и всё же труд тамбовского автора выделяется в этом необъятном море исследовательских и справочных изданий. Впервые в мировом достоевковедении под одной обложкой собраны сведения практически обо всех произведениях писателя, его героях, людях, окружавших Достоевского, понятиях, так или иначе связанных с его именем. Не только собраны, но и расположены в очень удобном порядке. Важно и то, что этот труд, несмотря на энциклопедичность, авторский, то есть обладает своим индивидуальным стилем, ритмом, интонацией, и к тому же написан без излишней академичности, доступным языком. При этом он постарался избежать пристрастности: издание носит чисто информативный и максимально объективный характер – никакой полемики, никаких оценок, никаких спорных гипотез, никаких похвал или порицаний чужим текстам... «Энциклопедия» – это не первая книга Николая Наседкина о гениальном русском писателе: в 1997 году, тоже в Москве, вышло массовым тиражом учебное пособие для школьников и студентов по роману «Преступление и наказание»; в 2001 году издательство Тамбовского университета имени Г.Р. Державина выпустило монографию «Достоевский: портрет через авторский текст»; а через год в столичном издательстве «Алгоритм» увидела свет книга «Самоубийство Достоевского».

Все эти годы продолжалась работа писателя и над художественными произведениями. В 1997 году в Москве выходит книга романов и повестей Наседкина – «Криминал-шоу», в 2000-м – роман «Алкаш», написанный, как сказано в аннотации, «в русле современной жёсткой прозы. Это роман с криминальным сюжетом и злободневным социальным содержанием...» Острые сюжеты развивает писатель и в других книгах. Первое десятилетие нового века стало для Николая Наседкина таким же плодотворным, как и конец прошлого.

В 2004 году в Тамбове была издана книга «Наша прекрасная страшная жизнь». Во вступительном слове к ней московский издатель, секретарь Союза писателей России Пётр Алёшкин отмечал, что художественная проза автора – это в основном повести и романы. Но не менее интересны и его рассказы. «Они, как правило, с криминальным напряжённым сюжетом, – писал Пётр Фёдорович, – составляют как бы единый цикл, и в них действительно показаны и «прекрасные», и «страшные» стороны нашей сегодняшней жизни. Причём, события зачастую происходят не где-нибудь в Италии или Америке, – всё это случилось и случается рядом с нами, в Москве или чернозёмном городе Баранове, так похожем на Тамбов. Все криминальные сюжеты реальны, обыденны – такое может случиться с каждым из нас... Эпиграфом к книге можно было бы поставить слова поэта: «Времена не выбирают, в них живут и умирают»... Истории, рассказанные писателем Николаем Наседкиным, напоминают читателю простую, но часто забываемую людьми мудрость: только с согласия самого человека можно его запугать, унижить, искалечить, убить. Если человек не трусит, не поддаётся агрессии – он непобедим. В этом оптимизм книги».

С 2005 по 2010 год московские издательства «Сова» и «Голос-Пресс» выпустили романы Николая Наседкина «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Гуд бай, май...» В последнее время прозаик активно занимается драматургией. Ещё в 2007 году он стал победителем в конкурсе молодых драматургов и стал обладателем диплома «Хрустальная роза». Он – лауреат литературных премий имени Е.А. Баратынского, В.А. Богданова, награждён медалью «К 100-летию М.А. Шолохова»... В конце 2012 года в Тамбове вышла новая книга художественных произведений Николая Наседкина – «Рано иль поздно». В ней – повести и рассказы, публиковавшиеся только в журналах и альманахах, но не входившие в отдельные издания писателя. На выход книги откликнулись местные средства массовой информации и «Литературная газета».

В течение десяти лет, с октября 2003 года по октябрь 2013-го, Николай Николаевич Наседкин возглавлял Тамбовскую областную писательскую организацию. Он активно занимался издательской деятельностью, стал инициатором выпуска «Тамбовского альманаха», основателем книжной серии «Поэтический Тамбов», входил в состав редакционного совета книжной серии «Литературные родники Тамбовского края». Им успешно реализована программа «Издание книг тамбовских писателей для библиотек области».

Уйдя с административного поста, Николай Наседкин полностью посвятил себя литературному творчеству, и в 2018 году выходит очередная книга писателя «Литлабиринты». А мы с нетерпением продолжаем ожидать новых книг автора.

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Ксения АКСЁНОВА

День прожит правильно и глупо

Стихи

* * *

Седой пылью и горечью
роится эта мгла.
Ей снится клёкот горличий
и пение щегла.
А в зарослях безвременья,
по речке неживой
мой дед идёт, растерянно
качая головой.
Суровый, смуглый смолоду,
но светлый добела,
и нет в нём злого холода
последнего тепла.
В матроске, в новых валенках,
над снегом семеня,
он голосом поставленным
читает «Жди меня» –
сквозь снега злое крошево,
в моём читает сне.
И нет другого прошлого.
И будущего нет.

* * *

Я лежу щекой на скатерти,
наблюдаю за окном.
За окном – сплошная статика –
только небо в основном.

На ветвистых сухожилиях
вот уже который день
птица спит тяжелокрылая,
не отбрасывая тень.
Первый снег не опускается –
остаётся в вышине,
жизнь, весёлая красавица,
улыбается не мне.
В общем, как-то всё неласково –
нужных слов не подобрать.
Бог, тяни меня, вытаскивай,
запиши в Свою тетрадь.

* * *

Я хочу, как водомерка,
тоненькая вся,
ничего не исковеркать,
бережно скользя –
по пруду твоей тревоги,
утешенья для
буду бегать быстрого
и легко петлять.
Отвлечёшься – заглядишься...
Но пойдёшь за той,
чьё манящее затишье –
берег золотой.

* * *

Разве кто-то объяснит
то, чего нельзя понять,
то, что память леденит,
поворачиваясь вспять.

Всё, что хочешь превозмочь –
этот век и этот ад,
этот плач, стоящий над, –
повторяется точь-в-точь.

То, что заперто внутри,
что до корки запеклось.
Ты смотри, не посмотри
в самого себя насквозь.

* * *

День прожит правильно и глупо.
Полы домыты. Ночь идёт.
Чужих огней не тает лёд,
и жизнь, как бабочку под лупой,
разглядываю столько лет...
Я поломыла полоумно,
как будто бы ждала гостей,
гостей, похожих на детей –
наивных, праздничных и шумных, –
но их на самом деле нет...

Есть только горе-энтомолог
и невротичный чистоплюй.
– На, птичка, бабочку поклюй,
твой век залиvistый недолог.
А мой – давно ни то ни сё.
И если вдруг под самый вечер
в окно влетает редкий жук,
то я ловлю его, держу,
уже почти очеловечив...
Но и ему не повезёт.

* * *

Расслышав эхо давнего ожога,
я выйду продышаться ненадолго.

В холодный сон, в его глазной разрез
перемещусь. Я буду там и здесь.

В большом зрачке, как в зеркальце трамвая,
найду себя, себя не узнавая.

Я не уйду, пока не надоест,
пока не спросят платы за проезд.

И горизонт покроется холмами,
и тишина насытится словами...

* * *

Забормочи на вечном языке,
на языке животных и растений
о том, как голос необыкновенен,
и как живёт в каком-нибудь сверчке
звук горьковато-правильный на вкус...
В такую ночь захочется расслышать,
как тонкий ветер делается тише,
как не шумит задумавшийся куст.
И ничего не можно описать,
но можно медлить, голодно вбирая
весь этот громкоговорящий сад,
всю эту песню памяти о рае.

* * *

Неизвестно, откуда берётся
этот гул предпоследней воды –
из какого глухого колодца,
из какой неземной мерзлоты.
Он идёт из притихших колосьев
к берегам ненадёжных вещей,
в первобытное многоголосье,
в первобытность воды вообще.
Он поёт, ни о ком не смолкая,
задыхаясь, смеётся навзрыд,
словно мёртвая рыба морская
с пересохшей рекой говорит.

* * *

Как бестолковый тать,
спрячу чужую речь.
Чтобы её впитать.
Чтобы себя зажечь.
Может, и мой язык
сделается острей,
переписав азы
пройденных словарей.
Если возникнет свет,
медленный, небольшой,
то прозвучит ответ –
правильный, но чужой.

* * *

Со всей самоотдачей
без глупой суеты
животный и горячий
в ночи накроет стыд.
Мне вспомнится такое,
что оторопь возьмёт –
тяжёлою рекою
польётся ржавый мёд...
Во сне, в ознобе липком,
где полночь глубока,
прожорливая рыбка
поймает рыбака.

Елена КОРУНОВА

Ночной колокол

...Сердце сокрушенно и смиренно....

Псалом 50

1.

Стекло приятно холодило небритую щеку старика, прильнувшего к окну. Его тусклый взгляд блуждал по весеннему больничному саду. На верхушках ещё голых деревьев суетливые грачи строили и поправляли свои гнёзда. Ему захотелось домой, он вздохнул, вспомнив, что придётся лежать в больнице ещё недели две, и посмотрел на небо. Зажмурил глаза, вслепую пытаясь их спрятать в узкой тени тополиной ветки за окном. Это напомнило ему военный госпиталь, в который он попал после ранения. Так же тогда щурился из окна, но вот только ходить не мог. Обрамлённое в квадрат облупившейся рамы небо было единственной радостью среди госпитальных мытарств... «Нет, – подумалось вдруг старику, – не единственной – была ещё Надя, санитарка. Да, было небо, Надя и госпиталь. И сам я был молодым...»

– А теперь, жизнь прошла, – произнес старик еле слышно, одиноко стоя в пустом больничном коридоре. – Умирать скоро.

Ему не хотелось верить, что вот он умрёт, и всё, больше ничего не будет, ни следочка от него не останется. Зачем он жил? Просто так, по инстинкту, что ли, как растение?.. Мысли о смерти всё чаще навевались в его голову. Память выхватывала события из прошлой жизни, и старик строго смотрел на себя как бы со стороны.

2.

Днем по «скорой» в палату привезли нового пациента, молодого парня, лет двадцати пяти. Он оказался на соседней от старика койке, лежал с закрытыми глазами, слипшиеся длинные волосы сбились на одну сторону, его бледное лицо обрамляла жидкая рыжеватая борода.

К вечеру, когда врачи и медсёстры перестали суетиться над ним, парень оживился, и в его глазах появился интерес. Старик нетерпеливо обратился к нему:

– Ну, здравствуй, мил человек, не знаю, как звать-величать.

– Дмитрием. Руку не могу протянуть – капельница.

– Лежи, лежи. Здесь все такие, понимаю. А я Нилыч, значит. Учишься или отучился?

– Отучился, теперь служу.

– Что-то на офицера не шибко похож, – старик с сомнением посмотрел на соседа.

– Да я священник из Лазаревской церкви, что на кладбище.

– Ух ты. Батюшка, значит. Как же это? Такой молодой? Да зачем это?

На минуту Нилыч замолчал. Он растерялся от неожиданности и ещё оттого, что Дмитрий нисколько не смущался, говоря о своей службе. Это было непривычно слышать старику, далёкому от Церкви. Наконец, собравшись с мыслями, Нилыч продолжил:

– Дима, ты не обижайся на меня, старого. Поверь, я уж пожил... Ты парень-то молодой, живи-веселись, а не в рясе ходи. Я понимаю, душа там и всякое такое. Когда покойника отпеть, помянуть кого, но в жизни-то это мало кому нужно. Старикам одним, и то тем, кто в Бога верит. А ты ведь так без работы останешься, когда они все помрут.

Священник совсем не сердито посмотрел на Нилыча и ответил:

– Еще послужу, – немного помедлил и вдруг спросил: – А вы, Нилыч, к смерти готовы?

– Что к ней готовиться? Придёт – не спросит, – обиженно пробурчал старик и замолчал.

Этот разговор со священником вновь вернул его к мыслям о смерти. Он задумался. «А как это, готовиться? Узелок собрать, со всеми проститься?

Ну, вот он я, Константин Нилович Петрушин, готов к смерти... Нет, не готов. Жить ещё хочу. Внучка женить, правнучков дожидаться... Да, не об этом поп меня спрашивал, знаю. С чистой ли совестью на тот свет пойду, вот что спрашивал... Ох, малец, в точку попал».

Размышляя так, Нилыч незаметно уснул. Темнота поглотила больничную палату и её обитателей.

3.

Снился ему тот самый госпиталь, бывший до войны школой, где лежал он после ранения. По тому, как тихо вокруг, было понятно, что ещё рано. В рассвете он уловил знакомый силуэт санитарки. Она приближалась к нему. Неясные вначале черты лица её становились всё более чёткими. «Надя, хорошо, что ты здесь, Надя», – зашептал он. Девушка уже собиралась присесть к нему, но вдруг резкий, протяжный крик совы, бесшумно влетевшей в открытое окно, разрушил тишину. Боль стальным стержнем проткнула сердце...

– Нилыч, Нилыч, – услышал он сначала издали, потом всё ближе и, очнувшись, узнал Дмитрия, который держал его за плечо. – Врача позову...

– Не, не зови никого. Сейчас отпустит, – он прижал руку к груди и при-

поднялся на койке. – Даже пот выступил. Замучила меня эта сова.

Священник, всё ещё тревожась, вопросительно поглядел на старика.

– Понимаешь, в детстве меня сова напугала: на кладбище с мальчишками ночью бегали, – объяснил Нилыч. – А сейчас во сне пугает. Как увижу её – так потом сердце колет. Эх, старость...

– А знаете, Нилыч, – задумчиво произнёс священник. – Сова – удивительная птица, любит места, где почти людей нет: кладбища, скиты. Её даже зовут «ночным колоколом», и это правда. Мой дядя, монах, рассказывал, как его и других пустынников на ночную молитву поднимала сова. Он жил в Абхазии, в горах. Представьте: ночь, чёрная бездна ущелья, особая горная тишина, и это безмолвие пререзает тревожный, протяжный крик. Он повторяется, словно удары колокола, снова и снова, – Дмитрий вздохнул и добавил: – Дядя говорил, что так сова зовёт на молитву, на покаяние.

4.

Оба замолчали. Первым заговорил Нилыч.

– Страшно мне, Дима, о смерти думать: есть что там или нет, никто не скажет. Если нет ничего, если пустота и чернота, то жаль, конечно, с родными расставаться, да уж делать нечего, и пожил вволю, и детей вырастил, добром вспомнят люди, и ладно, – старик помолчал. – А вдруг как есть продолжение, другая жизнь? Вон, вы в церкви говорите, что душа-то бессмертная. Вот где страх. Не готов я к этому, про что ты меня давеча спрашивал. Я хоть человек крещёный, и греха большого не делал, а праведником-то не был.

Было у меня в жизни всякое, о чём жалеть и горевать только. И запивал с друзьями, и ругался по-чёрному, работу бросал из-за упрямства своего, бывало, с отцом до хрипоты кричали друг на друга.

Нилыч откашлялся и расправил сбившееся одеяло.

– Дом родной меня к жизни возвращал, человеком делал. Семья у меня, знаешь, хорошая, дружная. Жену свою пальцем не трогал. Её, Лизавету, до сих пор люблю, а живём с ней уж полвека вместе. Она для меня как песня – легко с ней.

С детства дружили, а когда подросли, стал на неё Женька Щавель, шпана местная, заглядываться, проходу ей не давал. Ну, отбил я Лизу-то у него и понял, что дороже этой девчонки для меня нет. Она тоненькая такая, хрупкая была, беззащитная. Жила бедно с мамой одной – отца их, священника тоже, ещё в двадцатых убили. Но, веришь, она не мямля какая-нибудь, в ней стержень, характер такой, ух! От одного взгляда заробеешь, – Нилыч посмотрел на Дмитрия и, убедившись, что тот слушает, продолжил.

– Ну, любовь у нас закружилась, ни дня не могли друг без друга. Вот помню, один раз сидели мы на своём месте, на крыше нашего дома, уж вечер был. Это, я тебе скажу, перед самой войной было. Вот. Железо тёплое, солнце садится, и запах такой терпкий, особый стоял, до сих пор его люблю, вишня цвела. Сидели, значит, а Лиза вдруг голову положила на моё плечо, и волосы её на моей спине оказались, и мы молчали, а я боялся пошевелиться. Меня тогда как озарило, что мы с ней одно целое, что мы друг для друга... Понимаешь?

Ещё помню, как провожала она меня на войну, всё просила крестик надеть. Я его, конечно, взял, но надевать не стал – в карман сунул. Всю вой-

ну с собой носил. А она ещё сказала тогда, что, мол, я за нас молиться каждую ночь буду. И ведь молилась, точно знаю. А теперь скажу, как я в этом убедился. Со мной ведь на войне вот какая история вышла. Никому никогда не рассказывал, а ты слушай...

5.

Шёл одна тысяча девятьсот сорок третий год. Военный госпиталь принимал раненых, среди которых был молодой лейтенант Костя Петрушин. Чудом уцелел. Может, и поглотила бы его братская могила на Курской земле, да друг закадычный на себе с поля боя вытащил. Не поверил он, Витёк Снежин, что Костя мёртвый, так и тянул до своих окопов. Осколочные ранения были серьёзными, крови потерял много, а и врач из медсанбата сказал о раздробленной ноге, что шансов сохранить её почти нет.

Костя сразу же попал на операционный стол, а очнулся только через сутки. Первое, что он увидел, когда пришёл в себя после наркоза, было небо в высоком школьном окне рядом с его койкой. Руки словно налились свинцом, голова казалась огромной, он боялся повернуть её, представлял, что упадёт с плеч. Постепенно звуки возвращали его к жизни. Он слышал скрип соседних коек, торопливые шаги санитарок и негромкие разговоры других раненых. Боковым зрением уловил приближение к нему белого пятна, которое превратилось в молоденькую миловидную медсестру. Девушка, чуть смущаясь, вытащила у него из подмышки градусник, посмотрела на шкалу и весело сказала:

– Хорошо, очнулись, наконец. Теперь будете поправляться. А вот ваш трофей, – она развернула и протянула Косте белый платок, там были осколки.

– Спасибо, а как вас зовут? – Костя увидел интерес в глазах девушки.

– Надя. А вы – Костя, я знаю.

– Надежда, вы подарили мне надежду, – пошутил Костя, совсем осмелев. Девушка хихикнула, положила на тумбочку свёрток и ушла готовить раненых к обходу.

Поправлялся Костя медленно. Врач на обходе только хмурился, но ободрял раненого одними и теми же словами: «Ничего, ничего, молодой человек, мы с вами ещё потанцуем». Нога его ныла так, что Костя скрипел зубами, еле удерживая себя от крика. После уколов боль отпускала, и он всегда ждал прихода Нади, глядя на небо в окне. Он уже знал о девушке всё: что она его ровесница и училась в этой самой школе, а ещё, что у неё есть маленький сынишка и его отца она ждёт с войны, и когда тот придёт, они обязательно поженятся.

Он ничего не говорил о Лизе. Словно жил в другой, параллельной жизни, в которой у Кости Петрушина не было невесты. Да и сам он был каким-то другим.

Стараниями Нади молодой лейтенант начал потихоньку вставать и двигаться, а вскоре выходить в коридор. За месяц молодые люди очень сблизились. Костя всегда подшучивал над Надей, а та делала вид, что смущается. Эта игра скрывала от посторонних глаз настоящие чувства, что всё сильнее притягивали их друг к другу.

Однажды ночью Костя проснулся от какого-то внутреннего толчка и

увидел, что рядом на коленях стоит Надя.

– Ты как здесь? – начал было Костя.

– Тише, – Надя закрыла пальцами Костины губы, и он их вдруг поцеловал. Она погладила его по лицу и, наклонившись к уху, прошептала: – Пойдём со мной.

Они шли по коридору, держась за руки. Меняющиеся чёрные тени облаков на полу бежали им навстречу. От волнения у Кости так громко стучало в висках, что ему казалось, Надя слышит этот стук. Перед дверью с табличкой «Учительская» они остановились, и Надя достала ключ.

В небольшом помещении оставался маленький свободный клочок пола, все остальное пространство было завалено партами почти под потолок. Надя, до сих пор стоявшая спиной к Косте, вдруг повернулась и, приблизившись вплотную, обняла его за шею.

– Ты не думай, что я какая-нибудь, что я с любимым, – она не успела договорить. Костя принялся целовать её волосы, лицо, губы.

Резкий скрип раскрывшейся двери заставил их вздрогнуть и повернуть головы. В проеме, освещённая неяркой коридорной лампой, неподвижно с опущенной головой стояла дежурная медсестра. Она повернулась, лишь на мгновение подняла лицо, бросив взгляд в открытую дверь, и торопливо ушла. Но этого хватило, чтобы Костя узнал в ней Лизу! Это была она! Он был уверен.

Его словно окатила ледяная волна, и в одну секунду перестала существовать и без того тонкая связь с Надей. Она была рядом, её руки по-прежнему обнимали его шею, но вдруг она стала чужой, далёкой для него.

– Прости... Я не могу. Я пошёл, – сказал Костя уже каким-то другим, отстранённым голосом.

На следующий день его не покидало чувство стыда. Случайно он узнал, что у Нади заболел сын и её не будет. Так они больше и не увиделись, потому что Костю на третий день выписали и отправили домой, в родной город. Война для него закончилась. Всю дорогу он думал о ночном видении и задавал себе один вопрос: неужели это была Лиза или только его разгорячённое воображение. Сознание собственной нечистоты поселилось в душе, казалось, навсегда.

На вокзале, с трудом сойдя на перрон, он увидел маму, такую родную, что с трудом удержался от слёз.

– А Лиза, что ж, в медсестры пошла? – спросил Костя, когда та закончила причитать.

– Нет, она на заводе так и работает, уж второй год. А как ты в госпиталь попал, ко мне каждый день ходит, говорит, писем нет от тебя. Ой, да она же сменами поменялась, чтоб тебя встретить, – мать оглянулась по сторонам, и вдруг, пробивая вокзальную толпу, к ним подлетела Лиза.

– Живой, слава Богу, живой! – Повторяла она, радостно глядя в глаза Кости. – Зоя Петровна, какие мы с вами счастливые, – она прижалась к Косте и заплакала.

6.

Нилыч вытер мокрые глаза, закончив свою повесть.

– Сколько лет прошло, а я всё помню про измену свою. Стыдно мне перед Лизой, гадам себя чувствую за то, что мог сделать... А может, это и не измена, ведь не было ничего. Как ты считаешь, отец Дмитрий, грех это? – спросил старик тихо.

– Да, Нилыч. Малых грехов не бывает.

– А Бог меня простит? – ещё тише спросил Нилыч.

– Бог милостив, и я за вас помолюсь. А ещё, придёте вы ко мне в Лазаревскую, а там и причаститесь.

Оба замолчали. За окном прибавлялся шум. Батюшка смотрел на светлое небо и улыбался новому дню.

– А что, Нилыч, думаю, сова-то больше не приснится, – он повернул голову к соседу и замер на полуслове. Нилыч не шевелился.

Священник приподнялся и испуганно всмотрелся в старика, но вскоре успокоился, заметив, как слегка поднимается и опускается скомканное одеяло на его груди, кожа на спокойном старческом лице словно бы разгладилась, дыхание стало глубоким, ровным. Нилыч крепко спал.

Михаил ГРИШИН

Родные люди

Рассказы

Долгая дорога домой

До конца мая было далеко, а жара стояла такая, словно наступила середина лета.

В тот день баба Маня, распахнув настежь двери, варила на веранде мелкую картошку курам. Из чугунок валил горячий пар. Обжигая очерствелые руки и распаренное тёмное лицо, испещрённое глубокими морщинами, как паутиной, старушка суетилась возле газовой плиты, время от времени поглядывая сквозь старенькие кружевные занавески на улицу. Там на зелёной лужайке бродили четыре курицы с петухом во главе, выбирая удобный момент перелететь через ограду на грядки с молодыми всходами.

Жить без своего огородика, пускай по деревенским меркам и крошечного, было совестно перед людьми. Подвижная не по годам сухонькая старушка с рассвета и до позднего вечера копалась в тёплой душистой земле. Привычной одеждой на всё лето у бабы Мани становились светлый линиялый платок, выцветший до непонятного цвета пёстрый халат и калоши на босу ногу. Но всё больше она трудилась босиком, поэтому, должно быть, и дожила до своих 87 лет.

– От, окаянный! – всплеснула баба Маня руками и заторопилась на улицу, прихватив с лавки хворостину. – Вот я тебе задам!

Она спустилась по скрипучим ступенькам, где в щелях проросла трава кукушкины слёзы, трусцой побежала к ограде. На верху частогола стоял петух. Он хлопал крыльями и ликующе кукарекал, зазывая в огород свой гарем.

– Кыш, анчутка! – крикнула рассерженная хозяйка, угрожающе взмахнув хворостинной, и замешкалась, услышав с улицы звонкий голос: «Баб Мань!»

В калитку заскочила соседская девчонка Юлька. Она бежала к старушке, размахивая над головой газетой. Неожиданно запнулась и растянулась на траве, вскочила и опять понеслась к ней, сверкая ободранными коленками. Остановив-

шлись около пожилой маленькой женщины, она сбивчиво заговорила, запыхавшись от быстрого бега:

– Баб Мань, в районной газете про вашего отца дядю Платона Денисова прописали. Его останки нашли в болоте в лесу. Теперь разыскивают его семью. Он погиб в сорок третьем. А при нём письмо было. Вам письмо, баба Мань! Только вы там ещё не баба Маня, а Манечка. Это мне бабушка сказала. А вон и она сама ползёт.

По дороге ковыляла престарелая Феня, грузная, когда-то энергичная, а теперь оплывшая старуха старше своей подруги на два года. Опираясь перед собой на клюку, она торопилась, но быстро задыхалась и останавливалась передохнуть. Только терпения ждать не хватало, и она ковыляла дальше, что-то бурча себе под нос.

– Это как же? – спросила непонимающе баба Маня и беспомощно поглядела на Юльку, ища у неё поддержки. – Нам ведь сообщили, что он без вести пропал.

– Тогда пропал, – объяснила конопатая девчонка, – а теперь вот объявился. – Она быстро развернула газету и значительно ткнула пальцем в страницу с тёмной нечёткой фотографией парня в военной форме с лётными петлицами. – Тут и фото его пропечатано. Гляди вот.

– Погодь трошки, – потерянно пробормотала баба Маня, чувствуя, как одряхлевшее тело охватило озноб и почти отнялись натруженные за утро ноги. – Погодь.

Старушка покачнулась, но подскочила Юлька и ловко подхватила её под руку.

– Ты чего, баб Мань, – сказала она с упрёком, – радоваться надо.

– Я и радуюсь, – ответила сквозь слёзы старушка и, заботливо поддерживаемая девчонкой, осторожно двинулась к скамейке, шаркая калошами по траве. С трудом доплелась до цветущей сирени и обессиленно опустилась на скамейку, разрисованную недавно четвероклассницей Юлькой весёлыми голубенькими цветочками.

К тому времени успела доковылять и баба Феня. Престарелые подружки обнялись и заплакали в голос, каждая приговаривала что-то своё, наболевшее за годы.

– Ну, вот ещё, – сказала недовольно Юлька, – разревелись. А ну хватит, – прикрикнула она и топнула ногой в сандалете, – а то сама зареву... как... как корова.

От её грозного окрика старушки сразу пришли в себя, стыдливо вытерли слёзы и попросили Юльку, школьную отличницу, прочитать им, что прописано в газете о геройской смерти Платона Денисова.

– Он ведь лучший друг был моего папы, – сказала бабушка Феня, – а твоего прадедушки Митрия. Почитай, Юльк, ты у нас самая глазастая.

Старушки уважительно подвинулись, уступая ей место. Юлька села, поджав серьёзно губы от порученного ей дела, деловито развернула газету и принялась с выражением читать статью корреспондента из районной газеты «Трудовая нива».

«Осенью прошлого года в ходе вахты памяти поисковики отряда «Русь» в глухом лесу Смоленской области в болоте обнаружили часть фюзеляжа самолёта и останки пилота, парашют, пистолет, нож и документы. Остатки лётного шлема с фрагментами черепа и прядь русских волос. К счастью, сохранился медальон с запиской. Из неё-то и узнали, что это наш земляк старший лейтенант Денисов Платон Лукьянович. В планшете среди документов находилось частично истлевшее письмо пилота к жене и дочери, пролежавшее в сырости более семидесяти восьми лет. Благодаря специалистам из отдела криминалистики были восстановлены некоторые слова, с любовью написанные офицером маленькой дочери: «Манечка, всегда помни... сражался с фашистской нечистью... капли крови, до последнего вздоха за тебя, моя детка... маму. Если я погибну... может произойти в любой момент... мама ещё молодая, выйдет замуж... у тебя другие сестрички и братики, но знай, что я тебя любил и люблю... у меня, кроме тебя, никого нет и уже не будет. Не забывай меня, люби маму».

Юлька окончила читать и всхлипнула. Это послужило сигналом и старушкам, которые всё это время крепились: они зарыдали уже по-настоящему. Юльке стало страшно, она убежала в горницу к бабе Мане. Там уткнулась мокрым лицом в мягкие нарядные подушки и дала волю слезам, думая о незнакомом ей молодом и красивом парне дяде Платоне, от которого остался только клочок его волос. Через форточку в дом тянуло из сада мирными запахами сирени и цветов, отчего её маленькому сердечку становилось ещё горше.

Первой из подружек перестала рыдать баба Маня. Она тяжело вздохнула, вытерла кончиком платка красные глаза, высморкалась и с чувством заговорила:

– Уж так я сегодня в сладость наревелась за папаню, что он нашёлся. Прямо гора с плеч. Помню, когда он приезжал на побывку по ранению, куклу смастерил мне из поленицы. Долго я её берегла, уже замужняя была, а всё в куклы как бы игралась. Бывало, наряжу её, а мой Федя давай надо мной подтрунивать, мол, свой уже дитя имеется, а ты со своей куклой возишься. Не по злобе, конечно, говорил, шутейно. Понимал, что папина память. А когда Федя купил нашей Нюрашке настоящую куклу, моя куда-то запропастилась. Обиделась, должно быть, и ушла куда глаза глядят.

Баба Маня тихонько засмеялась и, играясь, сухоньким плечом не сильно толкнула подругу. Та сидела, неестественно выпрямившись, глядя в пространство перед собой высветленными от старости глазами, положив тяжёлые натруженные руки на колени.

– Не горюй, Феня, на том свете скоро сами с родителями нашими встретимся, будет чего им рассказать. Ты-то, конечно, полегче прожила с отцом. Он хоть и в танке горел, и лицом был весь обожжённый, зато живой вернулся. Да он и мне был как отец, никогда не обижал, иной раз и гостинцами угощал. Маманя всё ждала отца, надеялась, что придёт, а когда ждать перестала, тут и самой сорок пять стукнуло, никому уже и не нужна стала. Так вдовой и прожила. Э-эх, горюшко горькое.

Баба Феня слегка отслонилась и поглядела на неё с таким выражением, будто впервые видела.

– Мань, – сказала она, – я же не с луны свалилась, чтоб ты со мной этим

делилась. Мы с тобой всю жизнь по-соседски прожили, я тебя знаю как облупленную.

– Что-то воспоминания нахлынули, – повинулась баба Маня и опять заплакала.

Хоронили Платона Денисова на Радоницу, так совпало. Баба Маня сочла это добрым знаком, потому что в этот день принято ходить на кладбище, чтобы почтить память покойных родителей.

С утра прошелестел быстрый весёлый дождик, прибавив пыль, оживив сочную зелень. В умытом небе появилась яркая радуга. Она нежно переливалась всеми цветами, и мелкие лужицы на проезжей дороге блестели на солнце, как зеркало.

Баба Маня волновалась, собираясь на траурный митинг. Ещё не было в деревне случая, чтобы пропавший без вести в Великую Отечественную войну солдат вдруг нашёлся и вернулся домой через столько лет. Тем более этим погибшим героем был её родной отец.

Старушка принарядилась так, как обычно одевалась, идя на люди. Аккуратно повязала голову цветастым платком, надела вязаную голубую кофту, шерстяную коричневую юбку и утеплённые резиновые калоши, чтобы было удобно больным ногам. А ещё не забыла нацепить на впалую грудь медаль «Ветеран труда».

Нарядная баба Маня уже собралась выходить из дома, но вспомнила, что не прихватила с собой цветов. Они росли у неё повсюду, радуя глаза не только ей, но и прохожим. Ругая себя за забывчивость, она нарвала букетик алых, как кровь, тюльпанов, вышла на улицу, где уже чувствовалось оживление, и торопкой походкой направилась на «верхи». Так у них в деревне по старинке называли центральную часть, где ещё сохранились кое-какие учреждения: сельский совет, магазин, клуб да школа-восьмилетка.

Сегодня же баба Маня устремлённо прошла мимо, туда, где впереди виднелась берёзовая аллея, которая вела к мемориальному комплексу павшим воинам. На ней располагалась бронзовая скульптура коленопреклонённого солдата в плащ-палатке, склонившего обнажённую голову. За его спиной на гранитных плитах были высечены фамилии не вернувшихся с войны односельчан и гранитная стела с пронзительными словами «Никто не забыт, ничто не забыто». Когда старушка это читала, её бросало в дрожь от их значимости.

Баба Маня прибавила ходу, издали увидев разноцветную людскую толпу, выстроившуюся плотными рядами вдоль вымощенной тротуарной плиткой дорожки. Все ждали машину с гробом. Подойдя ближе, она с удивлением отметила, что здесь собрались не только свои сельчане, но также и чужие из ближних деревень. Никто из них не мог знать её отца, кроме подруги Фени да престарелого глухого старика Мефодьева. Тем поразительнее было видеть такое единение. Баба Маня расчувствовалась и заплакала, прикрывая ввалившийся рот дрожащей ладошкой, почерневшей от каждодневной работы.

– Мария Платоновна! – окликнули её, и стремительной походкой подошла Ольга Васильевна, глава сельской администрации.

Сегодня она выглядела подчёркнуто торжественно, а не как в будние дни,

и баба Маня не сразу её узнала в строгом синем костюме и на высоких каблуках. Прежде она работала учительницей русского языка, а теперь занимала руководящую должность.

– Здравствуйте, родная! – протяжным голосом сказала уважительная Ольга Васильевна, обняла и троекратно прижалась своей тугой щекой к морщинистой щеке старушки, стараясь не испачкать её в розовую помаду. От неё приятно пахло духами, и баба Маня слегка успокоилась.

– Пойдёмте со мной, – сказала Ольга Васильевна, осторожно взяла старуху под руку и повела к группе мужчин, стоявших у стола, покрытого красным сукном. Среди них находился один военный в звании полковника с орденами и медалями на кителе. Баба Маня догадалась, что это был военный комиссар района. Он чётко козырнул, а потом неожиданно взял её руку и прилюдно поцеловал в ладонь, словно барышне. Баба Маня настолько растерялась, что не успела вовремя отдернуть, засовестилась и, должно быть, впервые со дня её свадьбы с Фёдором, где пьяная родня заставляла их целоваться, покраснела.

– Держитесь, Мария Платоновна, – сказал полковник. – Война давно закончилась, а погибшим героям и сегодня покоя нет. Что уж говорить о живых людях, которые потеряли в этой ужасной войне своих близких. Низкий вам поклон.

– Везут, везут, – вдруг скорбно прошелестело по толпе, и люди взволнованно колыхнулись, словно спелая пшеница на ветру, а затем раздался дрожащий голос старика Мефодьева, который, натужась, сипло выкрикнул: – Вот он, наш дорогой земляк! – и сразу же, не сдержавшись, заплакали женщины.

Напротив аллеи остановилась грузовая «газель» с открытыми бортами. В кузове, на ковре из зелёных еловых веток, стоял небольшой бархатный гроб с мощами. Он был накрыт красным флагом – копией знамени Победы – с золотым тиснением в углу серпа и молота.

– Папа! – невольно вырвалось у бабы Мани.

Она подалась вперёд, но Ольга Васильевна крепко держала её за руку.

Тем временем от машины в их сторону двинулась траурная процессия. Впереди шла девушка в юнармейской форме бежевого цвета в красном берете с эмблемой орла. Она держала на вытянутых руках истлевший офицерский планшет, лётный шлем, на котором лежали три гвоздики. За ней девушка-юнармейка на бархатной подушечке несла потускневшие фронтовые ордена Красной Звезды и Красного Знамени, а другая девушка – большую фотографию улыбчивого парня с непокорным чубом. Следом шёл солдат в гимнастёрке, галифе и пилотке с красноармейской звездой, прижимая к груди автомат «ППШ». Далее слаженно двигались четверо десантников с автоматами Калашникова, неся на плечах красный гроб с останками. Вокруг стояли люди в скорбном молчании, склонив обнажённые головы.

Гроб поставили на стол, тут же поместив награды и фотографию, начался митинг. Много было сказано хороших слов о павшем в бою старшем лейтенанте Платоне Денисове. А потом взял слово военный комиссар, который с болью и гневом долго обличал фрицев за их вероломное нападение на страну и страдания, причинённые советскому народу.

– И если сегодня возникнет военная угроза со стороны любого государства,

наши доблестные солдаты грудью встанут на защиту своей Родины, как когда-то сражались их деды против нацистской нечисти, – горячо закончил он свою речь.

Баба Маня всхлипнула, дрожащей рукой положила завявшие тюльпаны на гроб и, вдруг страшно заголосив, припала к нему, обняв отцовы останки в последний раз. Все застыли, поражённые увиденным, и лишь осмелилась подойти одна Юлька, робко стоявшая в сторонке с бабушкой.

– Баб Мань, – захныкала она и потянула старушку за руку, – не надо-о-о.

– Не буду, – всхлипнула баба Маня и погладила Юльку по голове. – Не буду, моя хорошая.

Гроб разместили в глубокой нише около скульптуры, залили бетоном. Десантники произвели из автоматов салют тремя залпами. Руководители района возложили венки и нестройной толпой подошли к старушке. Они передали ей награды, найденное письмо, лётный шлем и офицерский планшет, сказали ободряющие слова и уехали. После воинских почестей стали потихоньку расходиться и другие, остались только баба Феня и Юлька.

– Вы тоже идите, – тихо попросила баба Маня, – а я ещё здесь побуду со своим папаней. Много мне надо ему рассказать.

У выхода из аллеи Юлька оглянулась: баба Маня, жалко сторбившись, сидела на гранитных плитах и, вытирая платком глаза, что-то говорила дрожащими губами бронзовому солдату. И было похоже на то, что солдат внимательно прислушивался к её словам, наклонив к сухонькой старушке голову с непокорным чубом.

Родные люди

Сегодня в доме у Серёги Кулеватова праздник, ждали дочь Ленку с уха-жёмом.

В ожидании молодых расфранчённый Серёга, волнуясь, слонялся по двору, сунув руки в карманы. Новая рубашка с неудобным твёрдым воротником быстро натёрла загорелую шею, а узкие, обтягивающие тощий зад брюки сидели на нём, как на последнем пижоне, что стыдно было перед соседями. Да и чёрные туфли, сияющие на солнце лакированным кожзамом, требовали постоянного присмотра. Как он ни старался аккуратно наступать, всё равно приходилось каждые полчаса вытирать пыль свежим носовым платком. Одно мучение.

И всё из-за жены Ольги, которая прямо помешалась сегодня на чистоте. Но вообще-то её понять можно: не каждый день дочь приводит домой парней для знакомства. Вдруг случится так, что он зятем станет, тут в грязь лицом никак нельзя было ударить. Серёга это понимал и терпел.

Но беспокоило его совсем не это. На деревне Кулеватов имел репутацию человека рискованного, отчаянного до безрассудства: было дело, когда он один скрутил троих оборзевших хулиганов. Срочную службу Серёга ломал в ВДВ, и для него разбить кирпич голой рукой – плёвое дело. Он до сих пор хранит на почётном месте в красном углу под старинными образами голубой берет и тельник.

А тут вдруг непонятно с чего струхнул, аж стыдно за себя стало. Дождав-

шись, когда жена Ольга отлучилась к соседке за какой-то безделушкой, чтобы украсить своё платье, Серёга – будто он и не хозяин в доме – метнулся к холодильнику. Распахнув дверцу, торопливо налил стопку свойского самогона, настоящего на рябине, и быстренько выпил для храбрости. Закусывая свежим огурцом, чтобы отбить запах, Серёга как ни в чем не бывало вышел на порог и с удовольствием огляделся. В небе светило солнце, в кустах сирени пели птички. Хорошо!

– Чего стоишь, глаза лупишь? – заполошным голосом закричала на мужа Ольга, которая уже бежала от соседки с брошью в руке. – Лучше бы на дорогу вышел да поглядел, не видно ли там наших?

Серёга сунул руки в карманы и независимой походкой отправился смотреть машину. Улица, заросшая пышными кустами сирени и акации, в глубине которых прятались частные дома с одинаковыми красными крышами, была пустынна. Лишь у калитки старика Пронькина в пыли возились куры.

– Ну?! – окликнула Ольга, высунувшись уже из окна.

Серёга дурашливо приложил ладонь козырьком к глазам и, подавшись вперёд, с усердным видом принялся вглядываться в конец улицы.

– Ещё ёрничает, – обиделась Ольга и, прежде чем опять скрыться внутри, выкрикнула: – Клоун!

Из вчерашнего сумбурного разговора с дочерью по телефону Серёга с женой поняли лишь одно: Ленка приедет в гости со своим парнем. От такой новости супруги как-то растерялись, но потом взяли себя в руки, и Серёга даже предложил встретить их на своей машине, стареньком, но неубиваемом «Жигуле-семёрке».

– Не парьтесь, – рассмеялась в телефон счастливая Ленка. – Есть у него машина. Ваше дело встретить своего будущего зятя достойно.

Серёга, вспомнив их разговор, сокрушённо мотнул головой и уже собрался идти в дом, как вдруг увидел вдалеке подходящую под описание иномарку. Она приближалась на большой скорости, следом клубилась пыль. Куры старика Пронькина бросились спасаться в сад. Они громко кудахтали и лихорадочно махали крыльями.

– Мать! – не своим голосом заорал перепуганный не менее кур Серёга и тоже побежал к себе в сад, беспорядочно размахивая длинными руками. – Наши едут!

На порог тотчас выскочила в нарядном платье Ольга. Её полные щёки полыхали искусственным румянцем, круглые глаза в обрамлении чёрных ресниц и зелёных теней были похожи на два варёных яйца. «Вот уж кто клоун», – мимоходом подумал Серёга, но промолчал: не хватало ещё устроить скандал при молодых. Жена совсем ошалела от страха: колыхая объёмными грудями с блестящей на солнце брошью, она заметалась, не зная, куда сунуться.

– Быть может, с иконой надо встретить? – спросила она, умоляюще глядя на мужа. – Или лучше хлебом с солью? Да что ж ты молчишь-то, паразит этакий?

– Не шебурши! – строго сказал Серёга. – Встретим не хуже людей.

Тем временем к усадьбе подкатил чёрный джип «Чероки», носом упёрся

в ворота, и водитель требовательно посигналил, вмиг настроив супругов на деловой лад.

– Открывай, – распорядилась Ольга, и Серёга ощутил чувствительный тычок кулаком в бок. – Чего стоишь?

Серёга услужливо распахнул ворота, и подержанная иномарка по-хозяйски въехала во двор. Из неё выскочила Ленка, с визгом кинулась матери на шею. Следом, стеснительно улыбаясь, выбрался высокий чернявый парень, чем-то похожий на Серёгу в молодости. Кулеватов мигом вспомнил недавнюю передачу из телевизора. В ней один умный человек в галстук рассказывал, что дочери обычно выходят замуж за парней, которые напоминают им отцов. Не зря, видно, говорил: сколько Серёге пришлось претерпеть, пока дочь превратилась из гадкого цыплёнка в писаную красавицу.

– Как доехали? – спросил он вежливо, не желая выглядеть в глазах Ленкиного ухажёра неотёсанным деревенским жителем и тем самым её позорить. – Не хотите с дороги отдохнуть?

– Не устали, – засмеялся парень, ощерив крепкие зубы, и длинными музыкальными пальцами (Серёга успел отметить его ухоженные до неприличия ногти) по-бабски элегантно зачесал волосы назад. – А у вас тут хорошо, – он обвёл Кулеватовский двор заинтересованным взглядом, – есть где развернуться.

Тем моментом Ленка, по-быстрому расцеловавшись с матерью, торжественно объявила родителям:

– Это мой Максик! Между прочим, тоже служил в десантных войсках, – похвалилась она перед отцом. – Так что вам будет о чём поговорить.

– Ну что ж, – со вздохом сказал Серёга и неловко сунул парню свою натруженную ладонь, – будем знакомы.

Рукопожатие у молодого человека оказалось неожиданно крепким, и Кулеватов его сразу зауважал. Прежняя натянутость исчезла, он почувствовал облегчение.

– Думаю, мы подружимся.

– Папулечка, – восторженно заверещала Ленка, – ты прелесть!

Обедали на веранде, в холодке, при распахнутых настежь окнах.

– На свежем воздухе, Максимушка, – рассыпалась перед ним в любезностях Ольга, как видно, уже примеряя на себя роль гостеприимной тёщи, – аппетит всегда лучше. Ты кушай, кушай, а то уж больно худющий. Прямо какой-то недокормленный. – Догадавшись, что сболтнула лишнее, она тотчас замолкла, испуганно взглянув на Серёгу, у которого от такого невежества аж лицо перекосило.

– А зачем мне жирный муж, – своенравно заявила Ленка. – Он должен быть крепким, как мой папа.

Серёге с Максимом было о чём вспомнить, да в разговор опять встряла Ольга, которая, по всему видно, уже почувствовала себя полновластной тёщей и хотела знать все подробности о зяте. Впрочем, и самому Серёге было любопытно услышать, как он дальше собирается жить и на что содержать любимую жену.

Работа на дому фрилансером Кулеватову ни о чём не говорила, а вот то, что парень держит на рынке две торговые палатки, Кулеватов одобрил. Это означало, что он стоит на ногах крепко и волноваться за будущее Ленки не стоит.

Посидев ещё какое-то время за столом и побеседовав о том и о сём, Серёга с Максимом вышли во двор, оставив Ленку с матерью шушукаться наедине. По-свойски приобняв новоиспечённого зятя за плечи, Кулеватов уже настроился на долгий и обстоятельный разговор о современной армейской службе, как Максим вдруг совсем не в тему спросил:

– Дядь Серёж, а вы не пробовали какую-нибудь живность разводить на продажу? У вас такой обширный двор.

Кулеватов, не ожидавший от городского парня подобного интереса к сельскому хозяйству, смешался, затем растерянно произнёс:

– Кроликов раньше водили. А как околевать стали непонятно от чего, мы их и перевели всех.

– Плохо, – посочувствовал Максим, помолчал, что-то соображая, и неожиданно такое выдал, что Серёгу чуть сердечный удар не хватил: – Надо страусов разводить. Было бы желание.

Серёга заметно стушевался. Извиняющимся тоном за свою нерасторопность, словно провинившийся мальчишка, невнятно промямлил:

– Н-не подумал.

– Думать надо всегда, – нравоучительно изрёк Максим. – На то и голова имеется.

Разговор явно принимал неприятный для Серёги поворот: он-то всегда считал себя настоящим хозяином, а на поверку оказался самым обычным неудачником. Чтобы хоть как-то реабилитироваться в глазах продвинутого зятя, Кулеватов одобрительно посмеялся над его затеей:

– Это ты здорово придумал!

Максим вдруг озабоченно остановился посреди двора, достал из заднего кармана джинсов смартфон и принялся что-то быстро на нём подсчитывать. Через минуту он сунул под нос оторопевшему Серёге экран с окончательными цифрами.

– Думаю, тысяч шестьсот хватит на раскрутку. Потом мясо пойдёт, страусята, яйца.

Серёга вспомнил, как вчера он зарубил курицу, которую сегодня они съели за один присест, и целую сковороду яичницы из десятка яиц. Громадный же страус ни в какое сравнение не шёл даже с самыми упитанными курами, а о яичнице, которую можно сварганить из одного яйца на всю семью, и говорить нечего.

– Это ж целая гора добротного мяса, – заволновался Серёга и принялся энергично замерять шагами расстояние до забора, чтобы прикинуть размеры загона для страусов. – Стоящее дело ты придумал, зятек, – похвалил он парня и по-отечески похлопал по плечу. – Ещё бы узнать, откуда деньги достать.

– Ну, это как раз не проблема, – обнадёжил Максим, с интересом приглядываясь к опустевшим кроличьим клеткам. – Составлю бизнес-план, всё обо-

сную, обратишься с ним в районную администрацию, они и выделят нужную сумму. Не такая она уж и большая. Индивидуальное предпринимательство сейчас поощряется. А тут страусы, это ж для деревни настоящая экзотика.

Серёга дрожащими пальцами извлёк из пачки сигарету, осекавшимся от волнения голосом предложил:

– 3-закуривай... сынок.

– Не курю, – отказался, поморщившись, Максим. – И вам не советую, перевод деньгам.

Серёга бесцельно покрутил в пальцах сигарету, затем безжалостно смял её и выбросил в траву.

– На блюде с голубой каёмочкой, – нервно хихикнул он, а на недоумённый взгляд парня, смутившись, ответил: – Проехали.

В администрации Кулеватова встретили не то чтобы с распостёртыми руками, но уважительно. С ним долго беседовали солидные люди в пиджаках, въедливо интересуясь его дальнейшими планами, важно хмыкали, значительно переглядывались. Вначале он заполнял какие-то документы, потом они заполняли на компьютере, затем Серёга продолжительное время расписывался своим корявым почерком на нескольких листах, даже рука с непривычки устала.

Процедура оформления необходимых документов растянулась на весь день. Серёга уже начал жалеть, что ввязался в столь безнадёжное дело, когда его, наконец, вызвали к самому главному начальнику. Такие персоны Кулеватов определял сходу, потому что перед ними всегда все лебезили.

– Похвально, что вы надумали разводить страусов в нашей средней полосе, как в Африке, – радушно встретил его упитанный хозяин кабинета, с интересом взглянув на Серёгу поверх затемнённых очков в позолоченной дорогой оправе. Он был в белой рубашке с подсученными рукавами, зато в галстук цвета российского флага. Его довольно приличное брюшко упиралось в край стола. Этот важный господин взял из малахитового прибора чёрную блестящую ручку с золотым пером и на глазах Серёги размашисто расписался в документе. Затем кончиками пальцев подвинул к нему папочку и по-отечески добродушно сказал: – Не откажусь, если к Новому году мясца мне страусиного подкинете. Так сказать, на пробу, на жаркое. Можно и яичек с десяток штук. Уж ты не пожадничай, – неожиданно закончил он свою просьбу на фамильярной ноте и как-то нехорошо, со значением посмотрел на Серёгу

«И без того выглядишь как боров», – зло подумал Серёга и под столом незаметно показал ему кукиш. На виду же он с готовностью улыбнулся, давая понять, что шутку принял, пробормотал что-то невразумительно и поторопился быстрее убраться восвояси, пока другие с подобными просьбами не обратились. У Серёги ещё и в наличии не было никаких страусов, а этим хапугам уже вынь да положи. Ну и деятели!

Ферма, где разводили страусов, находилась за тысячу вёрст от деревни. Серёге пришлось изрядно понервничать, пока он добирался туда на машине, которая от ветхости уже не была предназначена к дальним поездкам. Но всё обошлось, и теперь он с радостным лицом пылил по своей земле, по родному

грейдеру. В салоне играл старенький кассетный магнитофон, а в трёх картонных коробках из-под бананов пищали крошечные страусята. Задние сиденья Серёга предусмотрительно оставил дома, чтобы «мелким» был простор и они не задохнулись в тесном багажнике.

– Башковитый нам зятёк попался, – всё не мог он нахвалиться Максимом. – Повезло Ленке. Немного раскручусь и новую иномарку себе куплю. – В мыслях Серёга уже бойко торговал мясом, кожей, яйцами, жиром, которые уходили на расхват. – А что, законно, имею полное право.

Заморские жители оказались едоками не привередливыми. Они с аппетитом уплетали не только комбикорм и клевер, но и капусту, свёклу, морковь и даже мелкую гальку. За полгода, к концу декабря, страусы вымахали ростом Серёге по грудь, правда, достаточного веса ещё не набрали, чтобы угощать мясом того деятеля из администрации. Впрочем, он и не собирался этого делать, потому что работал на перспективу: ждать потомство предстояло долгих два года.

– Гренадёры! – восхищался Серёга, глядя, как страусы бегут к нему через весь вольер, чуть завидя его с ведром комбикорма. При этом они были очень похожи на весёлую компанию подростков: с любопытством вытягивали шеи, тарачили на него выпуклые глаза, и казалось, что хитрые их мордочки улыбаются. – Вы мои хорошие!

Тем сильнее было разочарование, когда вдруг выяснилось, что все пятнадцать особей самцы. Мечта о том, что у него появятся свои новорождённые страусята, рухнула в один момент. Думать о том, что его – начинающего фермера – намеренно обманули, не хотелось. А вскоре подоспела и другая неприятность. Серёге ли не знать, что беда, как правило, одна не ходит: неожиданно нагрянули с проверкой из администрации. Проверяющие оказались людьми прожжёнными и сразу выявили в его хозяйстве вопиющее нарушение: не было в договоре такого пункта, чтобы разводить одних самцов. Они не стали особо церемониться с новоиспечённым фермером, запросили деньги назад, да ещё пообещали оштрафовать. С тем и уехали.

– Не было беды, – пробормотал расстроенный Серёга, проводив печальными глазами дорогой внедорожник чиновников из районной администрации, – так купила баба поросля.

С белёсого, выцветшего неба пересыпал тихий невесомый снежок. Сегодня было Рождество, воскресенье. Серёга стоял у вольера, впрочем, как и вчера, и в тот день, и днями ранее, неотрывно глядел на страусов, и сердце его ныло от такой несправедливости.

Красивые птицы величественно вышагивали по мелкому снегу, слегка присыпанному свежей соломой. Найти покупателей на всё стадо было нереально. Даже забить на мясо и продать – всё равно всех денег сразу не вернуть. По всему видно, надо будет брать кредит.

Кусая от бессилия очерствелые от постоянного пребывания на морозном воздухе губы, Серёга крепился, чтобы не заплакать. Вдруг кто-то тронул его сзади за плечо. Кулеватов обернулся: за спиной стоял Максим, который приехал с

Ленкой, а он и не слышал. Он молча протянул ему пачку пятидесятирублевых купюр, туго перетянутых резинкой.

– Это что? – не понял Серёга.

– Деньги, – просто ответил Максим. – Я подумал, что вам они нужнее. Здесь хватит рассчитаться с администрацией и по весне купить несколько самоцветов. Да вы берите, дядь Серёж, – предложил он уже более настойчиво, видя нерешительность Ленкиного отца, и, чтобы тот не отказался, привёл веский аргумент: – А палатки я давно хотел продать.

Серёга порывисто притянул к себе парня и крепко обнял.

– Я верну, – пообещал он. – Железно.

У веранды стояли Ленка с матерью и, расчувствовавшись, плакали, глядя на родных им людей.

Варвара и Чуня

Живём мы по соседству с Дмитрием Николаевичем, наши дворы разделяет лишь невысокая оградка. Мужик он собой упитанный, с большим животом, с обвислыми жировыми складками по бокам, но характером весёлый. С ранней весны и до поздней осени сосед ходит по двору в одних облезлых бежевых шортах и в синих сланцах. Всегда что-нибудь напевает себе под нос, точнее, мычит, не открывая рта.

Несмотря на свои внушительные габариты, Дмитрий Николаевич всё время находится в движении: то по дороге сорняк выдернет на грядке, то берёзовый чурбан расколется на дрова, чтобы вскорости побаловать себя шашлычком, то из лейки поливает клумбу, а то задержится около недавно вкопанного дубового столба, пытаясь его раскачать, определяя надёжность. Одним словом, человек он очень хозяйственный и во дворе всюду блюдет порядок, всё у него на месте: и лопаты, и грабли, и другой необходимый в личном хозяйстве инвентарь.

Иногда мы с ним сходимся на дальнем участке, где ограда отсутствует, только тянется неширокая стёжка, заросшая травой с яркими жёлтыми одуванчиками. Убрать стёжку, чтобы соорудить здесь ограду, нам жалко: крошечная, зато девственная природа. Там у нас располагается столик из пня размером в обхват, и два чурбака поскромнее, чтобы сидеть. Изредка мы пьём пиво с раками или вкусную наливку собственного изготовления – Дмитрий Николаевич работает директором ритуальной военно-мемориальной компании и ни в чём себе, родному, не отказывает. Закусываем мы сочным зелёным луком прямо с грядки, свежими пупырчатыми огурчиками да спелыми помидорами, которые на разломе становятся, будто подёрнутые изморозью.

Лет десять назад как раз за неделю до празднования Дня Победы и произошла эта удивительная история. В то давнее теперь время мы с соседом привычно сошлись у стёжки: он принёс с собой графинчик с наливкой, я тарелку с закуской. Приняв на грудь граммов по пятьдесят для придания разговору большего смысла, мы стали общаться.

Сидим на природе, беседуем, вокруг жизнерадостно поют птицы, светит

тёплое солнце. Настроение у нас – лучше не бывает. И вдруг Дмитрий Николаевич начинает мне жаловаться: мол, много заказов на установку надгробий ветеранам войны, людей не хватает, не справляются, потому как всем родственникам, а особенно престарелым жёнам ветеранов, которые сами на ладан дышат, и их взрослым детям хочется обязательно успеть ко Дню Победы.

– Который уже день ломаю над этим голову, – вздохнул он тяжело, качая головой от досады. – Всем угодить хочется, а что делать, ума не приложу.

– Может, мне подрядиться? – пошутил я и скоро пожалел о своих словах.

– А что, – сразу загорелся хозяйственный Дмитрий Николаевич, – делать тебе в саду всё равно пока нечего. Да и от книг своих отдохнёшь. Антон Павлович Чехов, на что уж был известный писатель, а и тот говорил, что самый счастливый день, когда он не пишет. Мозгам тоже, – он внушительно постучал себя согнутым пальцем по выпуклому лбу, – отдых нужен. Не обижу, хорошо заплачу. Там всего и осталось сорок памятников, дня за три управитесь. Их ставить недолго, разве переезды из деревни в деревню, да это и приятно по такой погоде-то. Ну, так что?

«Может, мне и правда согласиться, – подумал я. – Человек он хороший, почему не уважить, да и денег много не бывает. Ну и голова отдохнёт, это уж само собой».

Мы ударили по рукам, закрепив наше соглашение очередным стаканчиком наливки.

Наутро я отправился в общежитие к своему знакомому Олегу Чуняеву по прозвищу Чуня. Он был младше меня лет на шесть, когда-то мы вместе работали на механическом заводе и с давних тех пор поддерживали с ним кое-какие дружеские связи. Чуню я застал лежащим на продавленном диване с закинутыми за голову мускулистыми руками. Он безучастно смотрел красными припухшими глазами в потолок и даже на меня не взглянул.

– У тебя дверь открыта, – сказал я, вобрав быстрым взглядом безутешную обстановку комнаты: пустые ряды бутылок из-под пива и водки и неподвижное тело самого хозяина. – Страдания молодого Чуняева? – спросил я, присев к нему на диван.

Но страдал Чуня, как выяснилось, не с похмелья, а оттого, что месяц назад его бросила жена Анжела, уйдя с их сынишкой Ромкой к другому мужчине, имеющему в собственности трёхкомнатную квартиру в «хрущёвке».

Страдания были вполне обоснованны, и я лишь сочувственно вздохнул, сразу перейдя к делу. Чуня спокойно выслушал меня, принял холодный душ, и мы уже вместе отправились к нашему общему знакомому Петровичу. Его так все и звали – Петрович да Петрович. Он имел старенький грузовой МАЗ, доставшийся ему после распродажи имущества обанкротившегося завода. Там пятидесятилетний Петрович отработал водителем большую часть своей жизни.

Нашего знакомого мы нашли возле заброшенной промышленной зоны. Здесь находился отстойник для грузовых машин, автокранов, тракторов и другой техники. Их владельцы без дела слонялись по площадке в надежде заполучить хоть какой-то заказ.

– Я в деле! – обрадованно заявил Петрович, который уже неделю не был востребован со своим МАЗом. – Парни, дайте я вас расцелую!

Выехали мы из областного центра, чуть забрезжил рассвет, рассчитывая в первый же день успеть установить несколько памятников на близлежащих деревенских кладбищах. Всё необходимое для этого мы загрузили ещё с вечера: стелы с художественными портретами и эпитафиями, подставки под них, цветники, песок, щебень, цемент, арматуру и короткие швеллеры.

Дымчатые облака на восходе, подсвеченные снизу розовым только что пробудившимся солнцем, сказочно блистали. В кабине играла музыка, за окнами проносились смешанные леса, голубые с прозеленью реки, обширные поля и величественные дали, слегка смазанные белёсым туманом вперемешку с фиолетовым маревом. Я ни капли не пожалел о своём решении, впечатлённый окружавшей нас красотой.

Дмитрий Николаевич не обманул: сложного в установлении памятника действительно ничего не было, мы управлялись с одним надгробьем в среднем за час. Пока кто-нибудь из местных предупреждал хозяйку или родственников о нашем приезде, мы ехали на кладбище, выгружали стелу, цветник и готовили цементный раствор. Некоторые затруднения возникали, когда могила находилась далеко от входа. Тогда приходилось нести тяжёлую гранитную стелу через всё кладбище, неудобно пробираясь между тесно примкнувшими друг к другу высокими оградами, а то и могучими деревьями с грациными на них гнёздами, похожими на мрачные чёрные наросты. Но скоро мы и с этим наловчились справляться.

К концу третьего дня у нас остался последний памятник. Петрович нашёл на карте области отдалённую деревеньку Змеёвку, которая располагалась от асфальтовой дороги на расстоянии шестидесяти километров по грунтовке. Туда-то и надо было его доставить. Чтобы сократить путь и тем самым сэкономить солярку и время, мы надумали добираться до деревни полями, краем берёзовых посадок.

Овраг по дороге мы проехали без труда, затем остались позади небольшой сосновый бор и песчаная насыпь, а вот переехать мелкую на вид лужу нам не повезло: забуксовали крепко. Мы и ветки под колёса подкладывали, и толстые сучки, и сухой хворост, всё было напрасно.

– Живут же люди в такой глухомани, – с досадой сплюнул Петрович, едва не плача от жалости за свою кормилицу-машину. – Как у чёрта на куличках!

Дело наше действительно было безнадежно, потому что без трактора машину ни за что не вызволить из трясины. А вокруг на десятки километров отсутствовали даже самые заваливающие деревеньки, да и от того села, где только что находились, мы успели уже отъехать километров на пятнадцать. Хотя и тут было не так всё просто: неизвестно, имелся ли в селе вообще трактор. Но просто стоять и ждать, когда наступит лето и грязь высохнет сама, – таким количеством времени мы не обладали и, посоветовавшись, отправились с Чуней назад в село.

Мы шагали довольно быстро, чтобы успеть до темноты, и, наверное, отмахали километров пять, как вдруг услышали далёкий рокот трактора. Он звучал как песнь! Мы замерли, не дыша, прислушиваясь, а потом, не сговариваясь, побежали в ту сторону, на звук мотора. Вылетели за посадки и увидели далеко в поле гусеничный трактор с культиватором. Утопая в податливой рыхлой земле

по щиколотки, мы бросились ему навстречу, заплоско размахивая руками.

Разговор с трактористом, мелким мужичком в клетчатой засаленной рубахе нараспашку, в кепке с порванным козырьком и с грязным весёлым лицом, был короткий, но деловой. Мы пообещали ему литр самогона, который иногда получали в благодарность за свои труды от простых деревенских жителей. Тракторист без разговоров отцепил культиватор, мы с Чуней забрались к нему в кабину, и трактор, взревев мотором, будто танк, наискось, прямо через вспаханное поле уверенно двинулся к машине.

– Пацаны, всё ништяк, – сказал довольный мужичок, глядя на вызволенный им из грязи МАЗ, отпил прямо из горлышка самогона и уехал продолжать нелёгкий свой труд.

В отдалённую деревеньку, в ту самую злополучную Змеёвку, мы попали только к вечеру. Она состояла из десятка домов, раскиданных на пологом холме, заросшем вёслами. Мы разыскали бабушку, старенькую жену покойного ветерана. Тихая старушка показала нам могилу и ушла, сославшись на недомогание.

– Утром будем дома, – мечтал Петрович, размешивая раствор. – Приму душ, сто грамм и наконец-то хоть выплуюсь как белый человек.

Лёгкие сумерки медленно густели, окутывая мутной синева кусты и без того глухого кладбища. Оставалось укрепить цветник, но стемнело так, что уже и не разглядеть было чёрные гранитные бруски. А ведь требовалось ещё смотреть по уровню, чтобы выровнять все части надгробья. Доделывали мы уже при свете машинных фар.

– Повезло нам, мужички, что могила находится с краю, – сказал Петрович, довольный собой, что догадался поставить свой МАЗ как надо. – А то до китайской пасхи здесь бы ночевали.

Мы стали собирать инструменты, как неожиданно из кромешной темноты раздался грозный мужской голос:

– Лежать! – и тотчас раскатисто грохнул ружейный выстрел.

Мы мигом попадали на землю, уткнувшись растерянными лицами в мокрую от росы траву.

– Руки за голову, – опять скомандовал грозный голос. – Да не балуйте, перестреляю как куропаток. Ишь ты, взяли моду воровать по ночам металл с кладбища. На вас так нержавейки не напасёшься, ироды.

На свет выехал верхом на вороном коне косматый и бородатый неказистый мужик в возрасте. В руках он держал охотничье ружьё, направив его стволами на нас.

– Сейчас в сарае запру на замок до утра, – пригрозил он, – а потом в полицию сдам, пуцай с вами там разбираются.

– Ошибочка вышла, – ответил, сердито сопя, Чуня и вдруг приглушённо захихикал, должно быть, от нервного стресса. – Мы, наоборот, памятники ставим, а не металл ворует. Глаза-то свои разуй, старый.

Мужик, видно, и сам сообразил, что обознался, перепутав нас с ворами, и, крикнув от досады, примиряюще ответил:

– Кто вас разберёт, гоношиться ночью на кладбище, вот я и подумал, что

ворьё опять объявилось. А у нас в деревне мужиков-то я один остался, остальные семь человек старухи. Другие мужики все перевелись, кто от самогона, кто в города уехал. Федотом Степанычем меня кличут. Ну, извиняйте, раз такое дело. А может, вы у меня переночуете? – неожиданно спросил он с надеждой. – Я вам картошечки жареной разогрею, шей, да и выпить у меня найдётся. Какая вам необходимость ночью отправляться в даль дальнюю.

Было заметно, что местный житель соскучился по новым людям, свежим новостям. Отказать было неудобно, и мы согласились, хоть минуту назад он нас едва и не перестрелял. Федот Степаныч оказался человеком дружелюбным и хлебосольным. Не успели мы переступить порог, как он по-хозяйски принялся суетиться по дому, расторопно накрывая на стол.

– Жену не разбудим? – спросил вполголоса Петрович, с интересом оглядывая довольно скромное убранство кухни, которое, тем не менее, было тщательно выстирано и выглажено.

– А нет жинки, – ответил Федот Степаныч, и развёл руками, словно и сам дивясь этому, – померла она в прошлом году. С дочерью вдвоём живём.

Петрович смущённо кашлянул и больше неудобных вопросов не задавал.

– Ну, садитесь, гостёчки нежданные, а оттого особенно и желанные, – предложил через пару минут Федот Степаныч, расположившись, как и подобает хозяину, во главе стола, ловко опрокинул стаканчик в рот, крякнул и с удовольствием разгладил свою седую бороду. – Дай Бог не последнюю.

Проголодавшись за день, мы с молчаливой сосредоточенностью принялись хлебать горячие щи деревянными ложками.

– Калечная она у меня, Варька-то, – разоткровенничался Федот Степаныч, когда самогон ударил ему в голову. – Сызмальства такая уродилась. Больше детей мы не могли иметь с Дусей. Одна девка уродилась, да и та дефектная, – горестно вздохнул он и повёл по нам тоскливыми глазами, как бы ища сочувствия. – Должно быть, и супруга раньше времени оттого и убралась, что всю жизнь за неё переживала. Это понимать надо. Стесняется моя Варька чужих, вот и сейчас в комнате своей затаилась – и молчок.

Федот Степаныч приложил к губам тёмный очерствелый от работы палец.

– Сидит, как мышка в норке, и ни гугу. А вообще-то весь дом на ней держится, вся в мать, так и крутится по дому, как юла заводная. А ещё она у меня любит шить разные платья. Только шить-то не из чего, так она все материны платья под себя перешила. Рукодельница, каких поискать. Телефон ей было надумал купить, да в нашей глухомани телевизор иной раз не ловит, чего уж про телефон говорить. Много у нас раньше молодых мужиков было, да гребовали они брать её замуж. Кому же захочется иметь жену хроменькую на одну ногу и криворотенькую? А теперь и мужики перевелись, одни старухи горемычные остались. А скоро и деревня вся вымрет, и сам я умру. Останется моя тридцатишестилетняя Варька старой девой, вот мне и печально за неё. А девка она кроткая, добрая да желательная.

Он ещё что-то говорил, но мы, сморённые сном и усталостью, быстро задремали, сидя за столом. А вскоре, видно, и сам хозяин уснул, потому что насту-

пила тишина. Сквозь сон я слышал, как кто-то вошёл на кухню, шлёпая босыми ногами, постоял, должно быть, нас разглядывая, и ушёл, скрипнув дверью.

Проснулись мы с Петровичем рано, а Федот Степаныч уже возился во дворе по хозяйству, и только продолжал беззаботно дрыхнуть Чуня, откинувшись на спинку стула. Он был заботливо накрыт байковым одеялом, притеплился и сладко посапывал.

– Видно, дочка постаралась, – хрипло проговорил Петрович, кивнув на парня.

Чуня был самый молодой в нашей компании, да и лицом пригож: крепкие скулы, туго обтянутые загорелой кожей с брутальной трёхдневной щетиной, греческий нос и влажные глаза с прозеленью.

Мы вышли во двор, освежились холодной водой из металлической бочки. Подошёл Федот Степаныч.

– Мужики, – сказал он, поглядывая на нас исподлобья и морща обветренное бородатое лицо, – много я вам наплёл вчера, так вы уж не обижайтесь. Старость не в радость.

Мы пожали ему мозолистую ладонь, и я вернулся в дом разбудить Чуню.

В дверях кухни я столкнулся с Варей. Росточку она была невысокого, с русой косой до пояса и лицом симпатичная, если бы не её рот, заметно скошенный в сторону. Девушка тотчас смущённо прикрыла лицо ладонями и, сильно припадая на левую короткую ногу, скрылась в горнице.

Чуня не спал, с болью глядя перед собой расширенными глазами. Он даже меня не сразу узнал, а лишь тогда, когда я громко сказал, что пора ехать.

– Да, да, – задумчиво пробормотал Чуня и побрёл следом за мной, поминутно оглядываясь на горничную дверь.

С тех пор Чуня как-то незаметно исчез из поля моего зрения. Давно я о нём не слышал, за делами как-то не находилось времени, а потом и телефон куда-то его запропастился, а может, и не было у меня его никогда. Теперь уже и не помню. Да и особенно мы с ним никогда и не дружили.

А нынче перед самой Пасхой решил я сходить на ярмарку субботнего дня, которую повсеместно устраивали перед великим православным праздником в областном центре. И там я встретил Чуню. Он был всё такой же поджарый, только стал улыбаться чаще. А ведь раньше, помню, его бывшая жена Анжела про него говорила, что он никогда не расцветает, а всегда угрюмый, как бирюк. И далее всё в том же духе, что Чуня, он, мол, и есть Чуня.

Сейчас этот самый Чуня торговал в зелёной палатке. Он стоял за прилавком, одновременно отпускал товар, оживлённо балагурил с покупателями и неустанно выкрикивал весёлым голосом:

– Яйца перепелиные, простые и крашенные в разные цвета, копчёные перепёлки, всё задёшево!

Ему помогала невысокая симпатичная женщина в фетровой шляпке с легкомысленным розовым бантом сбоку. Она открыто смотрела на очередь и мило улыбалась. Я долго в неё всматривался, не веря своим глазам, словно вдруг увидел перед собой фею из сказки. Это была Варя. Только она уже была не та Варя

с обезображенным лицом и хроменькая, а совсем другая женщина: обаятельная, любящая и любимая. О её прошлой жизни напоминали лишь небольшой шрам пластического хирурга в уголке припухлого рта да толстая подошва на обуви левой ноги.

Мы встретились с Чуней глазами. Он приветственно помахал мне рукой, словно мы и не расставались, вышел из-за прилавка и направился ко мне. Мы дружески обнялись.

– Мишань, – быстро заговорил Чуня, поминутно оглядываясь на Варю сияющими глазами, – ты даже не представляешь, как я тебе благодарен, что тогда предложил подработать. Я ведь как вернулся из Змеёвки, места себе не находил, всё время думал о Варе, уж больно она мне приглянулась. Понимаешь, душа у неё ангельская. А о лице я тогда не думал, как в тумане находился. А когда съездил к ней и понял, что я Варе тоже понравился, не задумываясь, продал комнату в общежитии и в Змеёвку жить переехал. А потом пошло-поехало, смастерил парник, сажал тюльпаны, укроп, зелёный лук – в общем, всё, что могло хоть какие-то деньги принести. Теперь вот куропаток разводим, можно сказать, зажиточно живём. Двое ребятишек у нас, семилетняя Варенька и пятилетний Миша. Кстати, в твою честь назвали. Дом отгрохали в два этажа, иномарка. Чего это я расхвалился, – вдруг спохватился он. – Я тебе сейчас гостинцев к празднику соберу.

Чуня побежал к палатке, о чём-то пошептался с женой, и она, глянув в мою сторону, радостно помахала рукой, не скрывая счастливой улыбки на симпатичном личике.

«Верно говорят люди, – подумал я с лёгкой завистью, – что судьба и за печкой найдёт».

Василий АНУРЬЕВ

Пигалица

Рассказ

Павел Сергеевич Расторопшин за свои сорок пять лет жизни так ничего и не нажил. Однокомнатная квартира – и та досталась по наследству. И автомобиля у Павла Сергеевича не было. А ведь не сказать, что он, к примеру, много пьянствовал или уж совсем непутёвый был. Просто не умел Павел Сергеевич жить. Не умел, и всё тут.

Был Павел Сергеевич закоренелым холостяком. В молодости друзья один за одним женились, заводили детей, с головой уходили в семейные заботы, а у Павла Сергеевича с женщинами как-то не клеилось. Поживёт с одной – не то, поживёт с другой – снова не то. В тридцать пять Павел Сергеевич окончательно утвердился в мнении, что семейная жизнь не для него.

Работа на стройке не то чтобы не нравилась, особенно не воодушевляла, но надо же чем-то зарабатывать на жизнь. Помимо рыбалки, было у нашего героя страстное увлечение – художественная литература. Читал он преимущественно вещи серьёзные, русскую и зарубежную классику, известных современных авторов и на дух не выносил примитивных детективов и не отражающих реальной сути вещей, пустых любовных романов.

Каждую субботу Павел Сергеевич посещал едва ли не единственный оставшийся в городе книжный магазин, не меньше чем на три часа окунался в царство фантазии и вымысла, брал с полок книги, смотрел, листал и никогда не уходил без покупки. Все работницы магазина на Сосновой, 28 не просто знали Павла Сергеевича, а испытывали к нему нечто вроде симпатии и всегда были не прочь поговорить на животрепещущие темы.

В эту субботу Павел Сергеевич, как всегда, пошёл в магазин дальним, кружным путём через парк. Спешить некуда, а побродить под густыми кронами деревьев, послушать шелест листвы, да ещё в конце августа – одно удовольствие... Сидя на скамейке под берёзками, заметил на асфальтовой дорожке несколько маленьких жёлтеньких листочков, первых вестников близящейся осени.

Вот и ещё одно лето ушло...

Прошла девушка, мельком взглянув на него, – этакая пигалица, тоненькая, маленькая, с острым аккуратным носиком, до странности на птицу похожая. Сквозь завесу мелко трепещущей листвы льётся лазурь небесная, и лучи солнечные, как золотые нити. Хорошо! Когда Павел Сергеевич идёт в книжный магазин, у него отличное настроение.

Едва Павел Сергеевич переступает порог магазина, как раздаётся наигранно-радостный, с примесью слащавости и жеманства возглас:

– Паша! Ангел ты наш! Заждались, заждались. – Ираида Владимировна, поплёкшая, увядающая женщина (ей уже далеко за пятьдесят), втайне уверена, что нравится мужчинам моложе её. Она тщательно заботится о своей внешности, сидит на всевозможных молодящих диетах, но безжалостное время стирает последние следы былой красоты.

– Паша, Пашенька, – щебечет она, вставая из-за кассы и протягивая руку. – Что новенького? Как жизнь молодая?

Павел Сергеевич, разыгрывая галантного кавалера, губами касается запястья жёлтой сморщенной руки. Этот дурацкий приветственный ритуал существует уже давно.

– Да всё по-старому, без перемен, по накатанной, так сказать, дражайшая Ираида Владимировна. Вот литературой интересуюсь, что-нибудь новенькое посмотреть...

– Ой, рекомендую, Пашенька, – в руках Ираиды Владимировны в мгновение ока появляется новый роман бразильца Паоло Куэлью. Расторопшин берёт книгу и старается изобразить на лице заинтересованность. Куэлью вообще-то ему не нравится.

– Посмотрим, посмотрим, – бормочет он, переходя на полушёпот.

За этой сценой, сдерживаясь от смеха, наблюдает зеленоглазая красотка Лилечка.

– Здравствуйте, Павел Сергеевич, – говорит Лилечка переливчатым, бархатистым голосом. Голос этот волнует. «Как будто арфы дальние пропели», – всплывает в голове Расторопшина гумилёвская строка.

– Привет, Лиля. – Ему хочется добавить что-нибудь хорошее, ласковое к этому «Привет, Лиля», но он больше ничего не говорит и оборачивается к Ираиде Владимировне. Ираида Владимировна снисходительно смотрит на Лилечку, берёт под руку Расторопшина и подводит к стенду с новинками.

– Вот, Пашенька, новые поступления. Может, что понравится, угодить тебе трудно, очень ты привередливый покупатель. В плане женщин, наверно, такой же...

– Что вы говорите, Ираида Владимировна, книги – это книги, а женщины, тут дело посложней.

– Хороший ты парень, Паша, а дурью маешься. Жениться тебе надо, пока не поздно.

– Поздно, Ираида Владимировна, холостяцкая безответственная жизнь избаловала меня. Трудно мне меняться.

Ираида Владимировна переходит на более доверительный тон:

– А ты и не меняйся, оставайся таким, какой есть. Хочешь, Паша, я тебя с одной женщиной познакомлю? Красавица, умница, насчёт мужчин держит себя в строгости, и по возрасту тебе подходит. Самая твоя невеста.

– Не-ве-ста, – отдельно, по слогам проговаривает Расторопшин, – слово какое интересное. Оно из употребления почти вышло, сейчас избранниц своих так не называют. Не-ве-ста – не весть что, кот в мешке. Незнаемая! Эх куда вы хватили, Ираида Владимировна. Я, правду сказать, с устройством женщины знаком. Не то чтобы очень, так, в общих чертах. Все они по одному образу и подобию. Никаких невест мне подгонять не надо, знакомиться я предпочитаю сам. А то, что эта самая невеста держит себя в строгости с противоположным полом, так это совершенно напрасно. Принцы в наше время перевелись, остались одни алкоголики.

– Фи, Паша, цинизм тебе совсем не к лицу. Поверь, мне по-дружески обидно, что такой интересный мужчина в неустроенности пребывает.

– А что, в стране не осталось одиноких свободных женщин?

– Паша, ты же отлично понимаешь, о чём я... Хорошо, не буду мешать, поинтересуйся, полистай здесь. Потом ещё поговорим.

Приблизительно по вышеописанному сценарию проходят визиты Расторопшина в книжный магазин. Случаются разговоры и на другие темы: о литературе, о живописи, о странных привычках и чудачествах гениев. Иногда зеленоглазая Лилечка вдохновенно, с жаром говорит о поэзии, делится своими впечатлениями, по памяти цитирует Блока, Гумилёва, Пастернака. Она нетерпелива и порывиста, как весенний ветер, и в эти волшебные минуты Павел Сергеевич откровенно любит её. Принимает участие в разговорах и сама хозяйка магазина, улыбчивая, контактная женщина средних лет. Покупателей обычно два-три человека, а то и вовсе нет никого. В эпоху интернета спрос на книги резко упал.

В этот раз Павел Сергеевич купил сборник рассказов молодых московских авторов. Лучшего ничего не нашлось, а о чём и как пишут молодые, всё-таки интересно. Он возвращался тем же кружным путём через парк и удивился, вдруг увидев ту самую маленькую, тоненькую девушку, похожую на птицу. Она сидела на скамейке под берёзами, на которой сидел несколько часов назад сам Павел Сергеевич, и читала внушительного объёма книгу. Удивило ещё и то, что девушка читала книгу, привычнее было бы увидеть в её руках смартфон. Стало любопытно: а что читает эта пигалица. Расторопшин замедлил шаги, было совсем остановился, намереваясь спросить имя автора, но передумал, посчитав такое своё поведение неучтивым и бестактным, и прошёл мимо. Но любопытство прямо-таки разжигало его, и, пройдя с десяток шагов, он мысленно спросил себя: «А в чём тут бестактность? Что-то я совсем... Не иначе, Лилькина красота и молодость сбили меня с панталыку. Да, брат, ситуация: близок локоть, да не укусишь... А у этой малой всё же спрошу». Павел Сергеевич развернулся на сто восемьдесят градусов и подошёл к сидящей на скамейке девушке.

– Простите, пожалуйста. Я, знаете ли, интересуюсь литературой, фанат, можно сказать...

Девушка подняла глаза. Тонкое лицо было смуглым, глаза тёмными, как

показалось ему, почти чёрными, и взгляд этих глаз был ровным и спокойным.

– В настоящее время читают мало. Мне интересно, я хотел бы узнать, что вы читаете?

Девушка повернула книгу обложкой к нему и, словно в подтверждение написанного на обложке, голосом, тоже ровным и приятного тембра, не сказала, а объявила:

– Ремарк. Вам нравится Ремарк?

– Как может не нравиться Ремарк? Это же классика.

– Вы предпочитаете классику?

– Вы, я вижу, тоже. Что ж, классика – это классика, это то, что прошло испытание успехом и временем. А что вы можете сказать о современной литературе?

– О русской литературе ничего лестного сказать не могу. Больная страна – больное искусство. Никакой художественной ценности не представляют книги, смакующие натурализм, насилие, пошлость и другое тому подобное. Есть несколько имён, заслуживающих внимания, но гениев что-то не замечено. – Девушка усмехнулась, и её чёрные глаза блеснули. – Дикий капитализм, расслоение общества, непомерная жажда наживы одних и рабство и нищенское существование других. Человек не представляет никакой ценности и никак не защищён. Демографическая ситуация оставляет желать лучшего... Я уеду из этой страны.

«Девчонка неглупа, – отметил про себя Расторопшин, – но откуда такая категоричность: «Больная страна», «Я уеду из этой страны»? Наверняка образованна, владеет английским, а может быть, несколькими языками. Вот так пигалица!»

– Подождите, – в свою очередь, заговорил он, – а наша земля, политая кровью предков, наша история, наша память, традиции, обычаи, язык наш – всё, что сделало нас русскими, ведь это всё придётся оставить. Неужели это так легко?

– Вы, может быть, подумали, что я не русская? – Девушка улыбнулась и провела рукой по волосам. – И внешне мало похожа. Действительно, по крови я наполовину армянка, но папа мой русский, родилась и выросла я в России, и по духу, и по складу мыслей – одним словом, по всему я русская, и только русская. Конечно, в какой бы стране человек ни жил, родина его там, где он научился любить, но кто и что заставляет меня отречься от России? Я останусь русской.

– Свою жизнь надо строить на своей земле, – убеждённо возразил Павел Сергеевич. – И перед памятью предков не будет стыдно.

– В ваших словах много патетики. Мир давно уже другой. Простите, но вы немножко отстали от жизни.

– Может быть, вы правы. Скорее всего, так оно и есть. Вы молоды, вам всё легко. Но я не думаю, что в России всё так уж плохо. А я вот, – Павел Сергеевич вытащил из пакета приобретённую в магазине книгу, – хочу почитать молодых авторов, хочу быть в курсе новых веяний. Не желаете посмотреть?

– Нет, спасибо.

– Что ж, тогда прощайте. Всего вам доброго.

– И вам удачи, – сказала девушка.

Павел Сергеевич медленно шёл по нагретой солнцем парковой дорожке. В шелест листьев над головой диссонансом вплетался неумолчный шум городских улиц.

Улицы, улицы. Серые квадраты зданий, тротуары, перекрёстки, светофоры, нескончаемый поток машин, рокот двигателей, шуршание шин, шипение разрезаемого воздуха, снующие туда-сюда люди.

Павел Сергеевич придёт домой, приготовит нехитрый холостяцкий обед, поудобней устроившись на диване, будет почитывать новенькую книжечку. Такое времяпрепровождение он, иронизируя над самим собой, называет культурным отдыхом. Конечно, можно куда-нибудь рвануть, ах, чёрт, чуть не забыл, звонил Андрей Заварзин, приглашал на «день варенья». (Вот тоже название годовщины появления на свет, нелепица совершенная). Что бы такое Андрюшке подарить? Соберётся компания. Варенье никто, конечно, есть не будет – все напьются. Не пойти нельзя, старую дружбу надо уважать, а с этим Андрюшкой ещё подростками курить учились. Костян, наверно, придёт, Вероника, Лёшка Небольсин. А может, и Нелька Компаниец будет.

На углу аптеки небритый мужик страдальческого вида дёрнулся навстречу Расторопшину:

– Можно к вам обратиться?

Павел Сергеевич замедлил шаг, смерил незнакомца взглядом:

– Давай без предисловий, сколько?

– Землячок, если можно... двадцать рублей. Очень плохо, помощи.

Павел Сергеевич достал мелочь. Обычно на такие просьбы он не реагировал никак, просто проходил мимо, а тут почему-то дал. Дал машинально, не раздумывая, никакого чувства – ни жалости, ни презрения – не возникло.

– Спасибо, брат! Выручил.

Слова благодарности Расторопшин также оставил без внимания, подумал только без тени раздражения: «Развелось этих попрошаек... на каждом углу. Девчонка права, не всё в королевстве ладно».

Книга молодых авторов превзошла ожидания Павла Сергеевича: оказалась интересной. Талантливо, совсем неплохо писали молодые, и вопросы поднимали насущные, животрепещущие. Но вот странное дело: и во время чтения, и после, в течение нескольких дней, вдруг вспоминался тот случайный разговор в парке с маленькой, тонкой девушкой, и что-то непонятное бередило, тревожило душу. Вспоминал себя молодым, свои взгляды, своё понимание вещей, свои устремления и со страшной ясностью осознавал, насколько он был обделён жизнью по сравнению с этой пигалицей. За какие-нибудь двадцать лет Россия стала другой. И люди стали другими. Расторопшин считал (или ему так казалось?), что люди изменились не в лучшую сторону, что в них стало меньше доброты и участия и больше недоверия, зависти и обособленности. Он относил это на счёт последствий социальных катаклизмов, потрясших страну в девяностые годы прошлого столетия, и расценивал как временное явление.

По субботам он, всё так же через парк, ходил в книжный магазин в наде-

жде встретить снова девушку, похожую на птицу, поговорить с ней, поспорить, попытаться убедить её не уезжать из России.

В парке хозяйничала осень. Жёлтые листья срывались с мокрых веток, медленно, словно нехотя, кружились в стынущем воздухе и неслышно падали на землю. Лежали на земле узорчатым золотым ковром, и иногда ветер, точно из озорства, поднимал их и кружил понизу. Листья печально шелестели, задевая друг друга.

Павел Сергеевич садился на скамью под наполовину облетевшими берёзами, поднимал воротник куртки, глубже нахлобучивал клетчатый картуз и впитывал глазами и душой тишину и умиротворённость засыпающего парка.

Он думал о пигалице: «А ведь и уедет. Совсем уедет, навсегда. Может, уехала уже... А мне-то чего жаль? Да ничего мне не жаль... Нет, врётся, Паша, жаль, и даже очень тебе жаль. Как говаривал небезызвестный тёзка, за державу обидно».

Против течения, вслед звёздам...

Стихи и проза юных литераторов

Иван Коростелёв

7 класс СОШ № 36

* * *

Вкус воды из дальней колонки,
Он о многом напомнит мне.
Я когда-то тянул ручонки
К синей ручке, будто во сне.

Было это давно ль, недавно?
Но доселе здесь прохожу.
Вспомню, как всё было забавно,
Снова рот водой освежу.

Так случилось, я здесь проездом,
Только лето, и ждать весны.
Но зато с обратным приездом
Вдруг пойму, как места родны!

Я приехал сюда в рубашонке
И про детство забыл навсегда,
Но вода из дальней колонки
Мне напомнит про те года.

Апрель

Апрельское небо поёт и ликует.
Всё жарче становятся дни,
Узор облака в поднебесье рисуют.
И солнца пылают огни.

И воздух пробился, и стало свежее,
Как будто бы мама меня обняла.
И третью неделю без шарфа на шее
Хожу и брожу, позабыв про дела.

И словно песчиночка сахара в чае,
Вот-вот растворюсь в долгожданной весне.
Свой маленький свет на ходу излучая,
Готов замереть в этом солнечном дне!

Державин

Стоит над миром, как на пьедестале,
Высокая фигура в сюртуке.
И на груди его блестят медали,
А сам идёт спокойно, налегке.

Его ума все гении боятся,
Ведь закалён и нрав его, и пыл.
И никому не надо объясняться,
В преемниках его сам Пушкин был!

На свете жил поэт живого слова,
Наместником Тамбова побывал.
Ах, вот бы он сюда вернулся снова
Иль просто бы в Тамбове отдыхал!

Да, это был великий человек,
В России он культуры был основой,
Хоть на дворе и двадцать первый век,
Нам не забыть державинского слова!

Анастасия Гончарова

10 класс СОШ № 1 «Школа Сколково-Тамбов»

* * *

Железный мост. Дорога тоже.
Темно и холодно в ночи.
Пятница белые на коже
Сверкают то и дело. Мчит!
Кусок железа без души,
Своим путям, своим мечтам
Он не изменит. Приглуши!
Хотя бы свет напололам.
Ужасный ветер. Запах дрожи.
Гремит и воет – не молчит.
Я на мосту, мой рейс попозже:

Отложен небом. Бах! Мечи!
Проткнули звёздное свиданье,
Без жалости, без страха, лжи –
Зигзаг сильнее состраданья
Какой-то маленькой души.

* * *

Причалил сонный планетарий:
Вечерний голубой охват.
Объекты мюзиклом звучат –
Субъекты пишут им сценарий.
А отблеск... Он нерегулярен:
Картину мажет небосклон,
Вначале виден Орион,
А после – свет луны в футляре.
Линейный ход – талант пилота:
Как заключительный штришок,
Под градус, и – наискосок
Оставил след от перелета.
Чем ближе темень в полушаре,
Тем исчезаюче углы,
Играя с жителем земли,
Теряют вспышку на радаре.
Субъекты в ночь не влюблены –
Объекты потерялись жанром;
Вечерним синим ранним мартом
С причала те исключены.

Илья Набиулин

10 класс СОШ № 1 «Школа Сколково-Тамбов»

Человек

Лишь миг – твоя Вселенная разбилась,
Пространство через пальцы потекло.
Одна ошибка – лезвие сломилось,
Туманом вмиг подёрнулось стекло.

Но зеркало останется в кармане,
Придаст объём той глубине души,
В которой скрыты незажившей раной
Те страхи, от которых ты бежишь.

Отвергнутые матушкой-Землёю,
Мы всё стремимся дальше – в холода.
Не видим цель, зачем же нам с тобою
Устраивать здесь праздник бытия?

Твой голос в зале огненным разрядом
Наполнил нас живительной водой:
«Я человек! И дивные закаты,
И вдохновение, праздник... Всё со мной!»

«Против течения, вслед звёздам...»

Эссе

Когда ночь растекается по городу – самое время мне выходить. Дома замолкают, укрываясь с головой в одеяло ночи. Освежающая темнота забирается в самые дальние уголки города, позволяя мне спокойно начать свою работу. Обычные люди готовятся ко сну, но это не для меня. Я вижу за окном серебряный диск, лунная дорожка зовёт меня. И, как всегда, я последую за её возгласом. Остаются лишь мои союзники – шум волн и стрекотание сверчков. Я спускаюсь вниз по пологому склону, ступая босыми ногами по росистой траве, ещё оставившей в себе свет скрывшегося солнца. Из-за облаков выглядывает луна, и ниже уже можно разглядеть воду, а около берега – мою лодку, с нетерпением ждущую меня с прошлой ночи. Я, как и многие представители моей профессии, днём на работу обычно не выбираюсь.

Я забрался в свое небольшое судно и отправился по привычному мне пути – против течения, вслед звёздам... В своей работе я всегда люблю грести вёслами. Странно, но, сколько бы я ни проплыл, усталости совершенно не чувствовал. Люблю прохладный, едва уловимый ветерок, свет разыгравшегося ночью небосвода, прозрачную воду, в которой будто паришь над землёй.

Других лодочников я вижу не так уж и часто. Ночью мне нравится быть одному, и поэтому я не пытаюсь в это время с кем-нибудь пообщаться. Да и другие обычно не нарушают дистанцию.

Но всё-таки однажды я увидел невдалеке одного лодочника – женщину лет тридцати. Она справилась со своей работой и уже направлялась обратно в город и плыла, не прикладывая никаких усилий, плыла по течению. Свет будто опоясывал её, город радостно распростер перед ней свои объятия. Листы бумаги развевались вокруг женщины, будто мотыльки, тянущиеся к свету. Внезапно они поднялись в высоту и птицами полетели к её городу. Я перестал грести, устремив свой восторженный взгляд на происходящее.

– Красота, правда? – вдруг раздался голос вблизи. Старик, оказавшийся рядом, глядел на меня грустными глазами. Его обшарпанная лодка столкнулась с моей.

– Пытаться стать таким, как она, – словно ждать, когда монетка упадёт

третьей стороной, – промолвил он с нескрываемой тоской. – Уже сколько лет я плыву туда-обратно, и всё без толку. Город не принимает моё творчество! Ты... такой молодой, зачем тебе всё это?

– Мне... просто нравится. Не ради того, чтобы меня окружал свет, я здесь.

Старик кивнул мне и уплыл. Понял ли он меня? Как бы то ни было, больше я его не видел.

И сейчас, как и всегда, я плыву к Острову, таинственному месту, где я и занимаюсь своей работой. Он перемещается каждый раз, повинуюсь какому-то негласному закону. На него можно натолкнуться сразу же, но иной раз и найти его становится трудностью. При этом у каждого лодочника свой Остров – ни один другой не сможет попасть на твою собственность.

Вот я вновь подплываю к месту назначения – мне открылась небольшая часть берега Острова, подёрнутого дымкой. Спасибо вам, звёзды! Лишь здесь я могу выплеснуть все свои чувства на бумагу, перенести на неё всё великолепие жизни!

Стена из сосен поднималась за берегом. Раньше я никогда не уходил дальше неё. До сегодняшнего дня это был предел для меня, который невозможно было бы преодолеть. Но сейчас я намерен изменить это... Ветер заиграл свою песню шорохом листвы, деревья расступились, приглашая меня внутрь Острова. Я достал из кармана штанов бумагу и карандаш и вошёл в образовавшуюся из сосен арку.

Часы пролетели, словно миг, и вот моя работа окончена, надо собираться домой. То, что происходит на Острове, – это тайна каждого Писателя, но кое-что я всё же рассказать могу. Я уверен – эта ночь была особенно удачной. Все листы бумаги вобрали её в себя. И я был не один – вдохновение помогало мне всё это время. Оно было везде: в разгоревшемся костре, согнувшихся деревьях, едва проснувшихся тенях, дрожащем воздухе...

Возвращаться к городу в этот раз было особенно легко – течение сильно помогало. Солнце едва-едва выглядывало из-за горизонта. Растерянно выглянул новорождённый лучик, разглядывая новое место. Он проскакал по пологому склону, прыгнул с берега в волны и вдруг застыл на моём лице... За долю секунды свет будто сотнями медуз окружил меня. Ветер окатил меня прохладой с ног до головы, выхватил из моих дрожащих рук бумагу и осторожно понёс её в город...

Лодочники вдруг обступили моё судно. В меня всматривались десятки глаз, в одних из которых можно было прочесть зависть, в других – радость. Вдруг кто-то выкрикнул:

– Поздравляю, теперь ты Писатель!

– Я и до этого им был... – немного помолчав, сказал я.

Богдан Зайцев

10 класс СОШ №1 «Школа Сколково-Тамбов»

* * *

Родная мать, тебе пишу я,
И, все условности минуя,
Я лишь прощения прошу,
Ведь больше я не напишу.
То, верно, мой последний бой,
С победой я приду домой.
Ну а помру – придёт медаль,
Коль так, не разгоняй печаль:
Я жизнь свою жил не впустую.
Свою судьбу, хоть непростую,
Я в руки Господа отдам,
Но честь свою я не предаю.
Надеюсь, с вами всё в порядке,
И, в тёплой комнате живя,
Вы вспоминаете меня.
С надеждой верю, вы в достатке.
Война приблизится к концу,
Я не отдам жизнь подлецу.
Не зря пройдя пять долгих лет,
Я, наконец, увижу свет...
Прощаться вовсе не хочу,
Но вдруг я шанс не получу.
Даст Бог, я вырвусь из огня,
Лишь только ждите вы меня.

Анастасия Самохина

10 класс СОШ №1 «Школа Сколково - Тамбов»

Семейный праздник

Каждое окно старого панельного дома встречало прохожего яркими красками, которые, сияя, намекали на предстоящий праздник. Котята и щенки сбивались в кучи и грелись в тепле разноцветных лучей; они играли, выставя мордочки и с непритворным усердием пытались заточить во рту неуловимого зайчика. Скрип снега доносился из-под колёс машин, в которых торжественно, как девушек на первый бал, везли большие и пахучие ёлки.

В прихожей пахло конфетами, старыми ёлочными украшениями и мандаринами; стояли пакеты с продуктами: картошкой, куском мяса, буханкой хлеба,

сыром, помидорами, луком и подсолнечным маслом – всем тем, что бывает на бабушкином столе только в особенные дни. На деревянном комоде лежало несколько монет – оставшаяся сдача. Бабушка в старом домашнем халате и тапочках выбежала из кухни и принялась расцеловывать внучку.

– Здравствуй, Софа! – лицо бабушки светилось тем же счастьем, каким встречали прохожего окна панелек. – А где ж мама твоя? Я думала, она зайдет на минутку, – она вытерла полый халата испачканные мукой руки.

– Мама не стала меня провожать, я приехала на автобусе. Она тут передала тебе кое-что, – девочка поставила пакеты на комод.

– Спасибо, внучка. Отнесёшь в гостиную? – она стала открывать дверцы комода бледными и трясущимися руками. – Ты голодна? У меня пирожки на подходе, могу супом угостить или...

– Спасибо, ба, я не голодна, – перебила девочка, глядя в экран мобильного телефона.

– Тогда пошли на кухню, поможешь мне с готовкой, – бабушка достала из комода кошелёк, а из кошелька – все лежавшие там купюры. – Держи, внученька, держи это. Выбери себе новое платьице.

Девочка приняла бабушкин подарок и спрятала бумажки, по обыкновению, во внутренний карман куртки, куда всегда попадали «штучки для мамы».

Софа с пакетами прошла в гостиную. Вокруг, как ей показалось, было грустно: в квартире не пахло настоящей ёлкой – вместо неё на подоконнике стояла небольшая и искусственная, украшенная мишурой; на окнах не висели гирлянды, из телевизора слышалась современная музыка, которая всегда звучит отовсюду – словно и не проник праздник в эту квартиру. Софа стала рассматривать вещи, переданные мамой бабушке.

– Внучка, что ж ты тут делаешь? Не придёшь на кухню?

– Ба, тут в пакетах какая-то одежда. Ты коллекционер старомодных вещей?

– Дай-ка взгляну. Это одежда твоей мамы, которую она носила, когда ей было столько, сколько тебе сейчас.

– Не может быть. Мама никогда не стала бы надевать джинсы такого кроя и такой нелепый свитер. Был бы это старый свитшот, например, я бы поняла.

– Раньше все носили только такие джинсы, – бабушка тепло улыбнулась внучке. – А свитер этот вообще-то мама сама сделала, свитшотов ещё не было тогда.

Софа держала в ещё не отогревшихся ладонях свитер, растянутый, несколько раз зашитый и цветной – он состоял из полос разных цветов. Уже выцветший, он был единственным красочным пятном в комнате. И это пятно озаряло и освежало всё вокруг.

– Зачем она его сделала? Нет, я тебе не верю. Мама не смогла бы решиться надеть это.

– Ты недооцениваешь свою маму, а у этого свитера даже есть своя история. Может, как-нибудь расскажу тебе. Ты вообще надолго ко мне?

– Нет, – девочка всё ещё разглядывала заинтересовавшую вещь. –

Отпразднуем, а утром меня заберут. Так что времени немного, рассказывай сейчас.

– Ну что ж, – бабушка немного помолчала. – Мама твоя училась классе в восьмом, и у неё были подруги. Приближался день рождения одной из них, а у нас тогда не было достаточно денег на подарки, которыми обычно баловались такие модницы. Без подарка никак, а Оксанка уж очень хотела на тот праздник попасть, дружили-таки. Ну я ей и посоветовала самой что-нибудь сделать. Оксанка нашла у меня в комодке старую пряжу, из которой я ей, маленькой совсем, носочки вязала, и принялась за этот свитер. Поначалу я ей объясняла, что к чему. Потом она как со школы ни придёт – сразу в комнату юркнет и закроется там, всё корпит над вязанием. Уж ночь темным темна, а у неё всё лампа горит – понравилось, видно. Как-то вечером выходит ко мне в новеньком свитере: красуется, сама любит. На праздник пошла довольная, как слон.

– Как же тогда он у неё остался, если она его кому-то дарить собиралась?

– Видно, как-то не сложилось там, не припомню уже. Потом она этот свитер до дыр затаскивала, я только и успевала украдкой подшивать. Расцвела Оксанка моя тогда, подружек новых завела, – бабушка задумалась и помолчала с минуту. – Пошли теперь на кухню, много до полуночи нам предстоит дел. Как бы пирожки мои не упустить!

Бабушка ущипнула внучку за щёку и, пританцовывая, ушла на кухню, а Софа осталась в гостиной и всё думала о свитере. То, что мама носила такой смешной свитер цвета новогодних огоньков, ей показалось забавным и даже необыкновенным. Это было очень непохоже на маму, которую знала девочка: сейчас она всегда носит дизайнерские вещи, которые тщательно выбирает, часами изучая элитные магазины.

«Как здорово, наверное, было во времена маминой молодости! – размышляла Софа. – Всё вокруг казалось свежим, новым, ещё не приевшимся и не заезженным. Сейчас куда ни глянь – все до одного слились в единый парад монохромности. Никакого разнообразия, никакой идеи! А раньше идея была: сам себе придумал мир и красишь его, как только вздумается. Так легко было обозначить своё настроение через одежду, которую надеваешь! Сразу видно, что мама была та ещё выдумщица и модница», – Софа заулыбалась, надела свитер и вскрикнула:

– Бабушка, давай ёлку поставим! Живую! И огоньки на окна повесим – будет ярко и красиво, как этот свитер! Будет нам и Новый год, и идея, и своё объединение, домашнее.

Бабушка улыбалась, стоя на кухне.

На данные ею деньги была куплена самая красивая из бывших на базаре ёлок, которую нарядили старыми игрушками, пахнущими, как Новый год. Огоньки раскрашивали комнату, как сотни разных солнышек, переливающихся самыми разными настроениями и цветами во время их свечения. Стол был накрыт самыми разными блюдами. Квартира дышала праздником, радостью, теплом, семьёй. Куранты бьют – бабушка с внучкой обнимаются.

Утром за Софой приехала Оксана, девочка выбежала её встречать. Она хвалилась своей находкой, пока мама была увлечена экраном мобильного и кла-

ла бумажки уже в свои карманы, а бабушка летала по дому, пела, говорила без умолку и собирала сумки с соленьями. Свитер на дочери был замечен уже после возвращения от ба.

– Зачем ты надела его? Он уже старый и совсем не модный. Его место – на антресолях в бабушкиной квартире.

– Мне очень даже понравился этот свитер. И вообще, мне бабушка сказала, что ты его сделала сама, а потом и вовсе почти не снимала. Отчего бы и мне не носить?

– Если ты не хочешь опозориться, то сними это и одевайся так, как все нормальные дети.

– Но я не хочу быть как все! Ты же сама придумала сделать его таким, носила его и отличалась от других, так почему же я не могу так?

– Потому что пора взрослеть, Софа, что я и сделала. Хочешь, расскажу тебе настоящую историю создания этой вещи?

– Бабушка мне уже всё рассказала.

– Сядь и послушай мою версию, бабушка может многого не знать, – она отложила телефон и посмотрела в глаза дочери. – В моей школе каждый человек был отнесён к числу достойных уважения или достойных угнетения. Никто не хотел оказаться во второй группе, все преподносили себя как уверенных в себе людей, даже если на самом деле не были такими. Получалось так, что нужно было прятать личность под маской насмешки и самоуверенности, походить на других, чем занималась и я. Приходилось постоянно скрывать свои истинные чувства от других, даже от мамы. Дело шло ко дню рождения Светы, моей тогдашней подруги. Я ясно понимала, что если останусь без подарка для неё, то мой авторитет, который я зарабатывала очень долго, упадёт. Денег на туфли, которые она хотела, не было, поэтому свитер, сделанный из остатков маминой пряжи, стал для меня единственным выходом. Я принялась за работу и боялась, что получится совсем не то, что нужно. Каждый день я посвящала ему, а потом и вовсе поняла, что вложила в эту вещь свою душу: мои мысли, переживания, эмоции остались в этой вещи, а каждый цвет, который ты можешь здесь увидеть, соответствует настроению, с которым я садилась за вязание. Во всяком случае, я так думала, когда была в твоём возрасте. Я закончила и была довольна результатом, поэтому по-настоящему уверенно пошла на праздник. Только вот Света сказала, что если бы это была модная толстовка или худи, а не цветное недоразумение, которое яйца выеденного не стоит, тогда я осталась бы крутой в глазах девочек моего класса.

Я тогда так расстроилась, что (по своей юношеской глупости) даже обрадовалась этому, стала сама носить этот свитер. Говорила всем, что эта вещь – награда за самостоятельность и решительность; за то, что я такая, какая есть на самом деле.

Мама встала, подошла к дочери и сняла с неё свитер. Аккуратно сложив, она убрала его на верхнюю полку шкафа и продолжила говорить:

– И только сейчас я знаю, что допустила большую ошибку, когда назвала себя другой и отделилась от коллектива; что опыт искать подход к нужным людям – самое полезное и важное, что я могла получить в школе. Только так ты сможешь пробить себе дорогу в жизни, запомни это и не повторяй моей судьбы.

Никому сейчас не нужна твоя искренность, наивность и доброта, ты должна думать исключительно о своей выгоде и уметь подстроиться. Мир устроен так, что нет никакой необходимости показывать свою личность, так и забудь: живи по правилам толпы и не создавай себе неприятностей.

Софа зашла к себе в комнату и встала у окна. Снег валил крупными хлопьями, закрывая собой все цветные детали этого мира и делая его исключительно и полностью белым. Если снежинки всегда будут объединяться в хлопья, то никто и никогда не сможет увидеть всю красоту снегопада. Когда одна приземляется на варежку, если успеть рассмотреть её до полного таяния, можно увидеть красивые и самые разные узоры. Если лишиться лица и стать лишь снежинкой в сугробе, никто и никогда не сможет увидеть всю красоту мира, в котором мы живём.

Анастасия Трифонова

*7 класс «Лицей №14 имени заслуженного учителя Российской Федерации
А.М. Кузьмина»*

Рецензия на книгу Ирины Краевой «Дети неба»

В 2018 году увидела свет книга «Дети неба», созданная детским писателем Ириной Краевой. Сюжет разворачивается вокруг обычной семьи: матери, мальчика (главного героя произведения) и его старшей сестры. Читатель сможет понаблюдать за жизнью героев, их взаимоотношениями и переменами во взглядах и жизненной позиции персонажей, переменами в них самих.

На самом деле у книги два названия: «Во всём виноваты бизоны» и «Дети неба». Можно сказать, они отражают проблему отсутствия понимания, духовной связи между родителями и детьми и её разрешение. Бизоны здесь олицетворяют тяжёлые, не дающие покоя чувства и эмоции Ма, накопившиеся за прошедшие годы. Но благодаря Анюте и Максиму они отступают. Ведь любовь длится Вечность, а это гораздо больше, чем 32 минуты.

Ма, державшая внутри себя бизонов долгое время, снова становится «мотыльком» (так её называл Борис). Отец Анюты осознаёт, что семья намного дороже бизнеса и путешествий. Анюта, которой так хочется «зайти в один самый чёрный дом и в каждом окне зажечь свечу», мирится с родителями, понимая: они нуждаются в ней. Максим, переживающий за маму и сестру, теперь может описать настоящую, а не фальшивую семью в сочинении. Некогда недостижимое, ускользнувшее морским дельфином счастье возвращается к героям произведения. Им, как и членам племени зулусов, предстоит вместе делить горе и радость, быть опорой друг для друга.

«А иногда они рвутся, рвутся в клочья... И всё равно потом зажигаются, отрастают и выпрямляются...» – так и случилось с лучами, связывающими героев.

Благодаря любви человек способен возродиться заново. Именно она служит узами между людьми. И после воскрешения, согласно приведённой в книге теории космизма, пробудится лишь то доброе и светлое, что поблекло под слоем пыли прожитых лет.

Композиция литературного произведения: просто о сложном

Лекция

Необходимость разговора о построении художественного произведения стала для меня очевидной во время анализа художественных произведений и обсуждения проблем авторского творчества на семинарах для молодых литераторов, которые регулярно проводятся в Центральной городской библиотеке имени Н.К. Крупской. Дискутируя о том, с чего начать процесс работы над текстом, выстраивания сюжета и «связывания» воедино отдельно взятых сюжетных линий, мы столкнулись с тем, что термин «композиция» оказался знаком не всем. Между тем без понимания внутренних законов построения художественного произведения трудно оформить мысли как некое целостное, завершённое создание.

Не секрет, что произведения искусства строятся по особым законам. В музыке, живописи, литературе сочетание художественных закономерностей, на которые опирается автор, возводя грандиозное создание своей фантазии, именуется композицией. Термин происходит от латинского слова *compositio* – «составление» и означает практическое умение гармонично выстроить ряд музыкальных, визуальных или словесных образов, распределив их между частями целого. Коль скоро мы встретились с вами на страницах альманаха, поговорим о композиции литературного произведения.

В литературоведении под композицией принято понимать построение художественного произведения [1]. Она включает в себя набор композиционных элементов и приёмов. Анализ композиционных особенностей текста помогает понять, что писатель считает наиболее значимым, что желает оставить в тени, к чему возвращается с завидным постоянством несколько раз на протяжении повествования.

По формальному критерию можно выделить два типа композиции:

- внешнюю;
- внутреннюю.

Внешнюю композицию называют также архитектурной. Она наглядно показывает, как построен текст: сколько в нём глав, абзацев, строф. Внутренняя композиция складывается из описаний, авторских отступлений, вставных рассказов, диалогов, монологов и других элементов. Анализируя композицию на уроках литературы или думая о ней в тиши писательского кабинета, не забывайте, что следует двигаться от внешней структуры к внутренней.

Виды композиции

По способу организации содержания принято выделять пять разновидностей композиции:

1. *Линейная.* Характерна для большинства литературных произведений. Сюжет начинается в одной точке времени и пространства, а заканчивается в другой. Схема движения традиционна: от настоящего – к будущему. Примеров множество: роман «Отцы и дети» И.С. Тургенева, роман-эпопея «Война и мир» Л.Н. Толстого, пьеса «Вишнёвый сад» А. Чехова.

2. *Обратная.* Движение происходит от какого-либо момента настоящего к прошлому. Классический образец – роман В. Набокова «Машенька». Такого большинство произведений о первой любви. Что любопытно, обратную композицию нередко используют авторы детективных историй, для которых важно привести читателя от момента преступления к его началу или к зарождению замысла.

3. *Рамочная.* Основной повествовательный эпизод «вставлен» в раму менее важных по значимости событий. Часто это выглядит как «рассказ в рассказе», изложенный от лица героя в дружеской беседе. Примеры: «Первая любовь» И.С. Тургенева, «После бала» Л.Н. Толстого, «Нетерпение сердца» С. Цвейга.

4. *Зеркальная.* Отдельные сцены как бы отражают друг друга, при этом отражения не всегда совпадают, подчёркивая контрасты, либо совпадают так, что позволяют увидеть суть происходящего. Пример – «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Татьяна пишет Онегину, Онегин пишет Татьяне. Если наложить одну ситуацию на другую, получатся две истории о любви без ответа.

5. *Кольцевая.* Известное стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» начинается так же, как заканчивается. Приём закольцовывания лирического сюжета помогает подчеркнуть ограниченность описываемого мира. В эпических произведениях приём закольцовывания сюжета выполняет принципиально иную функцию и соотносится с идеей прохождения героем инициального пути («Хоббит» Дж. Р. Толкина, «Тихий Дон» М. Шолохова).

Как правило, литературное произведение совмещает в себе черты нескольких композиционных типов.

Композиционные приёмы

Чтобы усилить тот или иной художественный эффект, писатели пользуются набором специальных композиционных приёмов:

1. *Экспозиция.* Сюжет разворачивается не внезапно, а после подготовительной предыстории. Иногда в экспозицию выносятся моральное наставление или авторское предисловие, написанное в свободной форме. Например, перед тем, как познакомить нас с Печориным, М.Ю. Лермонтов в предисловии к роману «Герой нашего времени» предупреждает, что смысл названия не должен восприниматься буквально, объясняя, что портрет его героя – лишь диагноз, поставленный поколению, но не образец поведения, как могут подумать некоторые критики.

2. *Ретроспекция*. Обращение к прошлому для поиска событий, объясняющих настоящее. Ретроспективно большинство рассказов И. Бунина, например, «Тёмные аллеи», «Антоновские яблоки».

3. *Разрыв*. Повествование обрывается на самом интересном месте. Должна последовать развязка, но автор заводит речь совсем о другом. На разрывах построена композиция романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». В зарубежной литературе этот приём встречается в романе Л. Стерна «Сентиментальное путешествие».

Элементы композиции

Теперь поговорим о том, из чего состоит композиция. Большинство исследователей выделяют следующие двенадцать композиционных элементов:

1. *Повествование*. Изложение событий в той последовательности, в которой они происходили. Естественный ход сюжета, как мы воспроизводим его, к примеру, в устном рассказе о событии.

2. *Описание*. Чтобы задержать внимание читателя на человеке, месте, обстановке комнаты, автор подробно их описывает. Мы часто пропускаем описание батальных сцен или природы, но это неправильно. В художественном тексте важна каждая деталь. Например, без описания «равнодушной природы» в конце романа «Отцы и дети» не понять отношения Тургенева к Базарову.

3. *Портрет*. При анализе портрета обратите внимание на детали, обозначаемые в первую очередь. Обычно это глаза – знак духовной природы персонажа, но иногда писатель начинает с описания какой-нибудь рюшки, бородавки или воротничка, а о глазах не говорит ничего. Так любит делать Н.В. Гоголь, чтобы подчеркнуть бездуховность своих персонажей [2].

4. *Пейзаж*. Он бывает морским, городским, сельским, горным, степным. Различают также сентиментальный (или пасторальный) пейзаж, пейзаж романтический и реалистический. Его детали либо гармонируют, либо контрастируют с поведением героев, создавая определённый эффект. Например, в рассказе Е. Замятина «Пещера» индустриальный пейзаж сдавливает героев. Вместо человеческого прогресса, с которым обычно ассоциируется город, мы чувствуем регресс, возвращение в каменный век.

5. *Диалог*. Диалог – катализатор сюжета. В диалоге раскрываются противоположности. Король диалогов Ф. Достоевский превращает обычные беседы героев (Порфирия и Раскольникова, Ивана и Алёши Карамазовых) в метафизические споры о добре и зле, Боге и дьяволе [3]. Диалог ускоряет развитие сюжета, оживляет повествование.

6. *Монолог* – это шаг в сторону от основного действия, минутка внимания, прикованного к одному герою. Гениальные монологи в чеховских пьесах рассказывают о сложности внутреннего мира каждого человека. Часто монолог подчёркивает одиночество героя, его замкнутость в самом себе.

7. *Авторское отступление*. Классический пример – лирические отступления «Мёртвых душ», включающие размышления Н. Гоголя о России. Они не

всегда связаны с ходом сюжета, но хорошо прописывают идейный фон произведения.

8. *Вставной рассказ*. В «Мёртвых душах» есть «Повесть о капитане Копейкине», которую можно читать и как отдельный текст, и как часть поэмы. Она обращает читателя к тайнам авторского замысла.

9. *Система персонажей*. Герои не живут по отдельности: даже сохраняя внешнее одиночество, они находятся в постоянном взаимодействии, как фигуры на шахматной доске. Их сложная связь отчасти определяет ход сюжета. Иногда автор меняет изначальный план произведения, отталкиваясь от тех изменений, которые происходят с героем по логике его характера. Так вышло с Анной Карениной в романе Л.Н. Толстого.

10. *Сюжет*. Ход событий в произведении и связанные с ними душевные искания героев.

11. *Фабула* – событийная схема произведения, отличающаяся от сюжета примерно так же, как скелет организма от самого организма.

12. *Авторская характеристика*. Этот элемент присутствует не всегда, но порой автор не может удержаться от выражения отношения к герою. В комедии А. Грибоедова «Горе от ума» такие характеристики проскальзывают в авторских ремарках.

Композиция – стройная и заранее продуманная система сложных частей художественного целого. Согласованность элементов композиции позволит произведению не рассыпаться на куски, а в случае с лирическим текстом поможет вытянуть образный ряд «в струнку». Правда, плотность художественной ткани не всегда предполагает отсутствие умолчаний и заранее продуманных пустот, которые тоже могут быть важной частью авторского замысла.

Литература:

См., например: Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2006.

См., например: Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. Избранные труды // Гоголь и «натуральная» школа. М., 1976; Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд. доп. М., 1988; Коптева Э.И. Лик, лицо и личина в прозе Н.В. Гоголя // Вестник Омской православной духовной семинарии. Омск, 2019. № 2.

См., например: *Переверзев В.Ф.* Творчество Достоевского. М., 1912.; Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского (часть II. Диалог у Достоевского). М., 1994; Тихомиров Б.Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: проблемы аргументации, комментирования, текстологии. Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб, 2006.

Мария ЗНОБИЩЕВА,
кандидат филологических наук

Авторы

Доровских Сергей Владимирович – прозаик, публицист. Окончил ТГТУ. С 2004 г. в журналистике. Главный редактор газеты «АиФ в Тамбове» и журнала «Литературный Тамбов». Автор книг «День твоего имени», «Время Весны», «Шиндяй. Колдун тамбовских лесов» и др. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Пересвет», «Подъём», «Губернский стиль», «Новая Немига литературная», «Памир», «Сухум», в «Тамбовском альманахе» и др. Лауреат областной премии имени И.И. Овсянникова. Лауреат премии им. Л.М. Леонова журнала «Наш современник». Лауреат литературного конкурса «В поисках правды и справедливости». Член Общественной палаты Тамбовской области. Член Союза писателей России.

Селедцов Олег Валерьевич – автор 24 книг стихов и прозы. Публиковался в журналах: «Москва», «Наш современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Воин России», «Благодатный огонь», «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Дон» (Ростов-на-Дону) и др. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Обладатель Золотого Диплома IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2018). Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 ст. и медалью Сергия Радонежского 1 ст. Член Союза писателей России.

Луканкина Елена Львовна – поэт, прозаик, драматург, журналист. Родилась в Тамбове. Окончила факультет журналистики ТГУ имени Г.Р. Державина. Автор шести книг: сборников стихов «Маленькие жизни», «Искусство крика», «P.S.», «Дерево в огне», книги прозы «Полуангелы», а также дебютного романа «Когда мы стали животными». Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» имени Владимира Маяковского. Лауреат литературной премии Тамбовской области имени Е.А. Баратынского. Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Николаева Александра Николаевна – поэт. Родилась в Тамбове, окончила ТГУ им. Г.Р. Державина. Кандидат исторических наук. В настоящее время сотрудник Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина, поэтический куратор творческой студии «ШАТЁР» для молодых инвалидов. Автор четырёх поэтических сборников: «Что о себе могу я рассказать», «А на душе покойней и светлей», «Осенний дневник», «Матерь жизни». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», «Литературной газете», журнале «Подъём», на сайте «Российский писатель». Лауреат литературной премии «Светунец» им. Вячеслава Богданова. Член Союза писателей России.

Матюшина Маргарита Вячеславовна – журналист. Родилась 22.10.1958 г. в Тамбове. Окончила Тамбовский государственный педагогический институт. Публикуется с 1987 г., с 1997 г. – редактор отдела «Тамбовских известий», с 2002 г. – специальный корреспондент, редактор отдела культуры газеты «Тамбовская жизнь». Имеет сертификат театроведа. Печатается в газетах «Культура», «Аргументы и факты», «Труд», «Российская газета», «Сельская жизнь», «Московский комсомолец», журнале «Работница» и др. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, литературной премии «Светунец» им. В.А. Богданова. Член Союза журналистов России.

Пчелинцев Юрий Николаевич – поэт. Родился 22 февраля 1961 года в с. Сурава Тамбовского района Тамбовской области. В 1978 году окончил среднюю школу и поступил в Тамбовское ВААИУ (связь). В 1981 году окончил и в дальнейшем служил в частях дальней авиации СССР. Поступил на службу в органы внутренних дел. В 1998 году уволился по достижении выслуги лет, работал в нескольких организациях... Стихи пишет с детства, первая публикация состоялась в 2019 году.

Виктория Семибратская – поэт, прозаик, интернет-журналист. Автор поэтического сборника «Точка в сердце». Участник коллективных сборников поэзии и прозы, литературных журналов, выходящих в ДНР, России, Сербии. Победитель и дипломант международных литературных конкурсов. Автор идеи и составитель альманахов «Три четверти столетия Победы», «Герои городской застройки». Руководитель международной литературной интернет-площадки «Современник». Член Союза писателей России. Живёт в Донецке.

Владислав Русанов – прозаик, поэт, переводчик. Родился 12 июня 1966 года. По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук по специальности «Бурение скважин». Автор 32 книг, вышедших в разное время в издательствах «Крылов», «Астрель» (С.-Петербург), АСТ, ЭКСМО (Москва), «Шико» (Луганск, Севастополь), Рапан-Принт, Edit (Донецк). Редактор-составитель сборника гражданской поэзии Донбасса «Час мужества» (обладатель специальной премии в номинации «Поэзия» Московской международной книжной ярмарки 2015 года). Член Союза писателей России. Живёт и работает в Донецке.

Бережной Сергей Александрович – прозаик, публицист. Родился в 1955 году в Воронежской области. Окончил ВГУ, академию МВД СССР, Российскую Академию правосудия, Российскую Академию государственной службы. Служил в Советской армии, органах МВД, участник боевых действий, федеральный судья в отставке. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал 21 век», «Звонница», «Пограничник» и др. Автор более десяти книг. Лауреат «Большой литературной премии России», «Щит и меч Отечества», «Имперская культура им. Эдуарда Володина», «Прохоровское поле». Секретарь Союза писателей России, руководитель Военно-художественной студии писателей Минобороны РФ при Белгородском отделении Союза писателей России.

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, литературовед. Родилась в 1939 г. в Мичуринске. Окончила историко-филологический факультет ТГПИ. Работала ст. редактором в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Автор более тридцати книг, один из авторов «Тамбовской энциклопедии». Лауреат литературных премий: имени Е.А. Баратынского, Зои Космодемьянской, издателя И.Г. Рахманинова, первого редактора «Тамбовской правды» И.А. Гаврилова. Заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, почётный гражданин города Тамбова. Награждена орденом Дружбы, медалями «К 100-летию М.А. Шолохова» и «Шукиин». С 1985 г. руководит детским литературно-творческим объединением «Тропинка». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Михайлова Александра Анатольевна – прозаик, публицист. Родилась в 1984 г. в Тамбове. Окончила ТГУ им. Г.Р. Державина, Институт филологии. В настоящее время – редактор газеты «Наш город Тамбов», корреспондент Тамбовской областной православной газеты «Колокольный звон», главный редактор сайта ralotnikland.ru. Регулярно публикуется на страницах названных изданий в жанрах: очерк, интервью,

репортаж, заметка, фельетон. Автор рассказов, стихотворений и научных статей в области литературоведения. В 2019 году издала книгу для детей и семейного чтения «Доброе дело». Дипломант национальной премии в области прессы «Искра» в номинации «Фельетон» (2011), три призовых места в конкурсе журналистских работ администрации Тамбова «Три пчелы» (2015), медаль «За развитие русской мысли» им. Ивана Ильина Общероссийского общественного движения «Россия православная» (2015). Член литактива Тамбовского отделения СП России.

Белых Михаил Петрович – писатель-документалист, краевед, журналист. Родился в 1969 году в Мичуринске. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт. В настоящее время главный редактор газеты «Мичуринская правда». Автор книг по истории города и района. Удостоен премии Союза журналистов России, премии Тамбовской области им. А.К. Воронского, литературных премий им. И.Г. Рахманинова и Б.К. Панова, Патриаршей грамоты (2001), диплома XIII Всероссийского фестиваля «Вся Россия-2008». Член редколлегии «Тамбовской энциклопедии», на его публикациях основывается ряд научных статей «Российской Энциклопедии». Член Союза писателей России.

Ксения Аксёнова – поэт, переводчик. Родилась в Липецке, окончила ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, преподаёт на кафедре английского языка ЛГПУ; кандидат филологических наук. Окончила курсы литературного мастерства Челябинского государственного института культуры (мастерская Н.А. Ягодинцевой), публиковалась в журналах «Петровский мост», «День литературы», «Российский колокол», лауреат всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный листок». Член Союза писателей России.

Корунова Елена Владимировна – прозаик. Окончила Тамбовский институт химического машиностроения, по специальности инженер. Из семьи потомственных военных. Круг интересов – литература, история, философия. Автор коротких рассказов. Публиковалась в региональных периодических изданиях: «Тамбовский альманах», «Тамбовская жизнь», «Тамбовский курьер», «Рассказ-газета», «Александръ». Финалист международного конкурса «Литературная Вена 2011». Живёт в Тамбове.

Гришин Михаил Анатольевич – прозаик, сценарист, журналист. Автор романов «Вкус мести», «Паутина», сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», детских повестей-сказок из серии «Приключения Витьки Картошкина», публикаций в журналах «Подъём», «Север», «Костёр», «Автопилот» и др. Как сценарист участвовал в нескольких телевизионных проектах, писал сценарии для сериала «Особый случай», автор сценария телефильма «Облака, испачканные пылью». Дипломант третьего Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Василий Анурьев – поэт. Родился 12 февраля 1965 года в д. Криуши Мордовского района Тамбовской обл. в крестьянской семье. В 1983-1985 годах служил в Советской армии, на средней Волге, в Тольятти. С 1985 по 1995 годы жил в Тамбове, работал на заводах «Пигмент», КПД, АРТИ. Первая попытка издать книгу относится к 1991 г. В 2013 году вышел первый сборник стихов «Неутолённость», всего издано пять книг. В последнее время пишет прозу. Живёт в Тамбове.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наши

современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии журнала «Наши современник» им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков «Мир слова» при Центральной детской библиотеке им. С.Я. Маршака г. Тамбова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Самородова Ольга Петровна – фотохудожник. Родилась и живет в г. Тамбове. Окончила Тамбовский педагогический институт. 30 лет проработала воспитателем в Тамбовском областном Доме ребёнка. Состоит в Тамбовском фотографическом обществе. Принимает активное участие в фотовыставках в Тамбове и области, участвовала в международных фотовыставках в Израиле, Волгодонске. Победитель конкурсов творческой фотографии (Международный конкурс Д. Морозова, Тамбовский областной конкурс «Тамбов в лицах»). Победитель конкурсов Фотоконкурс.ру и Фотофэст.

Содержание

ЭПИГРАФ

Валентина Дорожкина. У памятника Зое. *Стихи* 3

ПРОЗА

Сергей Доровских. Свет непокорённых. *Повесть*.....4

Александра Михайлова. Дворяночка. *Роман. Начало* 116

Елена Корунова. Ночной колокол. *Рассказ*.....167

Михаил Гришин. Родные люди. *Рассказы* 173

ПОЭЗИЯ

Олег Селедцов. «Звёздные пчёлы уснули в космических ульях...» *Стихи* ..49

Елена Луканкина. «Над Невой – рдеющая просинь». *Стихи* 54

Александра Николаева. «Куда уходит осень золотая?» *Стихи* 58

Ксения Аксёнова. «День прожит правильно и глупо» *Стихи* 162

ДОНБАСС

Виктория Семибратская. Осколки войны. *Очерк*.....78

Владислав Русанов. Мы так беспечно любим жизнь. *Стихи*.....90

Сергей Бережной. Оркестровая яма... *Очерк* 96

ИМЕНА

Игорь Лавленцев. Чёрный турман. *Стихи* 101

Валентина Дорожкина. Поэзия мужества, добра и любви. *Биографический очерк* 106

ИСТОРИЯ

Маргарита Матюшина. Зоя Космодемьянская. Подвиг не предательства. *Очерк* 64

Михаил Белых. Всероссийский святой. *Очерк о Серафиме Саровском* 152

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Интервью с Александром Ванюшкиным, автором гимна специальной военной операции по освобождению Донбасса «Триста тридцать три» 74

ЮБИЛЕЙ

Валентина Дорожкина. Николай Наседкин – исследователь творчества Ф.М. Достоевского. *Биографический очерк*. 159

НОВЫЕ ЛИЦА

Юрий Пчелинцев. «До рассвета всего минут двадцать...» *Стихи* 70

Василий Анурьев. Пигалица. *Рассказ*.....191

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

«Против течения, вслед звёздам...» *Стихи и проза юных литераторов*.....197

АЗБУКА ПИСЬМА

Мария Знобищева. Композиция литературного произведения. *Лекция* 207

ГАЛЕРЕЯ

Фотокартины Самородовой Ольги 111

АВТОРЫ

.....211

Для заметок

Тамбовский альманах № 25

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия

Олег АЛЁШИН
Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталья ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Александра НИКОЛАЕВА
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА

Корректор
Александра МИХАЙЛОВА

Вёрстка
Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6050418-0-1

ISBN 978-5-6050418-0-1

Подписано в печать 10.07.2023
Формат 70x100 1/16
Бумага тy print. Печать цифровая
гарнитура Minion Pro. Печ. л. 17.71
Тираж 100 Заказ № 30
Студия печати Галины Золотовой
studiapechati@bk.ru
8 953 715 48 36